

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

23

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1949

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
23

Август 1916 — март 1917

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать третий том содержит произведения, написанные В. И. Лениным в Швейцарии в период с августа 1916 года по март 1917 года.

Большинство произведений отражает борьбу Ленина, большевиков против империалистической войны и предательской политики вождей партий II Интернационала — открытых социал-шовинистов и центристов. К ним относятся статьи: «Империализм и раскол социализма», «Целый десяток «социалистических» министров», «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств» и другие.

В томе печатается знаменитая статья «Военная программа пролетарской революции», в которой Ленин на основании данных об империалистическом капитализме, изложенных в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», развил новую теоретическую установку, в силу которой одновременная победа социализма во всех странах считается *невозможной*, а победа социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране признается *возможной*, и обосновал положение о войнах справедливых и несправедливых.

Значительную часть тома составляют произведения, в которых Ленин определил задачи революционных социал-демократов в период мировой империалистической войны (1914—1918): «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии», «Принципиальные положения к вопросу о войне», «К постановке вопроса о защите отечества», «Защита нейтралитета» и другие.

В статьях «О рождающемся направлении «империалистического экономизма», «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» Ленин подвергает критике враждебную марксизму позицию антипартийной группы Бухарина—Пятакова и развивает в новых исторических условиях большевистскую программу по национальному вопросу.

В том входит «Доклад о революции 1905 года», прочитанный Лениным в Цюрихе на собрании рабочей молодежи, в котором Ленин дал глубокое и всестороннее обобщение опыта первой русской революции.

Произведения «Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года», «Письма из далека», «О задачах РСДРП в русской революции», «Революция в России и задачи рабочих всех стран» и другие — написаны в первые дни февральской революции 1917 года. В них Ленин дал анализ соотношения классовых сил в революции и наметил перспективы перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической.

Впервые включаются в Сочинения В. И. Ленина шесть документов. «Предложение об изменениях в резолюции по военному вопросу», «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии» посвящены борьбе левых социал-демократов в швейцарской с.-д. партии в период мировой империалистической войны. Работа «Статистика и социология» показывает роль национальных движений в международном рабочем движении. Документы «Телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию» и «Заявление в газету «Volksrecht» разъясняют тактику большевиков в развертывающейся революции в России. «Постановление Заграничной Коллегии ЦК РСДРП» направлено против меньшевиков, пытавшихся помешать возвращению Ленина и большевиков из эмиграции в Россию.

О РОЖДАЮЩЕМСЯ НАПРАВЛЕНИИ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЗМА»

Старый «экономизм», 1894—1902 годов, рассуждал так. Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо «рабочим экономическая, либералам политическая борьба». Это — курбет вправо. Либо — вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это — курбет влево, представленный одною, ныне забытой, брошюрой русского «экономиста» конца 90-х годов¹.

Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя курбетами: «вправо» — мы против «права самоопределения» (т. е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями, — это еще не додумано или не договорено). «Влево» — мы против программы-минимум (т. е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции.

Прошел уже год с лишним с тех пор, как это рождающееся направление обнаружилось перед несколькими товарищами, именно на бернском совещании весной 1915 года. Тогда, к счастью, лишь один товарищ, встретивший *всеобщее* неодобрение, настаивал до конца совещания на этих идеях «империалистического экономизма» и формулировал их письменно в виде особых «тезисов». *Никто* к этим тезисам не присоединился².

Затем к тезисам того же товарища против самоопределения присоединилось еще двое³ (не сознавая неразрывной связи этого вопроса с общей позицией только что названных «тезисов»). А появление «голландской

программы» в феврале 1916 г., напечатанной в № 3 «Бюллетеня Интернациональной Социалистической Комиссии»⁴, сразу обнаружило это «недоразумение» и вновь побудило автора первоначальных «тезисов» воскресить весь свой «империалистический экономизм» уже опять в целом, а не в применении к одному якобы «частному» пункту.

Является безусловная необходимость еще и еще раз предупредить соответствующих товарищей, что они залезли в болото, что их «идеи» ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией не имеют. Оставлять дальше дело «под спудом» непозволительно: это значит помогать идейной путанице и направлять ее в наилучшую сторону недоговоренностей, «частных» конфликтов, неизбежных «трений» и т. д. Напротив, наш долг настаивать самым безусловным и самым категорическим образом на обязательности обдумать и разобрать окончательно выдвинувшиеся вопросы.

Редакция «Социал-Демократа»⁵ в тезисах о самоопределении* (по-немецки напечатаны, как оттиск из № 2 «Vorboten»⁶) нарочно вынесла дело в печать в безличной, но наиболее обстоятельной форме, подчеркивая особенно связь вопроса о самоопределении с общим вопросом о борьбе за реформы, за демократию, о непозволительности игнорировать политическую сторону и т. д. В своих замечаниях на тезисы редакции о самоопределении автор первоначальных тезисов («империалистического экономизма») солидаризируется с голландской программой и этим особенно наглядно показывает сам, что вопрос о самоопределении вовсе не «частный», в его постановке авторами рождающегося направления, а общий и основной вопрос.

Программа голландцев получена была представителями Циммервальдской левой⁷ 5—8. II. 1916, на бернском заседании Интернациональной социалистической комиссии. Ни один из членов этой левой, не исключая и Радека, за эту программу не высказался, ибо она соединяет, в беспорядке, такие пункты, как «экспроприацию банков», и такие, как «отмена торговых пошлин», «уничтожение первой палаты сената» и т. п. Все представители Циммервальдской левой единодушно, с полуслова, — даже

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 132—145. *Ред.*

почти без слов, а только пожав плечами, — прошли мимо голландской программы, как явно неудачной в целом.

Автору же первоначальных, весной 1915 г. писанных, тезисов эта программа так понравилась, что он заявил: «я по существу ничего большего и не говорил» (весной 1915 г.), «голландцы додумались»: *«у них экономическая сторона — экспроприация банков и крупных производств»* (предприятий), *«политическая — республика и проч. Совершенно правильно!»*.

На самом деле, голландцы не «додумались», а дали весьма *непродуманную* программу. Печальная судьба России, что у нас иные люди как раз за непродуманное в самой новой повинке и хватаются...

Автору тезисов 1915 года кажется, что редакция «Социал-Демократа» впала в противоречие, когда «сама» выставила «экспроприацию банков» и даже с добавлением слова «немедленно» (плюс «диктаторские меры») в § 8 («Конкретные задачи»). «А как в Берне меня за это жё ругали!» — восклицает, в негодовании, автор тезисов 1915 г., вспоминая бернские споры весной 1915 года.

«Мелочь» забыл и не досмотрел этот автор: редакция «Социал-Демократа» в § 8 ясно разбирает *два* случая: I — социалистическая революция *началась*. Тогда, говорится там, «немедленная экспроприация банков» и пр. II случай: социалистическая революция *не* начинается и тогда приходится подождать говорить об этих хороших вещах.

Так как *сейчас* социалистическая революция в указанном смысле, заведомо, еще не началась, то программа голландцев и псуразна. А автор тезисов *углубляет* дело, возвращаясь («кажинный раз на эфтом самом месте»...) к своей старой ошибке: превратить политические требования (вроде «уничтожения первой палаты»?) в *политическую формулировку социальной революции*.

Потоптавшись целый год на одном месте, автор пришел к своей старой ошибке. Здесь «гвоздь» его злосключений: он не может разобраться в вопросе, *как связать наступивший империализм с борьбой за реформы и с борьбой за демократию* — совершенно так же, как «экономизм» блаженной памяти не умел связать наступивший капитализм с борьбой за демократию.

Отсюда — полнейшая путаница в вопросе о «неосуществимости» демократических требований при империализме.

Отсюда — непозволительное для марксиста (и уместное лишь в устах «экономиста» рабочемысленца) игнорирование политической борьбы теперь, сейчас, тотчас же, как и всегда.

Отсюда — упорное свойство «сбиваться» с признания империализма на *апологию* империализма (как «экономисты» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма).

И т. д. и т. д.

Разбирать во всей детальности ошибки автора тезисов 1915 г. в его замечаниях на тезисы редакции «Социал-Демократа» о самоопределении нет никакой возможности, ибо *неверна каждая фраза!* Нельзя же писать брошюры или книги в ответ на «замечания», если инициаторы «империалистического экономизма» год топчутся на одном месте и упорно не хотят позаботиться о том, о чем прямой их партийный долг позаботиться, если они хотят серьезно относиться к политическим вопросам, именно: об обдуманном, целостном изложении того, что они называют «нашими разногласиями».

Я вынужден ограничиться краткими указаниями на то, как применяет автор свою основную ошибку или как «дополняет» ее.

Автору кажется, что я противоречу себе: в 1914 г. («Просвещение»⁸) писал, что нелепо искать самоопределения «в программах западноевропейских социалистов»*, а в 1916 г. объявляю самоопределение особенно насущным.

Автор не подумал (II), что «программы» эти писаны в 1875, 1880, 1891 годах!⁹

Дальше по §§ (тезисов редакции «Социал-Демократа» о самоопределении):

§ 1. То же «экономистское» нежелание видеть и ставить *политические* вопросы. Так как социализм создаст экономическую базу для уничтожения национального гнета в политике, поэтому наш автор не желает формулировать наших *политических задач* в этой области! Это просто курьез!

* См. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 378. Ред.

Так как победоносный пролетариат не отрицает войн с буржуазией других стран, поэтому автор не желает формулировать наших политических задач в области национального гнета!! Все — примеры сплошных нарушений марксизма и логики; или, если хотите, проявление логики основных ошибок «империалистского экономизма».

§ 2. Противники самоопределения запутались безбожно с ссылками на «неосуществимость».

Редакция «Социал-Демократа» разъясняет им два возможных значения неосуществимости и их ошибку в обоих случаях.

Автор же тезисов 1915 г., даже и не пытаясь дать свое понимание «неосуществимости», т. е. принимая наше разъяснение, что здесь спутываются две разные вещи, продолжает эту путаницу!!

Кризисы он связывает с «империалистской» «политикой»: наш политико-эконом забыл, что кризисы были до империализма!..

Говорить об экономической неосуществимости самоопределения значит путать — разъясняет редакция. Автор не отвечает, не заявляет, что он считает самосредделение экономически неосуществимым; он сдает спорную позицию, перепрыгивая на политику («все же» неосуществимо), хотя ему яснее ясного сказано, что политически и республика совершенно так же «неосуществима» при империализме, как самоопределение.

Прижатый здесь, автор «прыгает» еще раз: он и республику и всю программу-минимум признает лишь как «политическую формулировку социальной революции»!!!

«Экономическую» неосуществимость самоопределения автор отказывается защищать, перепрыгивая на политику. Политическую неосуществимость он переносит на вопрос о всей программе-минимум. Тут опять ни грана марксизма, ни грана логики, кроме логики «империалистического экономизма».

Автор хочет незаметно (не подумав сам и не дав ничего цельного, не трудясь над выработкой своей программы) выкинуть программу-минимум социал-демократической партии! Неудивительно, что он год топчется на месте!!

Вопрос о борьбе с каутскианством есть опять-таки не частный, а общий и основной вопрос современности: автор этой борьбы не понял. Как «экономисты» борьбу

с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма (это и к § 3 относится).

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долой самодержавие» есть народничество).

Ошибка каутскианства в том, что оно *правильные* демократические требования оборачивает назад, к мирному капитализму, а не вперед, к социальной революции (а автор сбивается на то, что эти требования неправильны).

§ 3. См. выше. Вопрос о «федерации» автор *тоже* обходит. Та же основная ошибка того же «экономизма»: неумение ставить *политические* вопросы*.

§ 4. «Из самоопределения вытекает защита отечества» — упорно твердит автор. Его ошибка здесь в том, что он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а «вобще». Это не марксизм.

Автору давно уже сказано, и он не опроверг этого: попробуйте придумать такую формулировку борьбы с национальным гнетом или неравноправием, которая бы (формулировка) *не* оправдывала «защиты отечества». Вы этого сделать не сможете.

Значит ли это, что мы против борьбы с национальным гнетом, если из него *можно* вывести защиту отечества?

Нет. Ибо мы не «вообще» против «защиты отечества» (см. резолюции нашей партии**), а против *прикрашивания* этим обманным лозунгом *данной империалистской* войны.

Автор *в корне* неверно, *не исторически*, *хочет* (но не может; у него и тут за целый год только потуги...) поставить вопрос о «защите отечества».

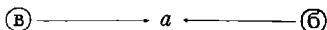
Речи о «дуализме» показывают, что автор *не понимает*, что такое монизм и что такое дуализм.

* «Мы не боимся распадов», пишет автор, «мы не защищаем государственных границ». Попробуйте дать точную политическую формулировку этого! В том-то и гвоздь, что *вы не можете этого сделать*; вам мешает «экономистский» слепота и попросам политической демократии.

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 138—139. *Ред.*

Если я «объединю» сапожную щетку и млекопитающее, будет ли это «монизм»?

Если я скажу, что к цели *a* надо

идти от пункта (б) налево, а от пункта (в) направо, будет ли это «дуализм»?

Одинаково ли положение пролетариата угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и экономически и политически и идейно, духовно и т. п.

Значит?

Значит, к одной цели (слияние наций) из разных исходных пунктов одни пойдут *так*, другие *иначе*. Отрицание этого есть «монизм», объединяющий сапожную щетку с млекопитающим.

«Пролетариям угнетенной нации говорить этого» (за самоопределение) *«не полагается»* — так «понял» автор тезисы редакции.

Это курьез!! *Ничего подобного* не сказано в тезисах. Автор либо не дочитал либо совсем не подумал.

§ 5. См. выше о каутскианстве.

§ 6. Автору говорят о трех *типах* стран во всем мире. Автор «возражает», ловя «казусы». Это — казуистика, а не политика.

Вам угодно знать «казус»: «а Бельгия»?

Смотри брошюру Ленина и Зиновьева¹⁰: там сказано, что мы были бы *за* защиту Бельгии (даже *войной*), если бы конкретная война была *иная**.

Вы несогласны с этим?

Скажите это!!

Вы *не продумали* вопроса о том, *почему* социал-демократия против «защиты отечества».

Мы не потому против нее, почему вам кажется, ибо ваша постановка вопроса (потуги, а не постановка) неисторична. Вот мой ответ автору.

Назвать «софистикой» то, что мы, *оправдывая войну из-за свержения национального гнета*, не оправдываем данной империалистской войны, ведущейся с *обеих* сторон ради

* См. Социализм, 4 изд., том 21, стр. 276—277. Ред.

усиления национального гнета, — значит употребить «крепкое» словечко, но не *подумать ни капельки*.

Автору *хочется* «полевее» поставить вопрос о «защите отечества», а выходит (уже целый год) — сплошная путаница!

§ 7. Автор *критикует*: «совсем не затронут вопрос об условиях мира» вообще.

Вот так критика: не затронут вопрос, которого мы здесь и не ставим!!

Но ведь здесь «затронут» и поставлен вопрос об *аннексиях*, в котором запутались «империалистские экономисты», на этот раз *вместе* с голландцами и Радеком.

Либо вы отрицаете немедленный лозунг *против старых и новых аннексий*, — (не менее «неосуществимый» при империализме, чем самоопределение; в Европе, как и в колониях), — и тогда ваша апология империализма из скрытой переходит в открытую.

Либо вы признаете этот лозунг (как сделал Радек в печати), — тогда вы признали самоопределение наций под другим именем!!

§ 8. Автор прокламирует «большевизм в западноевропейском масштабе» («не Ваша позиция», добавляет он).

Я не придаю значения желанию держаться за слово «большевизм», ибо я знаю *таких* «старых большевиков», что упаси боже. Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в западноевропейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма».

По-моему, это верх недопустимости и несерьезности, непартийности — целый год прокламировать *новый большевизм* и ограничиваться этим. Не пора ли *обдумать* и дать нечто такое товарищам, что бы связно и цельно излагало этот «большевизм в западноевропейском масштабе»?

Различие колоний от угнетенных наций в Европе автор не доказал и не докажет (в применении к данному вопросу).

У голландцев и P. S. D.* отрицание самоопределения *не только*, и даже не столько, путаница, ибо Гортер фак-

* — ПСД — польская социал-демократия. Ред.

тически признал его, как и циммервальдское заявление поляков¹¹, сколько результат *особого* положения их наций (малые нации с *вековыми* традициями и претензиями *великодержавности*).

Верх непродуманности и наивности — перенять, повторить механически и без критики то, что у других выросло десятилетиями борьбы с обманывающей народ националистской буржуазией. *Как раз* то люди переняли, чего нельзя перенять!

Написано в августе — сентябре
1918 г.

Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Большевик» № 15
Подпись: Н. Лени н

Печатается по рукописи

ОТВЕТ П. КИЕВСКОМУ (Ю. ПЯТАКОВУ) ¹²

Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других, — как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов.

Эта истина дает себя знать и в области социал-демократического мышления о войне и по поводу войны. Одно дело — поглубже вдуматься в причины и значение империалистской войны на почве высокоразвитого капитализма, в задачи тактики с.-д. в связи с войной, в причины кризиса социал-демократии и так далее. Другое дело — дать войне *подавить* свою мысль, перестать рассуждать и анализировать *под гнетом* ужасных впечатлений и мучительных последствий или свойств войны.

Одной из таких форм *подавленности* или *придавленности* человеческого мышления войной является пренебрежительное отношение «империалистического экономизма» к *демократии*. П. Киевский не замечает, что красной нитью через все его рассуждения проходит эта придавленность, запуганность, отказ от анализа по случаю войны. Ну, чего уж тут толковать о защите отечества, когда перед нами такая зверская бойня! чего уж тут говорить о правах наций, когда царит простое и сплошное удушение! Какое уж тут самоопределение, «независимость» наций, когда — посмотрите — что сделали с «независимой» Грецией! к чему вообще говорить и думать о «правах», когда везде попирают все права во имя интересов военщины! к чему говорить и думать о республике, когда ни малейшей, прямо-таки абсолютно никакой разницы между самыми демократическими республиками и самыми реакционными монархиями не осталось, не видно в следа вокруг нас, во время этой войны!

П. Киевский очень сердится, когда ему указывают на то, что он дал себя запугать, дал себя увлечь до отрицания демократии вообще, — сердится и возражает: я вовсе не против демократии, а только против *одного* демократического требования, которое считаю «плохим». Но, как ни сердится П. Киевский, как ни *«уверлет»* он нас (а может быть и самого себя), что он вовсе не «против» демократии, его *рассуждения* — или вернее: его непрерывные *ошибки* в рассуждениях — *доказывают* обратное.

Защита отечества есть ложь в империалистской войне, но вовсе не ложь в демократической и революционной войне. Разговоры о «правах» кажутся смешными во время войны, ибо *всякая* война ставит прямое и непосредственное насилие на место права, но из-за этого нельзя забывать, что бывали в истории в прошлом (и наверное будут, должны быть в будущем) войны (демократические и революционные войны), которые, заменяя на время войны всякое «право», всякую демократию насилием, *служили* по своему социальному содержанию, по своим последствиям, делу демократии и *следовательно* социализма. Пример Греции кажется «опровергающим» всякое самоопределение наций, но этот пример, если хотеть думать, анализировать, взвешивать, а не оглушать себя звоном слов, не давать себя запугивать гнетом кошмарных впечатлений от войны, — этот пример ничуть не более серьезен и убедителен, чем насмешки над республикой по поводу того, что «демократические», самые демократические республики, не только Франция, но и Соединенные Штаты, и Португалия, и Швейцария во время этой войны установили и устанавливают совершенно такой же произвол военщины, как и Россия.

Это факт, что империалистская война стирает разницу между республикой и монархией, но выводиться отсюда отрицание республики или хотя бы пренебрежительное отношение к ней значит давать себя запугать войной, значит позволять *придавить* свою мысль ужасам войны. Так же рассуждают многие сторонники лозунга «разоружения» (Роланд-Гольст, швейцарские молодые, скандинавские «левые»¹³ и пр.) — дескать, чего уж тут толковать о революционном использовании войска или милиции, когда, посмотрите, есть ли разница между милицией республик и постоянным войском монархий в этой войне? — когда милитаризм делает *повсюду* вот какое ужасное дело?

Это все один ход мысли, одна и та же теоретическая и практически-политическая ошибка, которую не замечает П. Киевский, делая ее буквально на каждом шагу своей статьи. Он *думает*, что спорит только против самоопределения, он *хочет* спорить только против него, а *выходит* у него — вопреки его воле и сознанию, в этом-то и курьез! — выходит так, что *ни единого* аргумента он *не* приводит, который с таким же основанием не мог бы быть приведен против демократии вообще!

Действительный источник всех его курьезных логических ошибок, всей путаницы — не только по вопросу о самоопределении, но и по вопросу о защите отечества, по вопросу о разводе, по вопросу о «правах» вообще, — состоит в том, что его мысль *придавлена* войной и в силу этой придавленности в корне извращено отношение марксизма к демократии вообще.

Империализм есть высокоразвитой капитализм; империализм прогрессивен; империализм *есть* отрицание демократии; «значит», демократия «неосуществима» при капитализме. Империалистская война есть вопиющее нарушение всякой демократии одинаково и в отсталых монархиях и в передовых республиках; «значит», ни к чему разговоры о «правах» (т. е. о демократии!). Империалистской войне можно «противопоставить» «только» социализм; «выход» только в социализме; «значит», выставлять демократические лозунги в программе-минимум, т. е. уже при капитализме, есть обман или иллюзия или затемнение, отдаление и т. п. лозунга социалистического переворота.

Вот действительный, не сознаваемый П. Киевским, но действительный источник всех его злоключений. Вот — *основная* логическая ошибка его, которая, именно потому, что она лежит в основе, будучи не сознаана автором, и *взрывает* на каждом шагу, как гнилая велосипедная шина, «выскакивает» то на вопросе о защите отечества, то на вопросе о разводе, то в фразе о «правах», в этой великолепной (по глубине презрения к «правам» и по глубине непонимания дела) фразе: *не* о правах будет идти речь, а о разрушении векового рабства!

Сказать такую фразу и значит обнаружить непонимание отношения между капитализмом и демократией, между социализмом и демократией.

Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами. Свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими, самыми «идеальными» демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом, но пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, неспособен совершить экономического переворота. Нельзя победить капитализма, не *взяв банков*, не отменив *частной собственности* на средства производства, но нельзя осуществить этих революционных мер, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом, не привлекая всей массы трудящихся, и пролетариев и полупролетариев и мелких крестьян, к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве. Империалистская война есть тройное, можно сказать, отрицание демократии (*а* — всякая война заменяет «права» насилием; *б* — империализм вообще есть отрицание демократии; *в* — империалистская война вполне приравнивает республики к монархиям), но пробуждение и рост социалистического восстания против империализма *неразрывно* связаны с ростом демократического отпора и возмущения. Социализм ведет к отмиранию *всякого* государства, следовательно, и всякой демократии, но социализм не осуществим иначе как *через* диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с *полным* развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия *всей* массы населения во всех *государственных* делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма.

Вот в этих «противоречиях» и запутался П. Киевский, забыв учение марксизма о демократии. Война, фигурально выражаясь, придавила его мысль до того, что он агитационным криком «вон из империализма» так же заменил всякое размышление, как криком «вон из колоний» заменяют анализ того, что, собственно, *значит* — экономически и политически — «уход» цивилизованных народов «из колоний».

Марксистское решение вопроса о демократии состоит в *использовании* ведущим свою классовую борьбу пролетариатом *всех* демократических учреждений и стремлений против буржуазии в целях подготовки победы пролетариата над буржуазией, свержения ее. Это использование не легкое дело, и «экономистам», толстовцам и т. п. оно часто кажется такой же незаконной уступкой «буржуазному» и оппортунистическому, как П. Киевскому незаконной уступкой буржуазному кажется отстаивание самоопределения наций «в эпоху финансового капитала». Марксизм учит, что «борьба с оппортунизмом» в виде отказа от использования буржуазией созданных и буржуазией извращаемых демократических учреждений *данного*, капиталистического, общества есть *полная сдача* перед оппортунизмом!

Лозунгом, который указывает и быстрейший выход из империалистской войны и *связь* нашей борьбы против нее с борьбой против оппортунизма, является *гражданская война* за социализм. Только этот лозунг правильно учитывает и особенности военного времени — война затягивается и грозит вырасти в целую «эпоху» войны! — и весь характер нашей деятельности в противовес оппортунизму с его пацифизмом, с его легализмом, с его приспособлением к «своей» буржуазии. Но кроме того гражданская война против буржуазии является *демократически* организуемой и ведомой войной масс бедноты против меньшинства имущих. Гражданская война есть тоже война; следовательно, и она неминуемо должна ставить насилие на место права. Но насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно *неосуществимо* без демократической организации войска и «тыла». Гражданская война насильственно экспроприрует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно *для того*, чтобы экспроприировать все это, надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и *полное слияние* армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр.,

уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление *ее* войска. Но эта цель недостижима *ни* с чисто военной *ни* с экономической *ни* с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и *нашего* «тыла». Мы говорим массам теперь (и массы инстинктивно чувствуют нашу правоту, когда мы говорим им это): «вас обманывают, ведя на войну ради империалистского капитализма и прикрывая *ее* великими лозунгами демократии». «Вы должны вести и вы поведете войну *против* буржуазии *действительно* демократически и в целях действительного осуществления демократии и социализма». Теперешняя война соединяет и «сливает» народы в коалиции посредством насилия и финансовой зависимости. *Мы* в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы *не* силой рубля *не* силой дубья, *не* насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров. Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, — а, следовательно, и без свободы государственного отделения — гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*.

Через использование буржуазного демократизма — к социалистической и последовательно-демократической организации пролетариата против буржуазии и против оппортунизма. Иного пути нет. Иной «выход» *не* есть выход. Иного выхода не знает марксизм, как не знает его действительная жизнь. Свободное отделение и свободное соединение наций мы должны включить в этот же путь, а не отмахиваться от них, не бояться, что это «загрязнит» «чисто» экономические задачи.

Написано в августе — сентябре
1916 г.

Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 7 (90)

Печатается по рукописи

О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ»

«Революционной социал-демократии никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует». Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или тактическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня и когда *кроме* прямых и серьезных врагов на него «набрасываются» такие друзья, которые безнадежно его компрометируют — по-русски: срамят — превращая его в карикатуру. Так бывало неоднократно в истории русской социал-демократии. Победа марксизма в революционном движении, в начале 90-х годов прошлого века, сопровождалась появлением карикатуры на марксизм в виде тогдашнего «экономизма» или «стачкизма», без долголетней борьбы с которым «искровцы» не могли бы отстоять основ пролетарской теории и политики ни против мелкобуржуазного народничества, ни против буржуазного либерализма. Так было с большевизмом, который победил в массовом рабочем движении 1905-го года между прочим благодаря правильному применению лозунга «бойкот царской Думы» в период важнейших битв русской революции, осенью 1905 года, и который должен был пережить — и преодолеть борьбой — карикатуру на большевизм в 1908—1910 годах, когда Алексинский и др. поднимали великий шум против участия в III Думе.

Так обстоит дело и теперь. Признание *данной* войны империалистскою, указание на *ее* глубокую связь с империалистскою эпохой капитализма встречает наряду с серьезными противниками несерьезных друзей, для которых словечко империализм стало «модой», которые, *заучив* это

словечко, несут рабочим самую отчаянную теоретическую путаницу, воскрешая целый ряд былых ошибок былого «экономизма». Капитализм победил, — *поэтому* не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894—1901 годах, доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил — *поэтому* не нужно думать о вопросах политической демократии, рассуждают современные «империалистические экономисты». Как образчик таких настроений, такой карикатуры на марксизм, получает значение печатаемая выше статья П. Киевского¹⁴, дающая впервые опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения шатанной мысли, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915-го года.

Распространение «империалистического экономизма» в рядах марксистов, которые решительно встали против социал-шовинизма и на сторону революционного интернационализма в современном великом кризисе социализма, было бы серьезнейшим ударом нашему направлению — и нашей партии, — ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма. Поэтому на обстоятельном обсуждении хотя бы главнейших из бесчисленных ошибок в статье П. Киевского приходится остановиться, как бы ни было это «неинтересно» само по себе, как бы ни вело это сплошь да рядом к чересчур элементарному разжевыванию чересчур азбучных истин, для внимательного и вдумчивого читателя давно уже известных и понятных из нашей литературы 1914 и 1915 годов.

Начнем с самого «центрального» пункта рассуждений П. Киевского, чтобы сразу ввести читателя в «суть» нового направления «империалистического экономизма».

1. МАРКСИСТСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНАМ И К «ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА»

П. Киевский уверен сам и хочет уверить читателей, что он «несогласен» *только* с самоопределением наций, в § 9 нашей партийной программы. Он очень сердито пыжится отбросить обвинение в том, что он *коренным* образом отстает от марксизма *вообще* в вопросе о демократии, что

он является «изменником» (ядовитые кавычки П. Киевского) марксизму в чем-либо основном. Но в том-то и суть, что, как только наш автор принялся рассуждать о своем якобы частном и отдельном несогласии, принялся приводить аргументы, соображения и пр., — сейчас же оказалось, что он именно по всей линии идет в сторону от марксизма. Возьмите § b (отд. 2) в статье П. Киевского. «Это требование» (т. е. самоопределение наций) «прямым путем (II) ведет к социал-патриотизму» — провозглашает наш автор и поясняет, что «предательский» лозунг защиты отечества есть вывод, «с полнейшей (!) логической (!) правоммерностью делаемый из права наций на самоопределение»... Самоопределение, по его мнению, есть «санкционирование предательства французских и бельгийских социал-патриотов, защищающих эту независимость» (национально-государственную независимость Франции и Бельгии) «с оружием в руках — они *делают* то, что сторонники «самоопределения» только говорят»... «Защита отечества принадлежит к арсеналу наших злейших врагов»... «Мы решительно отказываемся понимать, как можно быть *одновременно* против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него».

Так пишет П. Киевский. Он явно не понял наших резолюций против лозунга защиты отечества в данной войне. Приходится взять то, что черным по белому написано в этих резолюциях и разъяснить еще раз смысл ясной русской речи.

Резолюция нашей партии, принятая на бернской конференции в марте 1915-го года и носящая заголовок: «О лозунге защиты отечества», начинается словами: «*Действительная сущность современной войны заключается* в том-то и том-то».

Речь идет о *современной* войне. Яснее нельзя этого сказать по-русски. Слова «действительная сущность» показывают, что надо отличать кажущееся от действительного, внешность от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистскую войну 1914—1916 годов, войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д., за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о «*действительно-национальных войнах*», которые «имели

место *особенно* (заметьте: особенно не значит исключительно!) в эпоху 1789—1871 годов».

Резолюция поясняет, что «в основе» этих «действительно» национальных войн «лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета»...*

Кажется, ясно? В теперешней империалистской войне, которая порождена всеми условиями империалистской эпохи, т. е. явилась не случайно, не исключением, не отступлением от общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо это война *не* национальная. В *действительно-национальной* войне слова «защита отечества» *вовсе не* обман и *мы* *вовсе не* против нее. Такие (действительно-национальные) войны имели место «особенно» в 1789—1871 годах, и резолюция, ни словом не отрицая их возможность и теперь, поясняет, как надо отличать действительно-национальную войну от империалистской, прикрываемой обманно-национальными лозунгами. Именно — для отличения надо рассмотреть, лежит ли «в основе» «длительный процесс массовых национальных движений», «свержения национального гнета». В резолюции о «пацифизме» говорится прямо: «социал-демократы не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т. е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например» (заметьте это: «например»), «от 1789 до 1871 г. ради свержения национального гнета»...** Могла ли бы резолюция нашей партии в 1915-ом году говорить о национальных войнах, примеры коих бывали в 1789—1871 гг., и указывать, что позитивного значения таких войн мы не отрицаем, если бы такие войны не признавались возможными и теперь? Ясно, что не могла бы.

Комментарием к резолюциям нашей партии, т. е. популярным пояснением их, является брошюра Ленина и Зиновьева: «Социализм и война». В этой брошюре на стр. 5-ой черным по белому написано, что «социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость защиты отечества или оборонительной войны» *только* в смысле «свержения чужденационального гнета». Приводится пример: Персия против

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 138. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 141. Ред.

России «и т. п.» и говорится: «это были бы справедливые, оборонительные войны независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав»*.

Брошюра вышла в августе 1915 г., издана по-немецки и по-французски. П. Киевский ее отлично знает. Ни разу не возрадил нам ни П. Киевский ни вообще кто бы то ни было ни против резолюции о лозунге защиты отечества, ни против резолюции о пацифизме, ни против истолкования этих резолюций в брошюре, ни разу! Спрашивается, клеветем ли мы на П. Киевского, говоря, что он совершенно не понял марксизма, если этот писатель, с марта 1915 г. не возражавший против взглядов нашей партии на войну, — теперь, в августе 1916 г., в статье о самоопределении, т. е. в статье якобы по частному вопросу, обнаруживает поразительное непонимание *общего* вопроса?

П. Киевский называет лозунг защиты отечества «предательским». Мы можем спокойно уверить его, что *всякий* лозунг является и всегда будет являться «предательским» для тех, кто будет механически повторять его, не понимая его значения, не вдумываясь в дело, ограничиваясь запоминанием слов без анализа их смысла.

Что такое «защита отечества» вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет. Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее *оправдание войны*. Ничего больше, ровнехонько ничего! «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны *всякую* войну оправдать, говоря «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать *эту* войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной, справедливой и т. п.

Лозунг защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски-несознательное оправдание войны, при неумении

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 272—273. Ред.

исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм даёт такой анализ и говорит: *если* «действительная сущность» войны состоит, *например*, в свержении чуженационального гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации. *Если* «действительная сущность» войны есть передел колоний, дележ добычи, грабеж чужих земель (такова война 1914—1916 гг.), — тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».

Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за чего* ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели. П. Киевский совершенно на уровень такого обывателя опускается, когда говорит, что вот-де Бельгию заняли немцы, значит, с точки зрения самоопределения «бельгийские социал-патриоты правы», или: часть Франции заняли немцы, значит «Гед может быть доволен», ибо «дело доходит до территории, населенной данною нацией» (а не чуженациональной).

Для обывателя важно, *где* стоят войска, кто *сейчас* побеждает. Для марксиста важно, *из-за чего* ведется *данная* война, во время которой могут быть победителями то одни то другие войска.

Из-за чего ведется *данная* война? Это указано в нашей резолюции (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний и за грабеж Турции и пр. Германия за то, чтобы

отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и пр. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Именитесь от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев и — это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев — будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чужденациональных областей, напр., Польши и т. п., но вовсе не установление чужденационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская. Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война *между* империалистскими (т. е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и пр.) великими державами или *в союзе* с ними есть империалистская война. Такова война 1914—1916 гг. «Защита отечества» есть обман в *этой* войне, есть оправдание ее.

Война *против* империалистских, т. е. угнетательских держав со стороны угнетенных (напр., колониальных народов) есть действительно-национальная война. Она возможна и теперь. «Защита отечества» со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты *вовсе не против* «защиты отечества» в *такой* войне.

Самоопределение наций есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от *такой* борьбы — во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны — социалисты *не могут* отказаться, не переставая быть социалистами.

П. Киевский думает, что он борется с Плехановым: Плеханов-де указал на связь самоопределения наций с защитой отечества! П. Киевский *поверил* Плеханову, что эта связь *действительно такова*, какую изображает ее Плеханов. Поверив Плеханову, П. Киевский испугался и решил, что надо отрицать самоопределение, дабы спастись от выводов Плеханова... Доверчивость к Плеханову большая, испуг тоже большой, но *размышления* о том, в чем ошибка Плеханова, нет и следа!

Чтобы выдать эту войну за национальную, социал-шовинисты ссылаются на самоопределение наций. Правильная борьба с ними только одна: надо показать, что это борьба не из-за освобождения наций, а из-за того, кому из великих хищников угнетать *больше* наций. Договориться же до отрицания войны, *действительно* ведомой ради освобождения наций, значит дать худшую карикатуру на марксизм. Плеханов и французские социал-шовинисты ссылаются на республику во Франции, чтобы оправдать «защиту» ее против монархии в Германии. Если рассуждать так, как рассуждает П. Киевский, то мы должны быть против республики или против войны, *действительно* ведомой ради отстаивания республики!! Немецкие социал-шовинисты ссылаются на всеобщее избирательное право и обязательное обучение всех грамоте в Германии, чтобы оправдать «защиту» Германии против царизма. Если рассуждать как рассуждает Киевский, то мы должны быть либо против всеобщего избирательного права и обучения всех грамоте либо против войны, *действительно* ведомой ради охранения политической свободы от попыток отнять ее!

К. Каутский до войны 1914—1916 гг. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся образцом марксизма. 26 августа 1910 года Каутский писал в «Neue Zeit»¹⁵ по поводу надвигающейся и грозящей войны:

«При войне между Германией и Англией под вопросом стоит не демократия, а мировое господство, т. е. эксплуатация мира. Это — не такой вопрос, при котором социал-демократы должны были бы стоять на стороне эксплуататоров своей нации» («Neue Zeit», 28. Jahrg., Bd. 2, S. 776*).

Вот — прекрасная марксистская формулировка, вполне совпадающая с нашими, вполне разоблачающая *нынешнего* Каутского, повернувшего от марксизма к защите социал-шовинизма, вполне отчетливо выясняющая принципы марксистского отношения к войнам (мы еще вернемся в печати к этой формулировке). Войны суть продолжение политики; поэтому, раз имеет место борьба за демократию, *возможна* и война из-за демократии; самоопределение наций есть лишь одно из демократических требований,

* — «Новое Время», 28 год изд., том 2, стр. 776. *Ред.*

ничем принципиально не отличающемся от других. «Мировое господство» есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война. Отрицать «защиту отечества», т. е. участие в войне демократической, есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», т. е., выдавая ее за демократическую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

2. «НАШЕ ПОНИМАНИЕ НОВОЙ ЭПОХИ»

П. Киевский, которому принадлежит взятое в кавычки выражение, постоянно говорит о «новой эпохе». К сожалению, и здесь его рассуждения ошибочны.

Резолюция нашей партии говорит о данной войне, порождаемой общими условиями империалистской эпохи. Соотношение «эпохи» и «данной войны» поставлено у нас марксистски правильно: чтобы быть марксистом, надо оценивать каждую отдельную войну конкретно. Чтобы понять, почему между великими державами, многие из которых стояли в 1789—1871 гг. во главе борьбы за демократию, могла и должна была возникнуть империалистская война, т. е. по ее политическому значению самая реакционная, антидемократическая, чтобы понять это, надо понять общие условия империалистской эпохи, т. е. превращения капитализма передовых стран в империализм.

П. Киевский это соотношение «эпохи» и «данной войны» совершенно извратил. У него выходит, что *конкретно* говорить значит говорить об «эпохе»! Это как раз неверно.

Эпоха 1789—1871 гг. есть особая эпоха для Европы. Это бесспорно. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий той эпохи. Значит ли это, что *все* войны той эпохи были национально-освободительны? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 гг. бывали и колониальные войны и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций.

Спрашивается: из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистские? Это было бы нелепым утверждением, неумением отличить данное конкретное явление от всей суммы разнообразных возможных явлений эпохи. Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об «эпохе», как делает П. Киевский, значит злоупотреблять понятием «эпоха». Мы сейчас приведем один из многих примеров, чтобы не быть голословным. Но сначала надо упомянуть, что *одна* группа левых, именно немецкая группа «Интернационал»¹⁶ в своих тезисах, опубликованных в № 3 Бюллетеня бернской Исполнительной комиссии (29 февраля 1916 года), выставила в § 5 явно неправильное утверждение: «В эру этого разнузданного империализма *не может быть более никаких национальных войн*». Мы разобрали это утверждение* в «Сборнике Социал-Демократа»¹⁷. Здесь отметим лишь, что, хотя всем, интересующимся интернационалистским движением, давно знакомо это теоретическое положение (мы боролись с ним еще на расширенном собрании бернской Исполнительной комиссии весной 1916 г.), но до сих пор *ни одна группа* не повторила его, не приняла его. И П. Киевский в августе 1916-го года, когда он писал свою статью, ни звука не сказал в духе такого или подобного утверждения.

Это надо отметить вот почему: если бы такое или подобное теоретическое утверждение было высказано, тогда можно было бы говорить о теоретическом расхождении. Когда же никакого подобного утверждения *не* выставляется, то мы вынуждены сказать: перед нами не иное понимание «эпохи», не теоретическое расхождение, а только с размаху брошенная фраза, только злоупотребление словом «эпоха».

Пример: «Не похоже ли оно (самоопределение) — пишет П. Киевский в самом начале своей статьи — на право

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 294—299. Ред.

бесплатного получения 10 000 десятин на Марсе? Ответить на этот вопрос нельзя иначе, чем вполне конкретно, в связи с учетом всей нынешней эпохи; ведь одно дело — право наций на самоопределение в эпоху формирования национальных государств, как наилучших форм развития производительных сил на тогдашнем их уровне, иное дело — это право, когда эти формы, формы национального государства, стали оковами их развития. Между эпохой самоутверждения капитализма и национального государства и эпохой гибели национального государства и кануна гибели самого капитализма — дистанция огромного размера. Говорить же «вообще», вне времени и пространства — не дело марксиста».

Это рассуждение — образец карикатурного употребления понятия «империалистская эпоха». Именно потому, что это понятие ново и важно, надо с карикатурой бороться! О чем идет речь, когда говорят, что формы национального государства стали оковами и т. д.? О передовых капиталистических странах, Германии, Франции, Англии прежде всего, участие которых в данной войне сделало ее в первую голову империалистской войной. В *этих* странах, которые до сих пор вели человечество вперед, особенно в 1789—1871 гг., закончился процесс образования национального государства, в *этих* странах национальное движение есть безвозвратное прошлое, воскресить которое было бы нелепой реакционной утопией. Национальное движение французов, англичан, немцев давно завершено; на исторической очереди *здесь* стоит иное: нации освобождавшиеся превратились в нации угнетательницы, в нации империалистского грабежа, переживающие «канун гибели капитализма».

А другие нации?

П. Киевский повторяет, как заученное правило, что марксисты должны рассуждать «конкретно», но не *применяет* его. А мы в своих тезисах парочно дали образчик конкретного ответа, и П. Киевский не пожелал указать нам нашей ошибки, если он видел тут ошибку.

В наших тезисах (§ 6) говорится, что надо различать, чтобы быть конкретным, не менее *трех* разных типов стран по вопросу о самоопределении. (Ясно, что о каждой отдельной стране в общих тезисах говорить нельзя бы было.) Первый тип — те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение — *прошлое*. 2-ой тип —

восток Европы, где оно — *настоящее*. 3-ий — полуколонии и колонии, где оно в значительной степени — *будущее**.

Верно это или нет? П. Киевский *сюда* должен был направить свою критику. Но он даже не замечает, в чем состоят теоретические вопросы! Он не видит, что, пока он не опроверг указанного положения (в § 6-ом) наших тезисов, — а опровергнуть его нельзя, ибо оно верно, — его рассуждения об «эпохе» похожи на то, что человек «замахивается» мечом, но удара не наносит.

«В противоположность мнению В. Ильина¹⁸ — пишет он в конце статьи — мы полагаем, что для большинства (!) западных (!) стран национальный вопрос не решен»...

Итак, должно быть национальное движение французов, испанцев, англичан, голландцев, немцев, итальянцев не завершено в XVII, XVIII, XIX веке и раньше? В начале статьи понятие «эпохи империализма» извращено так, будто национальное движение завершено вообще, а не только в передовых западных странах. В конце той же статьи «национальный вопрос» объявляется «не решенным» *именно* в западных странах!! Это ли не путаница?

В западных странах национальное движение — давнее прошлое. «Отечество» в Англии, Франции, Германии и т. д. уже спело свою песню, сыграло свою историческую роль, т. е. прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически-перезрелого «отечества» к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белоруссов, напр., только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) — здесь *еще* совершается. «Отечество» здесь *еще* не спело всей своей исторической песни.

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 139—140. Ред.

«Защита отечества» *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо *не* родной язык, *не* свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, «сферы влияния» своего финансового капитала в чужих странах и пр.

В полуколониях и колониях национальное движение еще моложе исторически, чем на востоке Европы.

К чему относятся слова о «высокоразвитых странах» и об империалистской эпохе; *в чем* «особое» положение России (заглавие § 3 во 2-ой главе у П. Киевского) и не одной России; *где* национально-освободительное движение есть живая фраза и *где* оно есть живая и прогрессивная действительность, ничего этого П. Киевский абсолютно не понял.

3. ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ?

Гвоздем рассуждений противников самоопределения является ссылка на «неосуществимость» его при капитализме вообще или при империализме. Словечко «неосуществимость» часто употребляется в разнообразных и неточно определяемых значениях. Поэтому в своих тезисах мы потребовали того, что необходимо во всякой теоретической дискуссии: выяснения, в каком смысле говорят о «неосуществимости»? И не ограничиваясь вопросом, мы сделали приступ к такому разъяснению. В смысле политической трудноосуществимости или неосуществимости без ряда революций *все* требования демократии «неосуществимы» при империализме.

В смысле экономической невозможности говорить о неосуществимости самоопределения в корне неверно.

Таково было наше положение. Здесь гвоздь теоретического расхождения, и на этот вопрос в сколько-нибудь серьезной дискуссии надо было бы нашим противникам обратить все внимание.

Посмотрите же, как рассуждает об этом вопросе П. Киевский.

Толкование неосуществимости в смысле «трудной осуществимости» по политическим причинам он определенно

отклоняет. Он отвечает на вопрос прямо в смысле экономической невозможности.

«Значит ли, — пишет он — что самоопределение при империализме так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве?» И П. Киевский отвечает: «Да, значит! Ибо мы говорим именно о логической противоречивости между двумя социальными категориями: «империализм» и «самоопределение наций», такой же логической противоречивости, какая существует между двумя другими категориями: рабочие деньги и товарное производство. Империализм есть отрицание самоопределения, и совместить самоопределение с империализмом не удастся никакому фокуснику».

Как ни страшно это сердитое слово «фокусники», которое направляет в нас П. Киевский, но мы все же должны заметить ему, что он просто-таки не понимает, что значит экономический анализ. «Логической противоречивости», — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть ни в экономическом ни в политическом анализе. Поэтому ссылаться на «логическую противоречивость» вообще, когда речь идет именно о том, чтобы дать экономический анализ, а не политический, никак не доводится. К «социальным категориям» относится и экономическое и политическое. Следовательно, П. Киевский, ответив сначала решительно и прямо: «да, значит» (т. е. самоопределение так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве), отделался на деле тем, что походил кругом да около, а экономического анализа не дал.

Чем доказывается, что рабочие деньги неосуществимы при товарном производстве? Экономическим анализом. Этот анализ, который, как и всякий анализ, не допускает «логической противоречивости», берет экономические и только экономические (а не «социальные» вообще) категории и из них выводит невозможность рабочих денег. В первой главе «Капитала» ни о какой политике, ни о какой политической форме, ни о каких «социальных категориях» вообще нет и речи: анализ берет только экономическое, обмен товаров, развитие обмена товаров. Экономический анализ показывает — путем, конечно, «логических» рассуждений — что рабочие деньги при товарном производстве неосуществимы.

П. Киевский не делает даже и попытки приступить к экономическому анализу! Он *спутывает* экономическую сущность империализма с его политическими тенденциями, как это видно из первой же фразы первого же параграфа его статьи. Вот эта фраза:

«Промышленный капитал явился синтезом докапиталистического производства и торгово-ссудного капитала. Ссудный капитал оказался на услужении у промышленного. Теперь капитализм преодолевает разные виды капитала, возникает высший, унифицированный тип его, финансовый капитал, и потому всю эпоху можно назвать эпохой финансового капитала, адекватной системой внешней политики которого и является империализм».

Экономически все это определение никуда не годится: вместо точных экономических категорий одни фразы. Но останавливаться на этом сейчас невозможно. Важно то, что империализм П. Киевский объявляет «системой внешней политики».

Это, во-1-х, по существу неверное повторение неверной идеи Каутского.

Это, во-2-х, чисто политическое, только политическое определение империализма. Посредством определения империализма как «системы политики» П. Киевский хочет увернуться от *экономического* анализа, который он обещал дать, заявив, что самоопределение *«так же»* неосуществимо, т. е. экономически неосуществимо, при империализме, как рабочие деньги при товарном производстве!

Каутский в споре с левыми заявлял, что империализм есть «только система внешней *политики*» (именно аннексии), что называть империализмом известную экономическую стадию, степень развития, капитализма нельзя.

Каутский неправ. Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию.

Экономически империализм (или «эпоха» финансового капитала, дело не в слове) есть высшая степень развития капитализма, именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что *свободу конкуренции сменяет монополия*. В этом *экономическая* сущность империализма. Монополия проявляется и в трестах, синдикатах и пр., и в всеисилии гигантских банков, и в скуп-

ке источников сырья и пр.; и в концентрации банкового капитала и т. д. В экономической монополии — все дело.

Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот *от демократии к политической реакции*. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция. «Финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе», справедливо говорит Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале».

Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль. И во внешней политике, и во внутренней одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*, а вовсе не *одного* из требований демократии, именно: самоопределения наций.

Будучи «отрицанием» демократии, империализм *так же «отрицает» и демократию* в национальном вопросе (т. е. самоопределение наций): «так же», т. е. он стремится нарушать ее; осуществление ее ровно настолько же и в том же смысле труднее при империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников народом и т. д. Об «экономической» неосуществимости не может быть и речи.

И. Киевского ввело в ошибку здесь, вероятно, еще то обстоятельство (кроме общего непонимания требований экономического анализа), что с обывательской точки зрения аннексия (т. е. присоединение чуженациональной области вопреки воле ее населения, т. е. нарушение самоопределения нации) считается равнозначной «расширению» (экспансии) финансового капитала на более обширную хозяйственную территорию.

Но с обывательскими понятиями нельзя братья за теоретические вопросы.

Империализм есть, экономически, монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира.

Есть ли *экономическая* возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство — финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает «осуществимость» этого: тресты подрывают кредит конкурента через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, тратя на это миллионы, чтобы разорить конкурента и *скупить* его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и пр.).

Вот — чисто экономический анализ силы трестов и расширения их. Вот чисто экономический путь к расширению: *скупка* предприятий, заведений, источников сырья.

Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая «аннексия» *вполне* «осуществима» без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, напр., указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр. — все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран.

Самоопределением наций называется политическая независимость их. Империализм стремится нарушить ее, ибо при политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле (легче подкупить чиновников, добиться кон-

цессии, провести выгодный закон и пр.), сподручнее, спокойнее, — совершенно так же, как империализм стремится заменить демократию вообще олигархией. Но толковать об *экономической* «неосуществимости» самоопределения при империализме есть просто сапоги всмятку.

П. Киевский обходит теоретические трудности посредством одного, чрезвычайно легкого и легковесного приема, который по-немецки называется «буршикозными» выражениями, т. е. студенчески простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными) при студенческой попойке. Вот образец: «Всеобщее избирательное право — пишет он — 8-мичасовой рабочий день и даже республика *логически* совместимы с империализмом, хотя империализму они далеко не улыбаются (!), а потому осуществление их до крайности затруднено».

Мы решительно ничего не имели бы против буршикозного выражения: республика не «улыбается» империализму, — веселенькое словечко иногда скрашивает ученые материи! — если бы *кроме* них в рассуждении о серьезном вопросе был еще и экономический и политический анализ понятий. У П. Киевского буршикозность заменяет такой анализ, заслоняет отсутствие его.

Что это значит: «республика не улыбается империализму»? И почему это так?

Республика есть одна из возможных форм политической надстройки над капиталистическим обществом и притом самая демократическая при современных условиях. Сказать: республика «не улыбается» империализму значит сказать, что есть противоречие между империализмом и демократией. Очень может быть, что это наше заключение «не улыбается» и даже «далеко не улыбается» П. Киевскому, но оно все же неоспоримо.

Далее. Какого рода это противоречие между империализмом и демократией? Логическое или не логическое? П. Киевский употребляет слово «логический», не подумав, и потому не замечает, что это слово служит ему в данном случае для *сокрытия* (от глаз и ума читателя, как от глаз и ума автора) *как раз того вопроса*, о котором он ваялся рассуждать! Этот вопрос — отношение экономики к политике; отношение экономических условий и экономического содержания империализма к одной из политических форм. Всякое «противоречие», которое отмечается

в человеческих рассуждениях, есть логическое противоречие; это пустая тавтология. Посредством этой тавтологии П. Киевский обходит *суть* вопроса: есть ли это «логическое» противоречие между двумя *экономическими* явлениями или положениями (1)? или между двумя *политическими* (2)? или между *экономическим* и *политическим* (3)?

Ведь в этом *суть*, раз встал вопрос об экономической неосуществимости или осуществимости при той или иной политической *форме*!

Если бы П. Киевский не обошел эту *суть*, он бы увидел, вероятно, что противоречие между империализмом и республикой есть противоречие между экономикой новейшего капитализма (именно: монополистического капитализма) и политической демократией вообще. Ибо никогда не докажет П. Киевский, что любая крупная и коренная демократическая мера (выбор чиновников или офицеров народом, полнейшая свобода союзов и собраний и пр.) менее противоречит империализму (более «улыбается» ему, если угодно), чем республика.

Получается именно то положение, на котором мы настаивали в тезисах: империализм противоречит, «логически» противоречит, *всей вообще* политической демократии. П. Киевскому «не улыбается» это наше положение, ибо оно разрушает его нелогические построения, но как же быть? Неужели в самом деле помириться с тем, когда хотят якобы опровергнуть известные положения, а на деле тайком проводят именно их посредством выражения: «республика не улыбается империализму»?

Далее. Почему республика не улыбается империализму? и как «совмещает» империализм свою экономику с республикой?

П. Киевский не подумал об этом. Мы ему напомним следующие слова Энгельса. Речь идет о демократической республике. Вопрос стоит такой: может ли богатство господствовать при этой форме правления? т. е. вопрос именно о «противоречивости» между экономикой и политикой.

Энгельс отвечает: ... «Демократическая республика официально ничего не знает о различиях» (между гражданами) «по богатству. При ней богатство осуществляет свою власть косвенно, но зато тем вернее. С одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников» («классический

образец — Америка»), «с другой стороны в форме союза правительства и биржи»...¹⁹

Вот вам образчик экономического анализа по вопросу об «осуществимости» демократии при капитализме, частичкой какого вопроса является вопрос об «осуществимости» самоопределения при империализме!

Демократическая республика противоречит «логически» капитализму, ибо «официально» приравнивает богатого и бедного. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополий еще более «затрудняет» осуществление всяких политических свобод.

Как же совмещается капитализм с демократией? Средством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала! Экономических средств для этого два: 1) подкуп прямой; 2) союз правительства с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал «свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников» при буржуазном строе.)

Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег — подкуп (прямой и через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменится в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т. е. домонополистического капитализма монополистическим?

Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, доросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее. (В литературе об империализме говорят о падении роли биржи, но только в том смысле, что всякий гигантский банк сам есть биржа.)

Далее. Если для «богатства» вообще оказывается вполне осуществимым господство над любой демократической республикой посредством подкупа и биржи, то каким образом может П. Киевский утверждать, не впадая в забавное «логическое противоречие», что крупнейшее богатство трестов и банков, ворочающих миллиардами, не может «осуществить» власти финансового капитала над чужой, т. е. политически независимой, республикой??

Что же? подкуп чиновников «неосуществим» в чужом государстве? или «союз правительства с биржей» есть только союз своего правительства?

* * *

*

Читатель видит уже отсюда, что для распутывания и популярного разъяснения нужны около 10 печатных страниц против десяти строк путаницы. Разбирать так же подробно каждое рассуждение П. Киевского — у него нет буквально ни одного без путаницы! — мы не можем, да и нет в этом надобности, раз главное разобрано. Остальное отметим вкратце.

4. ПРИМЕР НОРВЕГИИ

Норвегия «осуществила» якобы неосуществимое право на самоопределение в 1905 году, в эру самого разнузданного империализма. Толковать о «неосуществимости» поэтому не только теоретически абсурдно, но и смешно.

П. Киевский хочет опровергнуть это, обзывая нас сердито «рационалистами» (при чем это? рационалист ограничивается рассуждением и притом абстрактным, мы же указали конкретнейший факт! не употребляет ли П. Киевский иностранное словечко «рационалист» так же... как бы помягче выразиться?.. так же «удачно», как он употребил в начале своей статьи слово «экстрактивный», предлагая свои соображения «в экстрактивном виде?»).

П. Киевский упрекает нас в том, что для нас «важна внешность явлений, а не подлинная суть». Присмотримся же к подлинной сути.

Опровержение начинается с примера: факт издания закона против трестов не доказывает неосуществимости запрещения трестов. Справедливо. Только пример неудачный, ибо он говорит *против* П. Киевского. Закон есть мера политическая, есть политика. Никакой политической мерой нельзя запретить экономики. Никакой политической формой Польши, будет ли она частичкой царской России или Германии, или автономной областью или независимым политически государством, нельзя ни запретить ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистских держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом.

Независимость Норвегии «осуществлена» в 1905 г. только политическая. Экономической зависимости она

не собиралась и не могла затронуть. Как раз об этом говорят наши тезисы. Мы именно указывали, что самоопределение касается только политики и потому неверно даже ставить вопрос об экономической неосуществимости. А П. Киевский «опровергает» нас, приводя пример бессилия политических запретов против экономики! Хорошо «опровержение»!

Далее. «Одного или даже многих примеров победы мелких предприятий над крупными недостаточно для опровержения правильной тезы Маркса о том, что общий ход развития капитализма сопровождается и концентрацией и централизацией производства».

Этот довод опять состоит в неудачном *примере*, который выбирается, чтобы отвести внимание (читателя и автора) от действительной сущности спора.

Наш тезис гласит, что об экономической неосуществимости самоопределения в том же смысле, в каком неосуществимы рабочие деньги при капитализме, говорить неверно. Ни единого «примера» *такой* осуществимости быть не может. П. Киевский, молча, признает нашу правоту по этому пункту, ибо переходит к *иному* толкованию «неосуществимости».

Почему он не делает этого прямо? Почему не формулирует открыто и точно *своего* тезиса: «самоопределение, будучи осуществимо в смысле экономической возможности его при капитализме, противоречит развитию и потому реакционно или является лишь исключением»?

Потому, что открытая формулировка контртезиса сразу разоблачила бы автора, и ему приходится прятаться.

Закон экономической концентрации, победы крупного производства над мелким, признан в нашей и Эрфуртской программой. П. Киевский прячет тот факт, что нигде не признан закон политической или государственной концентрации. Если это такой же закон или тоже закон, отчего бы П. Киевскому не изложить его и не предложить пополнить нашу программу? Справедливо ли с его стороны оставлять нас при плохой, неполной программе, когда он открыл этот новый закон государственной концентрации, закон, имеющий практическое значение, ибо он избавил бы нашу программу от ошибочных выводов?

П. Киевский не дает никакой формулировки закона, не предлагает пополнить нашей программы, ибо смутно

чувствует, что он стал бы тогда смешным. Все расхохотались бы над курьезным «империалистическим экономизмом», если бы эта точка зрения выплыла наружу, и параллельно закону вытеснения мелкого производства крупным был бы выставлен «закон» (в связи с ним или рядом с ним) вытеснения мелких государств крупными!

Чтобы пояснить это, ограничимся одним вопросом П. Киевскому: почему экономисты без кавычек *не* говорят о «распаде» современных трестов или крупных банков? о возможности такого распада и об осуществимости его? почему даже «империалистический экономист» в кавычках вынужден признать возможность и осуществимость распада крупных государств и не только распада вообще, а напр., отделения «малых народностей» (это заметьте!) от России (§ 8 в главе 2-ой статьи П. Киевского)?

Наконец, чтобы еще нагляднее пояснить, до чего доваривается наш автор, и предостеречь его, отметим следующее: закон вытеснения мелкого производства крупным мы все открыто выставляем и никто не боится назвать отдельные «примеры» «победы мелких предприятий над крупными» явлением реакционным. Назвать реакционным отделение Норвегии от Швеции пока еще *никто* из противников самоопределения не решился, хотя мы с 1914-го года подняли этот вопрос в литературе*.

Крупное производство неосуществимо, если сохраняются, напр., ручные станки; совершенно нелепа мысль о «распаде» механической фабрики на ручные мастерские. Империалистская тенденция к крупным империям вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистского союза самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств. Такой союз возможен и наблюдается не только в форме экономического срастания финансовых капиталов двух стран, но и в форме военного «сотрудничества» в империалистской войне. Национальная борьба, национальное восстание, национальное отделение вполне «осуществимы» и наблюдаются на деле *при* империализме, даже усиливаются, ибо империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократиче-

* См. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 395—401, *Ред.*

скими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов.

Только с точки зрения «империалистского экономизма», т. е. карикатурного марксизма, можно игнорировать, напр., следующее своеобразное явление империалистской политики: с одной стороны, теперешняя империалистская война показывает нам примеры того, как удастся втянуть маленькое, независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами (Англия и Португалия). С другой стороны, нарушение демократизма по отношению к маленьким нациям, гораздо более бессильным (и экономически и политически) против своих империалистских «шкровителей», вызывает либо восстание (Ирландия) либо переход целых полков на сторону врага (чехи). При таком положении дела не только «осуществимо» с точки зрения финансового капитала, но *иногда* прямо *выгодно* для трестов, для *их* империалистской политики, для *их* империалистской войны, дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости, *отдельным* маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей «своих» военных операций. Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, кстати и некстати, одно только заученное словечко: «империализм», это совсем не марксизм.

О Норвегии П. Киевский сообщает нам, во-1-х, что она «всегда была самостоятельным государством». Это неверно, и объяснить такую неверность нельзя иначе, как буршикозной небрежностью автора и невниманием к политическим вопросам. Самостоятельным государством Норвегия до 1905-го года *не* была, она лишь пользовалась чрезвычайно широкой автономией. Государственную самостоятельность Норвегии Швеция признала лишь *после* того, как Норвегия отделилась от нее. Если бы Норвегия «всегда была самостоятельным государством», то шведское правительство не могло бы сообщить иностранным державам 26-го октября 1905 г., что оно теперь признает Норвегию независимой страной.

Во-2-х, П. Киевский приводит ряд выписок, чтобы доказать, что Норвегия смотрела на запад, а Швеция на восток, что в одной «работал» преимущественно английский, в другой — немецкий финансовый капитал и пр. Отсюда

делается торжественный вывод: «этот пример» (Норвегии) «целиком укладывается в наши схемы».

Вот вам образчик логики «империалистического экономизма»! В наших тезисах значится, что финансовый капитал может господствовать в «любой», «хотя бы и независимой стране» и что поэтому все рассуждения о «неосуществимости» самоопределения с точки зрения финансового капитала — сплошная путаница. Нам приводят данные, *подтверждающие* наше положение о роли чужого финансового капитала в Норвегии *и до* отделения *и после* отделения, — с таким видом, будто это *опровергает* нас!

Поговорить о финансовом капитале и на этом основании *забыть* политические вопросы — неужели это значит рассуждать о политике?

Нет. От логических ошибок «экономизма» политические вопросы не исчезли. В Норвегии «работал» английский финансовый капитал и до и после отделения. В Польше «работал» немецкий финансовый капитал до ее отделения от России, и будет «работать» при *любом* политическом положении Польши. Это до такой степени азбучно, что неловко повторять это, но как же быть, когда забывают азбуку?

Исчезает ли от этого политический вопрос о том или ином положении Норвегии? о ее принадлежности к Швеции? о поведении рабочих, когда встал вопрос об отделении?

П. Киевский уклонился от этих вопросов, ибо они больно бьют «экономистов». Но в жизни эти вопросы стояли — и стоят. В жизни стоял вопрос, может ли быть эсдеком шведский рабочий, не признающий права Норвегии на отделение? *Не может.*

Шведские аристократы были за войну против Норвегии, попы тоже. Этот факт не исчез от того, что П. Киевский «забыл» прочитать о нем в историях норвежского народа. Шведский рабочий мог, оставаясь эсдеком, советовать норвежцам голосовать против отделения (народное голосование в Норвегии по вопросу об отделении состоялось 13 августа 1905 года и дало 368 200 голосов за отделение и 184 против, причем участвовало в голосовании около 80% имевших право голосовать). Но тот шведский рабочий, который, подобно шведской аристократии и буржуазии, отрицал бы право норвежцев решить этот вопрос самим, без шведов, независимо от их воли, был бы *социал-*

шовинистом и нетерпимым в социал-демократической партии негодяем.

Вот в чем состоит применение § 9 нашей партийной программы, через который пытался *перескочить* наш «империалистический экономист». Не перескочите, господа, не попадая в объятия шовинизма!

А норвежский рабочий? Обязан ли он был, с точки зрения интернационализма, голосовать *за* отделение? Нисколько. Он мог, оставаясь аскедом, голосовать против. Он нарушил бы свой долг члена социал-демократической партии лишь в том случае, если бы протянул товарищескую руку такому черносотенному шведскому рабочему, который бы высказался против *свободы* отделения Норвегии.

Этой элементарной разницы в положении норвежского и шведского рабочего не хотят видеть некоторые люди. Но они изобличают сами себя, когда *обходят* этот конкретнейший из конкретнейших политических вопросов, который мы в упор ставим им. Молчат, увертываются, и этим сдают позицию.

Чтобы доказать, что «норвежский» вопрос может стоять в России, мы нарочно поставили тезис: при условиях *чисто* военного и стратегического характера вполне осуществимо и *теперь* особое государство польское. П. Киевский желает «дискутировать» — и молчит!!

Добавим: и Финляндия по *чисто* военным и стратегическим соображениям, при известном исходе *данной* империалистской войны (напр., присоединение Швеции к немцам и полупобеда их) вполне *может* стать отдельным государством, не подрывая «осуществимости» ни единой операции финансового капитала, не делая «неосуществимой» скупку акций финляндских железных дорог и прочих предприятий*.

* Если при одном исходе современной войны вполне «осуществимо», без малейшего нарушения условий развития империализма и силы его, — напротив, при *услышанном* влиянии, связях и давлении финансового капитала — образование новых государств в Европе, польского, финляндского и т. п., — то при другом исходе войны так же «осуществимо» образование нового государства венгерского, чешского и т. п. Английские империалисты уже сейчас намечают этот второй исход на случай своей победы. Империалистская эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наших ни «осуществимости» этих стремлений в пределах мировых империалистических соотношений. Вне же этих пределов «неосуществима» без ряда революций и непрочна без социализма ни республика в России ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире. П. Киевский совсем, совсем не повял оттошнен империализма к демократии.

П. Киевский спасается от неприятных для него вопросов политики под сень великолепной фразы, замечательно характерной для всего его «рассуждения»: ... «Каждую минуту»... (буквально так и стоит в конце § 6 главы I)... «дамоклов меч может оборваться и прекратить существование «самостоятельной» мастерской» («намек» на маленькую Швецию и Норвегию).

Вот, должно быть, настоящий марксизм: каких-то всего 10 лет существует отдельное государство норвежское, отделение которого от Швеции *шведское* правительство назвало «революционной мерой». Но стоит ли нам разбирать вытекающие отсюда *политические* вопросы, если мы прочитали «Финансовый капитал» Гильфердинга и «поняли» его так, что «каждую минуту» — коль рубить, так уж с плеча! — малое государство может исчезнуть? Стоит ли обращать внимание на то, что мы марксизм исказили в «экономизм», а политику свою превратили в перепевы речей истинно-русских шовинистов?

Как ошибались, должно быть, русские рабочие в 1905 году, добиваясь республики: ведь финансовый капитал уже мобилизовался против нее и во Франции и в Англии и пр., и «каждую минуту» мог бы «дамокловым мечом» срубить ее, если бы она возникла!

* * *

«Требование национального самоопределения не является... утопичным в минимальной программе: оно не противоречит общественному развитию, поскольку его осуществление не остановило бы этого развития». Эту цитату из Мартова оспаривает П. Киевский в том самом параграфе своей статьи, где он привел «выписки» о Норвегии, *доказывающие* паки и паки тот общеизвестный факт, что *ни* развития вообще *ни* роста операций финансового капитала в частности *ни* скупки Норвегии англичанами «самоопределение» и отделение Норвегии *не остановило!*

У нас не раз бывали большевики, напр., Алексинский в 1908—1910 гг., которые спорили с Мартовым *как раз тогда*, когда Мартов был прав! Избави боже от таких «союзников»!

5. О «МОНИЗМЕ И ДУАЛИЗМЕ»

Упрекая нас в «дуалистическом толковании требования», П. Киевский пишет:

«Монистическое действие Интернационала замещается дуалистической пропагандой».

Это звучит совсем по-марксистски, материалистически: действие, которое едино, противопоставляется пропаганде, которая «дуалистична». К сожалению, присматриваясь ближе, мы должны сказать, что это такой же словесный «монизм», каким был «монизм» Дюринга. «От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — писал Энгельс против «монизма» Дюринга — от этого у нее не вырастут молочные железы»²⁰.

Это значит, что *объявлять «единым» можно лишь такие вещи, свойства, явления, действия, которые едины в объективной действительности.* Эту *мелочь* как раз и забыл наш автор!

Он видит наш «дуализм», во-1-х, в том, что от рабочих угнетенных наций мы требуем в первую голову *не того*, — речь идет только о национальном вопросе — чего мы требуем от рабочих угнетающих наций.

Чтобы проверить, не является ли здесь «монизм» П. Киевского «монизмом» Дюринга, надо посмотреть, как обстоит дело в *объективной действительности*.

Одинаково ли *действительное* положение рабочих в угнетающих и в угнетенных нациях с точки зрения национального вопроса?

Нет, не одинаково.

(1) *Экономически* разница та, что части рабочего класса в угнетающих странах пользуются крохами *сверхприбыли*, которую получают буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шнуры с рабочих угнетенных наций. Экономические данные говорят, кроме того, что из рабочих угнетающих наций *большой* процент проходит в «мастерки», чем из рабочих угнетенных наций, — *большой* процент поднимается в *аристократию* рабочего класса*. Это факт. Рабочие угнетающей нации *до известной степени* участники *своей* буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной нации.

* См., напр., английскую книгу Гурвича об иммиграции и положении рабочего класса в Америке. («Immigration and Labor») («Иммиграция и труд». Ред.).

(2) *Политически* разница та, что рабочие угнетающих наций занимают *привилегированное* положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации.

(3) *Идейно* или духовно разница та, что рабочие угнетающих наций всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций. Напр., всякий великоросс, воспитавшийся или живший среди великороссов, *испытал* это.

Итак, в объективной действительности *по всей линии* различие, т. е. «дуализм» в объективном мире, независящем от воли и сознания отдельных лиц.

Как же отнестись после этого к словам П. Киевского о «монистическом действии Интернационала»?

Это — пустая звонкая фраза, ничего больше.

Для того, чтобы действие Интернационала, состоящего в жизни из рабочих, *расколотых* на принадлежащих к нациям угнетающим и к нациям угнетенным, было *едино*, для этого необходимо *не одинаково* вести пропаганду в том и другом случае: вот как рассуждать надо с точки зрения действительного (а не дюринговского) «монизма», с точки зрения материализма Маркса!

Пример? Пример мы уже привели (в легальной печати 2 с лишним года тому назад!) — относительно Норвегии, и никто не попытался опровергнуть нас. *Действие* норвежских и шведских рабочих было в этом конкретном и взятом из жизни случае «монистическим», единым, интернационалистским *лишь* потому и постольку, поскольку шведские рабочие *безусловно* отстаивали свободу отделения Норвегии, а норвежские *условно* ставили вопрос об этом отделении. Если бы шведские рабочие не *безусловно* стояли за свободу отделения норвежцев, то они были бы *шовинистами*, соучастниками шовинизма шведских помещиков, которые хотели силой, войной, «удержать» Норвегию. Если бы норвежские рабочие *не* ставили вопроса об отделении *условно*, т. е. так, что голосовать и пропагандировать против отделения могут и члены социал-демократической партии, то норвежские рабочие нарушили бы долг интернационалистов и впали в узкий, *буржуазный* норвежский национализм. Почему? потому, что отделение совершала *буржуазия*, а не пролетариат! потому, что норвежская (как и всякая) буржуазия *всегда* старается

расколоть рабочих своей страны и «чужой»! потому, что любое демократическое требование (в том числе и самоопределение) для сознательных рабочих *подчинено* высшим интересам социализма. Если бы, напр., отделение Норвегии от Швеции наверное или вероятно означало войну Англии с Германией, то норвежские рабочие *по этой причине* должны бы быть против отделения. А шведские получили бы право и возможность, не переставая быть социалистами, агитировать в подобном случае против отделения *только* в том случае, если они систематически, последовательно, постоянно боролись *против* шведского правительства за *свободу* отделения Норвегии. В противном случае норвежские рабочие и норвежский народ *не поверил бы и не мог бы* поверить в искренность совета шведских рабочих.

Вся беда противников самоопределения происходит от того, что они отделяются мертвыми абстракциями, *боясь* разобрать до конца хоть один конкретный пример из живой жизни. Наше конкретное указание в тезисах, что новое государство польское вполне «осуществимо» *теперь*, при известном сочетании условий *исключительно военных, стратегических**, осталось без возражений и со стороны поляков и со стороны П. Киевского. Но *подумать* о том, что же вытекает из этого молчаливого признания нашей правоты, никто не пожелал. А вытекает отсюда явно то, что пропаганда интернационалистов *не может быть* одинаковой среди русских и среди поляков, если она хочет воспитать и тех и других к «единому действию». Велико-русский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* — лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *только* условно, ибо спекулировать (как фраки²¹) на победу той или иной империалистской буржуазии значит становиться *ее* лакеем. Не понять этой разницы, являющейся условием «монистического действия» Интернационала, все равно, что не понять того, почему для «монистического действия» против царской армии, допустим, под Москвой, революционное войско из Нижнего должно бы идти на запад, а из Смоленска на восток.

* * *

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 133. Ред.

Во-2-х, наш новый сторонник дюринговского монизма упрекает нас за то, что мы не заботимся о «теснейшем организационном сплочении различных национальных секций Интернационала» при социальном перевороте.

При социализме самоопределение отпадает, — пишет П. Киевский — ибо тогда отпадает государство. Это пишется якобы в опровержение нас! Но у нас в *трех* строках — трех последних строках первого параграфа наших тезисов — сказано точно и ясно, что «демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство»*. Именно эту истину повторяет — конечно, «в опровержение» нас! — П. Киевский на *нескольких страницах* своего параграфа с (глава I), притом повторяет, *извращая*. «Мы мыслим — пишет он — и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократически (!?) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части населения над другой, исчезает». Это путаница, ибо демократия есть *тоже* господство «одной части населения над другой», есть *тоже* государство. В чем состоит *отмирание* государства после победы социализма и каковы условия этого процесса, автор явно не понял.

Но главное, это — его «возражения», относящиеся к эпохе социальной революции. Обругав нас ужасно страшным словом «талмудисты самоопределения», автор говорит: «Этот процесс (социальный переворот) мы мыслим, как объединенное действие пролетариев всех (!) стран, разрушающих границы буржуазного (!) государства, сносящих пограничные столбы» (независимо от «разрушения границ»?), «взрывающих (!) национальную общность и устанавливающих общность классовую».

Не во гнев будь сказано суровому судии «талмудистов», — здесь много фраз и совсем не видать «мысли».

Социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев *всех* стран по той простой причине, что большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоят еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития. Об этом мы сказали в § 6-ом наших тезисов**, и П. Киев-

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 132. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 139—140. *Ред.*

ский просто по невнимательности или по неумению думать «не заметил», что этот § выставлен нами не зря, а как раз в опровержение карикатурных искажений марксизма. Для социализма созрели *лишь* передовые страны запада и Северной Америки, и в письме Энгельса к Каутскому («Сборник Социал-Демократа») ²² П. Киевский может прочесть конкретную иллюстрацию той — действительной, а не только обещанной — «мысли», что об «объединенном действии пролетариев *всех* стран» мечтать значит откладывать социализм до греческих календ, т. е. до «никогда».

Социализм осуществляют объединенными действиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития *передового* капитализма. Именно непонимание этого и вызвало ошибку П. Киевского. В *этих* передовых странах (Англия, Франция, Германия и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность давно изжила себя, «общенациональных задач» *объективно* нет. Поэтому только в *этих* странах возможно *теперь* же «взорвать» национальную общность, установить общность классовую.

Иное дело в странах *неразвитых*, в тех странах, которые мы выделили (в § 6-ом наших тезисов) во 2-ую и 3-ью рубрику, т. е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях. Здесь *еще* есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких нациях есть еще *объективно* общенациональные задачи, именно задачи *демократические*, задачи *свержения чужденационального гнета*.

Именно как образец таких наций приводит Энгельс Индию, говоря, что она может сделать революцию против победившего социализма, — ибо Энгельс был далек от того смешного «империалистского экономизма», который воображает, что победивший в передовых странах пролетариат «само собой», без определенных *демократических* мер уничтожит национальный гнет везде и повсюду. Победивший пролетариат реорганизует те страны, в коих он победил. Этого нельзя сделать сразу, да и «победить» буржуазию нельзя сразу. Мы нарочно подчеркнули это в своих тезисах, и П. Киевский опять-таки не подумал, *для чего* мы подчеркиваем это в связи с национальным вопросом.

Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контрреволюционные попытки, — неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией совсем маленьким, кризисом империалистской буржуазии, как война 1915—1916 годов, для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что *великим кризисом* гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал *объективных* условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран, и потому его упрек, будто мы «выдумываем», где бы применить самоопределение, направляется поистине с больной головы на здоровую.

С усердием, достойным лучшей участи, П. Киевский повторяет много раз цитаты из Маркса и Энгельса на тему о том, что «не выдумывать из головы, а открывать посредством головы в наличных материальных условиях» должны мы средства к избавлению человечества от тех или иных социальных бедствий. Читая эти повторные цитаты, я не могу не вспоминать печальной памяти «экономистов», которые так же скучно... жевали свое «новое открытие» о победе капитализма в России. П. Киевский хочет этими цитатами «поразить» нас, ибо мы-де из головы выдумываем условия применения самоопределения наций в империалистскую эпоху! Но у того же самого П. Киевского мы читаем следующее «неосторожное признание»:

«Уже одно то, что мы *против* (курсив автора) защиты отечества, яснее ясного говорит о том, что мы будем активно сопротивляться всякому подавлению национального восстания, так как этим мы будем вести

борьбу против нашего смертельного врага — империализма» (гл. II, § с в статье П. Киевского).

Нельзя критиковать известного автора, нельзя *ответить* ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи. А как только приведешь целиком хотя бы одно положение П. Киевского, всегда оказывается, что у него на любую фразу приходится 2—3 ошибки или непродуманности, извращающие марксизм!

1) П. Киевский не заметил, что национальное восстание есть *тоже* «защита отечества»! А между тем капля размышления убедит всякого, что это именно так, ибо *всякая* «восстающая нация» «защищает» себя от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество.

Всякий национальный гнет вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание. Если мы наблюдаем нередко (особенно в Австрии и России), что буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и *против* своего народа, то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измельчания, опошления его, извращения в мелочную драчку. Кстати сказать, очень многие австрийские и российские социал-демократы забывают это и свою *законную* ненависть к мелкой, пошлой, мизерной национальной грызне вроде споров и драк из-за того, на каком языке название улицы должно стоять наверху вывески и на каком внизу, — свою законную ненависть к этому превращают в отрицание поддержки национальной борьбы. Мы не будем «поддерживать» комедийной игры в республику в каком-нибудь княжестве Монако или «республиканские» авантюры «генералов» в мелких государствах южной Америки или какого-нибудь острова в Тихом океане, но отсюда не вытекает позволительность забыть лозунг республики для серьезных демократических и социалистических движений. Мы осмеиваем и должны осмеивать мизерную национальную грызню и национальное торгашество наций в России и Австрии, но отсюда не вытекает, чтобы позволительно было отказать в поддержке национальному восстанию

или всякой серьезной, общенародной борьбе против национального гнета.

2) Если национальные восстания невозможны в «империалистскую эпоху», то П. Киевский не вправе говорить о них. Если они возможны, то все его бесконечные фразы о «монизме», о том, что мы «выдумываем» примеры самоопределения при империализме и прочее и тому подобное — *все* это разлетается в прах. П. Киевский побивает сам себя.

Если «мы» «активно сопротивляемся подавлению» «национального восстания» — случай, взятый, как возможный, *с а м и м* П. Киевским, — то что это значит?

Это значит, что *действие* получается двойное, «дуалистическое», если употреблять философский термин столь же некстати, как некстати употребляет его наш автор. (а) Во-1-х, «действие» национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации; (б) во-2-х, «действие» пролетариата или сознательной его части в угнетающей нации *против* буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации.

Бесконечное количество фраз против «национального блока», национальных «иллюзий», против «яда» национализма, против «разжигания национальной ненависти» и тому подобное — фраз, которые наговорил П. Киевский, оказалось пустяками, ибо, советуя пролетариату угнетающих стран (не забудем, что автор считает этот пролетариат силой серьезной) «активно сопротивляться подавлению национального восстания», автор тем самым *разжигает* национальную ненависть, автор тем самым *поддерживает* «блок с буржуазией» рабочих угнетенных стран.

3) Если возможны национальные восстания при империализме, то возможны и национальные войны. Никакой серьезной разницы между тем и другим в политическом отношении нет. Военные историки войн вполне правы, когда восстания тоже относят к войнам. П. Киевский, не подумав, побил не только себя, но и Юниуса²³ и группу «Интернационал», которые отрицают *возможность* национальных войн при империализме. А это отрицание есть единственное мыслимое теоретическое обоснование для взгляда, отрицающего самоопределение наций при империализме.

4) Ибо — что такое «национальное» восстание? Восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство.

Если пролетариат угнетающей нации является серьезной силой (как предполагает и должен предполагать автор для эпохи империализма), то решимость этого пролетариата «активно сопротивляться подавлению национального восстания» *не есть ли содействием* созданию особого национального государства? Конечно, есть!

Наш храбрый отрицатель «осуществимости» самоопределения договорился до того, что сознательный пролетариат передовых стран должен *содействовать* осуществлению этой «неосуществимой» меры!

5) Почему «мы» должны «активно сопротивляться» подавлению национального восстания? П. Киевский приводит только один довод: «так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага — империализма». Вся сила этого довода сводится к *сильному* словечку: «смертельный», как вообще у автора сила аргументов заменяется силой крепких и звонких фраз, «вбиванием кола в трепещущее тело буржуазии» и тому подобными украшениями стиля в духе Алексинского.

Но этот аргумент П. Киевского *неверен*. Империализм такой же «смертельный» наш враг, как и капитализм. Это так. Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм по отношению к доминионистическому капитализму. Значит, *не* всякую борьбу против империализма мы вправе поддерживать. Борьбу реакционных классов против империализма мы *не* поддержим, восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы *не* поддержим.

Значит, если автор признает необходимость помочь восстанию угнетенных наций («активно сопротивляться» подавлению значит помогать восстанию), то автор тем самым признает *прогрессивность* национального восстания, *прогрессивность* образования, в случае успеха этого восстания, особого и нового государства, установления новых границ и т. д.

Автор буквально не сводит концов с концами *ни в одном* своем политическом рассуждении!

Ирландское восстание 1916 года, происшедшее после опубликования в «Vorboten»* № 2 наших тезисов, доказало, — кстати сказать — что о возможности национальных восстаний *даже* в Европе говорилось не на ветер!

6. ОСТАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ, ЗАТРОНУТЫЕ И ИЗВРАЩЕННЫЕ П. КИЕВСКИМ

Мы заявили в своих тезисах, что освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм.

П. Киевский «возражает»:

«Пролетариата в собственном смысле этого слова *нет*» в чистом типе колоний (конец § с в гл. II). «Для кого же тогда выставлять «самоопределение»? Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно нет. По отношению к колониям *социалистам* (курсив П. Киевского) нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунги рабочей партии для стран, где нет рабочих».

Как ни страшен гнев П. Киевского, объявляющего нашу точку зрения «нелепой», мы все же осмелимся почтительно заметить ему, что его доводы ошибочны. Только печальной памяти «экономисты» думали, что «лозунги рабочей партии» выставляются *только* для рабочих**. Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа. Демократической частью нашей программы — о значении которой «вообще» не подумал П. Киевский — мы обращаемся специально ко всему народу и потому говорим в этой части программы о «народе»***.

К колониальным и полуколониальным народам мы отнесли 1 000 млн. населения, и П. Киевский этого конкретнейшего заявления нашего опровергнуть не потру-

* — «Предвестник». Ред.

** Советуем П. Киевскому перечитать писания А. Мартынова и К^о в 1899—1901 годах. Он найдет там много «своих» аргументов.

*** Некоторые курьезные противники «самоопределения наций» возражают против нас тем доводом, что «нации» разделены на классы! Этим нарицательным марксистам мы указываем обычно, что у нас в демократической части программы говорится о «самодержавии народа».

дился. Из 1 000 млн. населения свыше 700 млн. (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежит к странам, где рабочие *есть*. Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только *не* нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять «самоопределение». Немножко подумав, П. Киевский, вероятно, поймет это, как поймет и то, что «самоопределение» выставляется всегда «для *двух* наций: угнетенной и *угнетающей*».

Другое «возражение» П. Киевского:

«Поэтому мы ограничиваемся по отношению к колониям отрицательным лозунгом, т. е. требованием, предъявляемым социалистами к своим правительствам — «вон из колоний!» Это требование, не реализуемое в пределах капитализма, заостряет борьбу против империализма, но не противоречит развитию, ибо социалистическое общество не будет владеть колониями».

Неспособность или нежелание автора хоть сколько-нибудь подумать о теоретическом содержании политических лозунгов прямо поразительны! Неужели дело меняется от того, что мы вместо теоретически точного политического термина употребим агитационную фразу? Сказать «вон из колоний» значит именно спрятаться от теоретического анализа за сень агитационной фразы! Всякий агитатор нашей партии, говоря об Украине, Польше, Финляндии и пр., вправе сказать царизму («своему правительству») «вон из Финляндии и т. д.», но толковый агитатор поймет, что нельзя выставлять ни положительных ни отрицательных лозунгов только для «заостривания». Только люди типа Алексинского могли настаивать на том, что «отрицательный» лозунг «вон из черной Думы» можно оправдать стремлением «заострить» борьбу против известного зла.

Заостривание борьбы есть пустая фраза субъективистов, забывающих, что марксизм требует для оправдания всякого лозунга точного анализа и *экономической* действительности и *политической* обстановки и *политического* значения этого лозунга. Неловко разжевывать это, но как же быть, когда вышуждают к этому?

Обрывать теоретическую дискуссию по теоретическому вопросу агитационными выкриками — к этой манере Алексинского мы присмотрелись, но это плохая манера.

Политическое и экономическое содержание лозунга «вон из колоний» одно и только одно: свобода отделения для колониальных наций, свобода образования отдельного государства! Если *общие* законы империализма, как думает П. Киевский, препятствуют самоопределению наций, делают его утопией, иллюзией и пр. и пр., то как же можно, не подумав, устанавливать исключение из этих общих законов для *большинства* наций мира? Ясно, что «теория» П. Киевского есть карикатура на теорию.

Товарное производство и капитализм, ниточки связей финансового капитала существуют в громадном большинстве колониальных стран. Как же можно призывать государства, правительства империалистских стран убраться «вон из колоний», если *с точки зрения* товарного производства, капитализма и империализма это «не-научное», *самим* Ленчем, Куновым и пр. «опровергнутое», «утопичное» требование?

Ни тени *мысли* нет в рассуждениях автора!

О том, что освобождение колоний «не реализуемо» *лишь* в смысле: «не реализуемо без ряда революций», автор не подумал. О том, что оно реализуемо *в связи* с социалистической революцией в Европе, он не подумал. О том, что «социалистическое общество не будет владеть» *не только* колониями, но и угнетенными нациями *вообще*, он не подумал. О том, что ни экономической ни политической разницы между «владением» со стороны России Польшей или Туркестаном по рассматриваемому нами вопросу *нет*, он не подумал. О том, что «социалистическое общество» хочет убраться «вон из колоний» *только* в смысле предоставления им *права* свободно отделиться, *отнюдь* не в смысле *рекомендации* им *отделиться*, он не подумал.

За это отличие вопроса о праве на отделение от вопроса о том, рекомендуем ли мы отделение, П. Киевский обругал нас «фокусниками» и, чтобы «научно обосновать» сие суждение перед рабочими, он пишет:

«Что же подумает рабочий, спрашивающий пропагандиста, как пролетарию следует относиться к вопросу о самостоятельности» (т. е. о политической самостоятельности Украины), «когда он получит ответ: социалисты добиваются права отделиться и ведут пропаганду против отделения?»

Я думаю, что могу дать довольно точный ответ на этот вопрос. Именно: я полагаю, что всякий толковый рабочий *подумает*, что П. Киевский *не умеет думать*.

Всякий толковый рабочий «подумает»: ведь вот тот же П. Киевский учит нас, рабочих, кричать: «вон из колоний». Значит, мы, великорусские рабочие, должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии, — английские рабочие должны требовать, чтобы английское правительство убралось вон из Египта, из Индии, из Персии и т. д. Но разве это значит, чтобы *мы*, пролетарии, *хотели* отделяться от египетских рабочих и феллахов, от монгольских или туркестанских или индийских рабочих и крестьян? Разве это значит, чтобы *мы* советовали трудящимся массам колоний «отделяться» от сознательного европейского пролетариата? Ничего подобного. Мы всегда стояли, стоим и будем стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами *всех* угнетенных стран. Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам *всех* угнетенных стран, колоний в том числе, *не* отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами.

Если мы требуем от своих правительств, чтобы оно убралось вон из колоний — т. е. выражаясь не агитационным выкриком, а точным политическим выражением — чтобы оно *предоставило* колониям полную *свободу* отделения, действительное *право на самоопределение*, — если мы сами обязательно осуществим это право, предоставим эту свободу, как только завоем власть, то мы требуем этого от теперешнего правительства и мы *сделаем* это, когда сами будем правительством, *вовсе* не для «рекомендации» отделения, а наоборот: для облегчения и ускорения *демократического* сближения и слияния наций. Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим *интересом* сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму.

Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а *только* потому, что мы за свободное, добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. *Только* поэтому!

И в этом отношении *единственную* разницу между монгольским или египетским мужиком и рабочим и польским или финляндским мы видим в том, что последние — высокоразвитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр., и поэтому они наверно *очень скоро* убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно распространять эту ненависть на *социалистических* рабочих и на социалистическую Россию, что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе. Так как поляки и финляндцы высококультурные люди, то они, по всей вероятности, очень скоро убедятся в правильности этого рассуждения, и отделение Польши и Финляндии после победы социализма может произойти лишь очень не надолго. Неизмеримо менее культурные феллахи, монголы, персы могут отделиться на более долгое время, но мы его постараемся сократить, как уже сказано, бескорыстной культурной помощью.

Никакой другой разницы в нашем отношении к полякам и к монголам нет и быть не может. *Никакого* «противоречия» между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу, когда мы будем правительством, — и между пропагандой сближения и слияния наций, нет и быть не может. — — —

— — — Вот что «подумает», по нашему убеждению, всякий толковый рабочий, действительный социалист, действительный интернационалист, по поводу нашего спора с П. Киевским*.

* Повидимому, П. Киевский просто повторил за некоторыми немецкими и голландскими марксистами лозунг «войн из колоний», не подумав не только о теоретическом содержании и значении этого лозунга, но и о конкретной особенности России. Голландскому, немецкому марксисту извинительно — до известной степени — ограничиваться лозунгом «войн из колоний», ибо, во-1-х, для большинства западноевропейских стран типичным случаем угнетения на-

Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоумение: к чему проповедывать и — когда мы будем у власти — осуществлять свободу *отделения* наций, раз все развитие идет к *слиянию* наций? К тому же — ответим мы, — к чему мы проповедуем и, когда будем у власти, осуществим диктатуру пролетариата, хотя все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой. Диктатура есть господство части общества над всем обществом и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, необходима для свержения буржуазии и отражения ее контрреволюционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом социал-демократической партии, кто отрицает или только словесно признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, напр., в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, *возможна* мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в мелких государствах без гражданской войны социализм *не* осуществится, и потому *единственной* программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет места насилию над людьми. То же самое — *mutatis mutandis* (с *соответствующими* изменениями) применимо к нациям. Мы стоим за слияние их, но от насильственного слияния, от аннексий *ныне* не может быть перехода к добровольному слиянию без свободы отделения. Мы признаем — и совершенно справедливо — главенство экономического фактора, но толковать его à la* П. Киевский

ций является именно угнетение колоний, а, во-2-х, в западноевропейских странах особенно ясно, наглядно, живописно понятие «колонии».

А в России? Ее особенность как раз та, что между «нашими» «колониями» и «нашими» угнетенными нациями разница сейчас, неконкретна, неживуча!

Насколько извинительно было бы пишущему, скажем, по-немецки марксисту забыть эту особенность России, настолько не извинительно это П. Киевскому. Для русского социалиста, который хочет не только повторять, но и думать, должно бы быть ясно, что для России особенно нелепо пытаться провести какое-либо серьезное различие между угнетенными нациями и колониями.

* — проде. Ред.

значит впадать в карикатуру на марксизм. Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитом капитализме, неодинаковы в их конкретном виде в разных странах. Тем более неодинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистских странах, Америке, Англии, Франции, Германии. Такое же разнообразие проявится и на том пути, который проделает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того. И если бы даже действительность показала, что *до* первой победы социалистического пролетариата освободится и отделится лишь $\frac{1}{500}$ из угнетенных ныне наций, что *до* последней победы социалистического пролетариата на земле (т. е. во время перипетий уже начавшейся социалистической революции) отделится тоже лишь $\frac{1}{500}$ угнетенных наций и на самое короткое время, — *даже* в этом случае мы оказались бы и теоретически и практически-политически правы, советуя рабочим уже теперь не пускать на порог своих социал-демократических партий тех социалистов угнетающих наций, которые не признают и не проповедают свободы отделения *всех* угнетенных наций. Ибо в действительности мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие *форм* демократии и *форм* перехода к социализму. А что отрицание свободы отделения теперь есть бесконечная теоретическая фальшь и практическое услужение шовинистам угнетающих наций, это мы знаем, видим и осязаем ежедневно.

«Мы подчеркиваем — пишет П. Киевский в примечании к приведенному нами месту — что вполне поддерживаем требование «против насильственных аннексий»...»

На наше совершенно определенное заявление, что такое «требование» равносильно признанию самоопределения, что нельзя дать правильного определения понятию «аннексия», не сводя его к самоопределению, автор не отвечает ни звука! Он думает, должно быть, что для дискуссии достаточно выставлять положения и требования, а не доказывать их!

... «Вообще ряд требований, — продолжает он — заостряющих сознание пролетариата против империализма, мы вполне принимаем в их отрицательной формулировке, причем подобрать соответствующие положительные формулировки, оставаясь на почве существующего строя, нет никакой возможности. Против войны, но не за демократический мир»...

Неверно — от первого слова до последнего. Автор читал нашу резолюцию «пацифизм и лозунг мира» (стр. 44—45 брошюры «Социализм и война»*) и даже, кажется, одобрял ее, но явно ее не понял. Мы за демократический мир, предостерегая рабочих лишь от того обмана, будто он возможен при нынешних, буржуазных, правительствах, «без ряда революций», как сказано в резолюции. Мы объявили одурачением рабочих «абстрактную» проповедь мира, т. е. не считающуюся с действительной классовой природой, частнее: империалистской природой *теперешних* правительств воюющих стран. Мы заявили определенно в тезисах газеты «Социал-Демократ» (№ 47), что наша партия, если бы революция поставила ее у власти еще во время *теперешней* войны, немедленно предложила бы демократический мир всем воюющим странам**.

А П. Киевский, уверяя себя и других, что он «только» против самоопределения, а вовсе не против демократии вообще, договорился до того, что мы «не за демократический мир». Ну, разве это не курьез?

Нет надобности останавливаться на каждом из дальнейших примеров П. Киевского, ибо не стоит тратить места на опровержение столь же наивных логических ошибок, которые вызовут улыбку у каждого читателя. Нет и быть не может ни одного «отрицательного» лозунга у социал-демократии, который бы служил только для «заострения сознания пролетариата против империализма»,

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 141. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 368. *Ред.*

не давая в то же время положительного ответа на то, *как* социал-демократия решит соответственный вопрос, когда сама будет у власти. «Отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостряет», а оупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация.

Отличие между лозунгами, «отрицающими» или клеймящими *политические бедствия и экономические*, осталось непонятым у П. Киевского. Это отличие состоит в том, что известные экономические бедствия свойственны капитализму вообще, при любых политических надстройках над ним, что уничтожить эти бедствия, не уничтожая капитализма, экономически *невозможно* и ни единого примера такого уничтожения привести нельзя. Наоборот, политические бедствия состоят в отступлениях от демократизма, который экономически вполне возможен «на почве существующего строя», т. е. при капитализме и в виде исключения осуществляется при нем, в одном государстве одной своей частью, в другом — другою. Опять и опять автор не понял именно общих условий осуществимости демократии вообще!

То же самое на вопросе о разводе. Напомним читателю, что вопрос этот в дискуссии по *национальному* вопросу затронула впервые Роза Люксембург. Она высказала то справедливое мнение, что, защищая автономию внутри государства (области или края и т. п.), мы должны, как социал-демократы централисты, отстаивать решение общегосударственной властью, общегосударственным парламентом, важнейших государственных вопросов, к числу коих относится законодательство о *разводе*. Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть свержение угнетенного пола, женщины, — хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание *свободы* ухода от мужей не есть *приглашение* всем женам уходить!

П. Киевский «возражает»:

«Как же выглядело бы это право» (развода), «если бы в *этих* случаях» (когда жена *хочет* уйти от мужа) «жена не могла бы его реализовать? Или если бы эта реализация зависела от воли *третьих* лиц, или, еще хуже, от воли

претендентов на «руку» данной жены? Стали бы мы добиваться провозглашения *такого* права? Разумеется, нет!»

Это возражение показывает самое полное непонимание отношения, существующего между демократией *вообще* и капитализмом. При капитализме обычны, не как отдельные случаи, а как типичное явление, такие условия, когда для угнетенных классов «реализовать» их демократические права невозможно. Право развода в большинстве случаев останется нереализуемым при капитализме, ибо угнетенный пол задавлен экономически, ибо женщина при какой угодно демократии остается «домашней рабыней» при капитализме, рабыней, запертой в спальней, детской, кухне. Право выбирать «своих» народных судей, чиновников, учителей, присяжных и т. д. так же в большинстве случаев при капитализме неосуществимо именно в силу экономической задавленности рабочих и крестьян. То же относится к демократической республике: наша программа «провозглашает» ее, как «самодержавие народа», хотя все социал-демократы отлично знают, что при капитализме самая демократическая республика ведет лишь к подкупу чиновников буржуазией и к союзу биржи с правительством.

Только люди, совершенно неспособные думать или совершенно незнакомые с марксизмом, выводят отсюда: значит, республика ни к чему, свобода развода ни к чему, демократия ни к чему, самоопределение наций ни к чему! Марксисты же знают, что демократия *не* устраняет классового гнета, а лишь делает классовую борьбу чище, шире, открытее, резче; этого нам и надо. Чем полнее свобода развода, тем яснее женщине, что источник ее «домашнего рабства» капитализм, а не бесправие. Чем более демократичен государственный строй, тем яснее рабочим, что корень зла капитализм, а не бесправие. Чем полнее национальное равноправие (оно *не* полно без свободы отделения), тем яснее рабочим угнетенной нации, что дело в капитализме, а не в бесправии. И так далее.

Еще и еще раз: неловко разжевывать азбуку марксизма, но как же быть, когда П. Киевский не знает ее?

П. Киевский рассуждает о разводе прежде того, как рассуждал, — в парижском «Голосе»²⁴, помнится, — один из заграничных секретарей ОК²⁵, Семковский. Правда, рассуждал он, что свобода развода не есть приглашение

всех жен уходить от мужей, но если доказывать жене, что все мужья лучше вашего, сударыня, то дело сводится к тому же!!

Рассуждая так, Семковский забыл, что чудачество не есть нарушение обязанностей социалиста и демократа. Если бы Семковский стал убеждать любую жену, что все мужья лучше ее мужа, в этом никто не усмотрел бы нарушения обязанностей демократа; самое большее, что сказали бы: нельзя же в большой партии без больших чудачков! Но если бы Семковский вздумал защищать и называть демократом человека, который отрицал бы свободу развода, напр., прибег бы к суду или к полиции или к церкви против уходящей от него жены, то мы уверены, что *даже* большинство коллег Семковского по заграничному секретариату, хотя социалисты они и плохенькие, отказались бы от солидарности с Семковским!

И Семковский и П. Киевский «поговорили» о разводе, обнаружили непонимание вопроса и суть дела обошли: право развода, как и *все* без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограничено, формально-узко, но тем не менее отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не сочтет не только социалистами, но и демократами. А в этом вся суть. *Вся* «демократия» состоит в провозглашении и осуществлении «прав», осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме, а без такого провозглашения, без борьбы за права немедленно и тотчас, без воспитания масс в духе такой борьбы социализм *невозможен*.

Не поняв этого, П. Киевский обошел в своей статье и главный вопрос, относящийся к его специальной теме, именно вопрос: *как* уничтожим мы, социал-демократы, национальный гнет? П. Киевский отделался фразами о том, как будет мир «залит кровью» и т. п. (что к делу совершенно не относится). По существу же осталось одно: социалистическая революция все разрешит! Или, как иногда говорят сторонники взглядов П. Киевского: самоопределение при капитализме невозможно, при социализме излишне.

Это теоретически вздорный, практически-политически шовинистский взгляд. Этот взгляд есть непонимание значения демократии. Социализм невозможен без демократии

в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не готовится к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии. Поэтому, когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вадор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня.

Самоопределение *не более* невозможно при капитализме и *настолько* же излишне при социализме, как демократия вообще.

Экономический переворот создает необходимые предпосылки для уничтожения *всех* видов политического гнета. Именно поэтому нелогично, неверно отделяться ссылкой на экономический переворот, когда вопрос стоит: как уничтожить национальный гнет? Его нельзя уничтожить без экономического переворота. Бесспорно. Но *ограничиться* этим значит впасть в смешной и жалкий империалистический «экономизм».

Надо провести национальное *равноправие*; провозгласить, формулировать и осуществить равные «права» всех наций. С этим *все* согласны, кроме разве одного П. Киевского. Но тут-то и встает вопрос, который обходят: отрицание *права* на свое национальное государство не есть ли отрицание равноправия?

Конечно, есть. И последовательная, *то есть* социалистическая демократия провозглашает, формулирует и осуществит это право, без которого нет пути к полному добровольному сближению и слиянию наций.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРИЕМЫ АЛЕКСИНСКОГО

Мы разобрали далеко не все рассуждения П. Киевского. Разобрать *все* — значило бы писать статью впятеро больше настоящей, ибо ни единого правильного рассуждения у него нет. *Правильно* у него — если нет ошибок в цифрах — только одно примечание, дающее цифры о банках. Все остальное — какой-то невозможный клубок путаницы, приправленной фразами вроде «вбивания кола в трепещущее тело», «побеждающих героев мы будем не только судить, но и осуждать на смерть и исчезновение»,

«в жесточайших конвульсиях будет рождаться новый мир», «не о грамотах и правах, не о провозглашении свободы народов будет идти речь, а об установлении действительно свободных отношений, о разрушении векового рабства, об уничтожении социального гнета вообще и национального гнета в частности» и т. д. и т. п.

Эти фразы прикрывают и выражают две «вещи»: во-1-х, в основе их лежит «идея» *империалистического экономизма* — такой же уродливой карикатуры на марксизм, такого же полного непонимания отношения социализма к демократии, каким был печальной памяти «экономизм» 1894—1902 годов.

Во-2-х, в этих фразах мы воочию видим повторение приемов Алексинского, на чем приходится особо остановиться, ибо П. Киевский составил целый особый параграф своей статьи (гл. II, § е: «Особое положение евреев») *исключительно* из этих приемов.

Бывало, еще на Лондонском съезде 1907 года большевики отходили от Алексинского, когда он, в ответ на теоретические доводы, становился в позу агитатора и выкрикивал, совсем не на тему, звонкие фразы против какого-либо вида эксплуатации и угнетения. «Ну, это уже пошел визг» — выражались наши делегаты в таком случае. И «визг» не довел Алексинского до добра.

Совершенно такой же «визг» видим мы у П. Киевского. Не зная, что ответить на поставленный в тезисах ряд теоретических вопросов и соображений, он становится в позу агитатора и начинает выкрикивать фразы по поводу угнетения евреев, хотя всякому, сколько-нибудь способному думать человеку, ясно, что ни малейшего отношения к теме ни вопрос о евреях вообще ни все «выкрики» П. Киевского абсолютно не имеют.

Приемы Алексинского до добра не доведут.

Написано в августе — октябре 1916 г.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Звезда» № 1 и 2
Подпись: В. Ленин*

*Печатается по рукописи,
сверенной с машинотисной копией,
правленной Лениным*

ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ²⁶

В Голландии, Скандинавии, в Швейцарии из среды революционных социал-демократов, которые борются против лжи социал-шовинистов о «защите отечества» в теперешней империалистской войне, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» — новым: «разоружение». «Jugend-Internationale»* открыл дискуссию по этому вопросу и поместил в № 3 редакционную статью за разоружение. В новейших тезисах Р. Гримма²⁷ мы также, к сожалению, находим уступку идее «разоружения». В журналах «Neues Leben»²⁸ и «Vorbote»** открыта дискуссия.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I

Основной довод заключается в том, что требование разоружения является самым ясным, самым решительным, самым последовательным выражением борьбы против всякого милитаризма и против всякой войны.

Но в этом основном доводе и состоит основное заблуждение сторонников разоружения. Социалисты, не переставая быть социалистами, не могут быть против всякой войны.

Во-первых, социалисты никогда не были и никогда не могут быть противниками революционных войн. Буржуазия «великих» империалистских держав стала насквозь

* — «Интернационал Молодежи». Ред.

** — «Предвестник». Ред.

реакционной, и войну, которую теперь ведет *эта* буржуазия, мы признаем реакционной, рабовладельческой и преступной войной. Ну, а как обстоит дело с войной *против* этой буржуазии? Например, с войной угнетаемых этой буржуазией и зависимых от нее или колониальных народов за свое освобождение? В тезисах группы «Интернационал», в параграфе 5-м, мы читаем: «В эру этого разнузданного империализма уже не может быть никаких национальных войн» — это очевидно неправильно.

История XX века, этого века «разнузданного империализма», полна колониальных войн. Но то, что мы, европейцы, империалистские угнетатели большинства народов мира, со свойственным нам гнусным европейским шовинизмом, называем «колониальными войнами», это часто национальные войны или национальные восстания этих угнетенных народов. Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения. Это — факт. И отсюда неизбежно следует, что империализм должен в нередких случаях порождать национальные войны. Юниус, защищающий в своей брошюре упомянутые «тезисы», говорит, что в империалистскую эпоху всякая национальная война против одной из империалистских великих держав приводит к вмешательству другой, конкурирующей с первой и также империалистской великой державы, и, таким образом, всякая национальная война превращается в империалистскую. Но и этот довод неправилен. Это *может* быть, но это не всегда так бывает. Многие колониальные войны в годы 1900—1914 пошли не этим путем. И было бы просто смешно, если бы мы заявили, что, напр., после теперешней войны, если она закончится крайним истощением воюющих стран, «не может» быть «никаких» национальных, прогрессивных, революционных войн со стороны, скажем, Китая в союзе с Индией, Персией, Сиамом и т. д. против великих держав.

Отрицание всякой возможности национальных войн при империализме теоретически неправильно, исторически явно ошибочно, а практически оно равняется европейскому шовинизму: мы, принадлежащие к нациям, угнетающим сотни миллионов людей в Европе, Африке,

Азии и т. д., мы должны заявить угнетенным народам, что их война против «наших» наций «невозможна»!

Во-вторых. Гражданские войны — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции.

В-третьих, победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года²⁹ прямо признавал возможность «оборонительных войн» уже победившего социализма. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран.

Только после того как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными. И с научной точки зрения будет совершенно неправильно и совершенно неревOLUTIONIONно, если мы будем обходить или затушевывать как раз наиболее важное: подавление сопротивления буржуазии, — наиболее трудное, наиболее требующее борьбы при переходе к социализму. «Социальные» попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о будущем мирном социализме, но они как раз тем и отличаются от революционных социал-демократов, что

не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых войнах для осуществления этого прекрасного будущего.

Мы не должны допустить, чтобы словами нас вводили в обман. Напр., понятие «защита отечества» многим ненавистно, потому что откровенные оппортунисты и каутскианцы прикрывают и затушевывают им ложь буржуазии в данной хищнической войне. Это факт. Но из этого не следует, что мы должны разучиться размышлять над значением политических лозунгов. Признавать «защиту отечества» в данной войне значит считать ее «справедливой», соответствующей интересам пролетариата, — и ничего больше и еще раз ничего, потому что вторжение не исключается ни в какой войне. Было бы просто глупо отрицать «защиту отечества» со стороны угнетенных народов в их войне против империалистских великих держав или со стороны победившего пролетариата в его войне против какого-нибудь Галифе буржуазного государства.

Теоретически было бы совершенно ошибочно забывать, что всякая война является только продолжением политики другими средствами; теперешняя империалистская война является продолжением империалистской политики двух групп великих держав, и эта политика порождена и питается совокупностью отношений империалистской эпохи. Но та же эпоха необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии, а потому и возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата против буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн и т. д.

II

К этому присоединяется еще следующее общее соображение.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, такой угнетенный класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пафистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет

и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы. Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, напр., в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска против стачечников во всех капиталистических странах.

Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества. И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагают, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприровать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но *только тогда, никоим образом не раньше.*

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца.* И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн *подготавливает конец с ужасом,* то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготавливается

единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 года и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уж плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего

движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами, — вырастет несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины?? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружение народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба — главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинтала³⁰, одна из основных причин возможного фиаско этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на время — внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легинов, Альбертов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайдманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский — Гаазе и «Социал-демократическая трудовая группа»³¹ в Германии; Лонге, Прессман, Майерас и пр. во Франции; Рамсей Макдональд и др. вожди «Независимой рабочей партии»³² в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах (в России)³³. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первыми при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на *всех* поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д. Главная особенность, отличающая *обе* эти формы господствующего оппортунизма, состоит в том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты, конкретный вопрос о *связи теперешней войны с революцией и другие конкретные вопросы революции*. И это — несмотря на то,

что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно *этой* грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально и в Базельском манифесте³⁴ официально. Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой программы реформ, которая *тоже* должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

В подобной программе мы бы сказали приблизительно так: «Лозунг и признание защиты отечества в империалистской войне 1914—1916 гг., это только коррупция рабочего движения буржуазной ложью». Такой конкретный ответ на конкретные вопросы был бы теоретически правильнее, много полезнее для пролетариата, невыносимее для оппортунистов, чем требование разоружения и отказ от «всякой» защиты отечества. И мы могли бы прибавить: «Буржуазия всех империалистических великих держав, Англии, Франции, Германии, Австрии, России, Италии, Японии, Соединенных Штатов, стала настолько реакционной и настолько проникнута стремлением к мировому господству, что *всякая* война со стороны *буржуазии этих* стран может быть только реакционной. Пролетариат должен быть не только против всякой такой войны, но и должен желать поражения «своего» правительства в таких войнах и использовать его для революционного восстания, если не удастся восстание с целью воспрепятствовать войне».

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (напр., в Швейцарии) все большее и большее опуссачение милиции, особенно в 1907 и 1911 гг., проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравниения в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые, подобно Швейцарии, все в большем числе и все бесстыднее эксплуатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — напр., завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии, — неизбежно *заставит* победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собой разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к лицемерию и бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К^о к Базельскому манифесту). Разоружение, как социальная идея, — т. е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной причудой, — порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые сто-

яли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, напр., в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы-де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский союз с той или иной группой великих держав)... «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной» — должно быть вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскоруждой пассивности — вот объективная общественная обстановка, которая может обеспечивать идею разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Швейцарии, напр., ее империалистская обстановка объективно предписывает две линии рабочего движения: оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение использовать как можно выгоднее, как можно спокойнее.

Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся использовать относительную свободу и «международное» положение Швейцарии для того, чтобы помочь победить тесному союзу революционных элементов рабочих партий Европы. Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, и как раз на таких, на которых говорят в граничащих с ней воюющих странах.

Если бы 20 000 членов швейцарской партии вносили еженедельно 2 сантима в качестве «чрезвычайного

военного налога», то мы получали бы в год 20 000 франков, — более чем достаточно для того, чтоб вопреки запрещениям генеральных штабов периодически печатать и распространять на трех языках среди рабочих и солдат воюющих стран все то, что содержит правду о начинающемся возмущении рабочих, об их братании в окопах, об их надеждах на революционное использование оружия против империалистической буржуазии их «собственных» стран и т. д.

Все это не ново. Как раз это делается лучшими газетами, как «La Sentinelle», «Volksrecht», «Berger Tagwacht»³⁵, но, к сожалению, в недостаточной мере. Только путем такой деятельности прекрасное постановление партийтага в Аарау³⁶ может стать чем-то большим, чем просто прекрасное постановление.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «разоружение» есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

Написано в сентябре 1916 г.

*Впервые напечатано в сентябре
и октябре 1917 г. в газете
«Jugend-Internationale»
№№ 9 и 10*

Подпись: N. Lenin

*Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого*

*На русском языке впервые напечатано
в 1929 г. во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XIX*

В ТРЕХ СОСНАХ ЗАБЛУДИЛИСЬ

В № 1 бундовского «Бюллетеня»³⁷ (сентябрь 1916) в письме бундиста из Петербурга от 26. II. 1916 читаем:

«Трудность принятия формулы обороны для нас усугубляется во много раз от того, что ведь мы-то уж во всяком случае не можем замалчивать польский вопрос, как это пока делают наши русские товарищи». (Не забудем, что «товарищи» этого господина суть Потресов и К^о.) «И то обстоятельство, что даже оборонцы в нашей среде не желают по отношению к России применять формулу «без аннексий», в глазах психологически неприемлющих сейчас оборону является сильным аргументом против обороны, ибо они спрашивают с иронией: что же вы защищаете? А идея независимости Польши пользуется признанием верхов». (Неясно, каких.)

Когда мы в резолюции 1915-го года заявили, что у Бунда преобладает шовинизм герmanoфильский*, гг. Косовский и К^о смогли ответить только бранью. Теперь в их же органе их же коллега по партии подтверждает наше заявление! Ибо если «оборонцы» бундисты не желают «по отношению к России» (заметьте, что о Германии ни слова!) применять формулу «без аннексий», то чем же это отличается по сути дела от герmanoфильского шовинизма?

Если бы бундисты хотели и умели думать, они увидели бы, что они заблудились в вопросе об аннексиях. Выход из блужданий и путаницы один: принять нашу программу, поясненную еще в 1913 году**. Именно: чтобы проводить

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 142. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 488—494. Ред.

осмысленно и честно политику отрицания аннексий, социалисты и демократы угнетенных наций должны во всей своей пропаганде и агитации объявлять негодными тех социалистов угнетающих наций (все равно, великороссов или немцев, поляков по отношению к украинцам и т. д.), которые не стоят последовательно и безоговорочно за свободу отделения наций, угнетаемых (или насильственно удерживаемых) *из собственной нацией*.

Если бундисты не принимают и не примут этого вывода, то *только* из нежелания ссориться с Потресовыми в России, Легинами, Зюдекумами и даже Ледебурами (он не за свободу отделения Эльзаса-Лотарингии) в Германии, с националистами, вернее, социал-шовинистами Польши и т. д.

Причина уважительная, что и говорить!

Написано в сентябре — октябре
1916 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII

Печатается по рукописи

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ³⁸

Дорогие товарищи!

От имени ЦК Росс. с.-д. раб. партии я приветствую съезд итальянской социалистической партии и желаю ему успеха в его работах.

Итальянской социалистической партии *первой* из социалистических партий воюющих стран удалось сделать то, что могли и должны были бы сделать все социалистические партии этих государств, если бы они не изменили социализму и не перешли на сторону буржуазии, именно: собрать свой съезд, совещание или конференцию вне пределов досягаемости «отечественной» военной цензуры, военного начальства, в свободной стране, где можно свободно обсудить и высказать социалистическое отношение к войне. Позвольте мне выразить надежду, что свободному — от патриотических намордников — съезду итальянской социалистической партии удастся так же много и еще больше сделать для борьбы с изменой социализму почти всех европейских социалистических партий, чем сделала до сих пор вся итальянская социалистическая партия.

Представители нашей партии работали вместе с представителями вашей партии в Циммервальде и Киптале. И единственным серьезным разногласием, которое разделяло нас, было разногласие о неизбежности и необходимости раскола с социал-шовинистами, т. е. социалистами на словах и шовинистами на деле, именно: всеми теми, кто представляет или оправдывает «защиту отечества» в настоящей империалистской войне, кто прямо или косвенно поддерживает «свое» правительство и «свою»

буржуазию в этой реакционной, разбойнической войне из-за дележа колоний и из-за господства над миром. Мы считаем раскол с социал-шовинистами исторически неизбежным и необходимым для искренней и не ограничивающейся словесными протестами революционной борьбы пролетариата за социализм. Представители вашей партии стояли на той точке зрения, что можно еще надеяться на победу пролетариата над социал-шовинистами («*sclovinisti*») без раскола с ними.

Мы хотели бы надеяться, что развитие событий во всемирном социализме все более и более устраняет почву для этого разногласия между нами.

С одной стороны, во всем мире, не только в воюющих странах, но и в главных нейтральных, напр., в передовой капиталистической стране, Соединенных Штатах Америки, рабочее движение все более и более раскалывается *фактически* на сторонников и противников «защиты отечества» в данной империалистской войне и в следующих империалистских войнах, которые подготовляются и возвращаются всей политикой всех современных так называемых «великих» держав.

С другой стороны, недавно мы прочли в «*Avanti!*»³⁹, центральном органе социалистической партии, с особенным удовольствием редакционную статью: «*La chiusura della conferenza socialista tedesca*»*. Эта конференция немецкой социалистической партии есть одно из самых выдающихся событий во всемирном социализме за последние месяцы, ибо на ней столкнулись *три* главные направления не только немецкого, но и *всемирного* социализма: во-1-х, направление открытых социал-шовинистов, таких, как Легин, Давид и К^о в Германии, Плеханов, Потресов, Чхенкели в России, Рендель и Самба во Франции, Биссолати и его партия в Италии; во-2-х, направление, разделяющее основную идею социал-шовинизма, именно «защиту отечества» в данной войне, и желающее примирить эту идею с действительным социализмом и интернационализмом, направление Гааге — Каутского, и в-3-х, направление действительно социалистическое и интернационалистское, групп «Интернационал» и «Интернациональных социалистов Германии» в Германии⁴⁰.

* — «Закрытие конференции немецких социалистов». *Ред.*

Оценивая эти три направления, «*Avanti!*» в указанной статье (№ 269, 27. IX. 1916) писал:

«...il proletariato tedesco finirà indubbiamente per trionfare contro i Legien, gli Ebert ed i David, che anno preteso di compromettere la sua azione di classe nei tristi patteggiamenti coi Bethmann-Hollweg e gli altri fautori della guerra. Di questo noi abbiamo la più schietta certezza».

«Noi abbiamo la medesima certezza».

«Piuttosto — продолжает «*Avanti!*» — la conferenza dei socialisti tedeschi ci lascia incerti circa l'atteggiamento prossimo di una parte della opposizione, quella che ebbe per esponente principale l'Haase».

«Il gruppo «Internazionale» con Liebknecht, con Mehring, con Clara Zetkin, con Rosa Luxemburg — con tutti gli altri «sabotatori e traditori della patria» è perfettamente a posto».

... «*Meno conseguente ci è parso Haase*»*.

И «*Avanti!*» объясняет, что оно видит «непоследовательность» Гаазе и его группы, которую мы называем в своей печати *каутскианским* направлением всемирного социализма — в том,

что «*essi non accettano le logiche e naturali conseguenze cui sono giunti Liebknecht e compagni*»**.

Так пишет «*Avanti!*».

Мы от всей души приветствуем эти заявления «*Avanti!*». Мы уверены, что ошибается «*Vorwärts*»⁴¹, центральный орган немецких социал-демократов и главный орган каутскианского направления, когда пишет в номере от 7. X. 1916 по поводу этих слов «*Avanti!*,

«*dass der «Avanti!» über die Parteiverhältnisse und Parteivorgänge in Deutschland nicht ganz zutreffend informiert ist*»***.

* — «Немецкий пролетарят, несомненно, в конце концов восторжествует над Легианами, Эбертами и Давидами, которые пытались скомпрометировать свою классовую борьбу жалкими сделками с Бетман-Гольвегами и другими сторонниками войны. В этом мы искренно убеждены».

Мы в этом также убеждены.

«Но все же — продолжает «*Avanti!*» — конференция немецких социалистов не даст нам уверенности в том, каково будет дальнейшее поведение той части оппозиции, главным представителем которой является Гаазе».

«Группа «Интернационал» с Либкнехтом, Мерингом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург — со всеми другими «саботажниками и изменниками отечеству» — несомненно остается на своем посту».

... «*Meno последовательным нам кажется Гаазе*». *Ред.*

** — «они не принимают тех логических и естественных выводов, к которым пришли Либкнехт с товарищами». *Ред.*

*** — «что «*Avanti!*» не вполне правильно информировано о жизни и делах партии в Германии». *Ред.*

Мы уверены, что «*Avanti!*» информировано «*ganz zutreffend*» * и что оно не случайно находит неправой группу Гаазе и правой группу Либкнехта. Мы надеемся поэтому, что итальянская социалистическая партия может занять выдающееся место в международном социализме своей защитой принципов и тактики Либкнехта.

Наша партия находится в неизмеримо более трудных условиях, чем итальянская. Вся наша печать задюшена. Но и из эмиграции нам удалось помочь борьбе наших товарищей в России. Доказательством того, что эта борьба против войны со стороны нашей партии в России была борьбой действительно передовых *рабочих* и рабочих *масс*, являются два факта: во-1-х, рабочие депутаты нашей партии, выбранные от рабочих в самых промышленных губерниях России, Петровский, Шагов, Бадаев, Самойлов и Муранов, сосланы в Сибирь царским правительством за революционную пропаганду против войны. Во-2-х, долго спустя после их ссылки, передовые рабочие в Петербурге, принадлежащие к нашей партии, решительно отвергли участие в военно-промышленных комитетах.

В январе 1917 г. собирается конференция *Entente-Sozialisten*⁴². Мы сделали однажды опыт участия в подобной конференции в Лондоне⁴³, но нашего представителя лишили слова, как только он дерзнул сказать правду об измене европейских социалистов. Мы думаем поэтому, что на подобных конференциях место только господам Биссолати, Плеханову, Самба и *tutti quanti* **. Мы намерены поэтому отказаться от посещения конференции и обратиться с письмом к европейским рабочим с разоблачением обмана народа социал-шовинистами.

Еще раз приветствую съезд итальянской социалистической партии и выражаю пожелание успеха в его работах.

Написано в первой половине октября
1916 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII

Печатается по рукописи

* — «вполне правильно». *Ред.*
** — им подобным. *Ред.*

О ЛОЗУНГЕ «РАЗОРУЖЕНИЯ»

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, напр., в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение». В органе международной организации молодежи «Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») помещена в номере 3 редакционная статья за разоружение. В «тезисах» Р. Гримма по военному вопросу, составленных для съезда швейцарской социал-демократической партии, находим уступку идее «разоружения». В швейцарском журнале «Neues Leben» («Новая Жизнь») за 1915 г. Роланд-Гольст выступает якобы за «примирение» обоих требований, на деле за такую же уступку. В органе международной левой «Vorboten» («Предвестник») помещена в номере 2 статья голландского марксиста Вайнкопа за старое требование вооружения народа. Скандинавские левые, как видно из печатаемых ниже статей⁴⁴, принимают «разоружение», признавая иногда, что в нем есть элемент пацифизма.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

1

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения.

На неправильности этого соображения мы остановились в статье о брошюре Юнцуса, куда и отсылаем читателя*. Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, напр., угнетенных наций против угнетающих их за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма *помимо* социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на *насилие*. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а *войско*. Поставить в программу «разоружение» значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась главным образом, если не исключительно, на немецком языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми не легко передать по-русски. Одно значит собственно «разоружение» и употребляется, напр., Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно «обезоружение» и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитаристской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о *втором*, обычном среди некоторых *революционных* социал-демократов, требовании.

Каутскианская проповедь «разоружения», обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржу-

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 291—305. Ред.

азный пацифизм, служащий на деле — вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскянцев — отвлечению рабочих от революционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобной проповедью та мысль, будто теперешние, буржуазные правительства империалистских держав не опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т. е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) тайных договоров между собою.

II

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, напр., в Швейцарии — есть вооружение буржуазии против пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление, общее всем без исключения капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагают, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это —

единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготавливает *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготавливается единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 г. и декабрьское восстание 1905 г. в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но *как* боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение, учитывающее *объективный ход* развития, применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милита-

ризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами, — вырастет несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе

делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружение народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба — главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на время — внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-1-х, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легинов, Альбертов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский — Гааве и «Социал-демократическая трудовая группа» в Германии;

Лонге, Прессман, Майерас и пр. во Франции; Рамсей Макдональд и др. вожди «Независимой рабочей партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающих революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первыми при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на *всех* поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая *обе* эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты, конкретный вопрос о *связи теперешней войны с революцией и другие конкретные вопросы революции*. И это — несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно *этой* грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально и в Базельском манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

IV

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживает — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой

программы реформ, которая *тоже* должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

Кстати: один из крупных недостатков в постановке вопроса, напр., о защите отечества у некоторых левых состоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в *данной* империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть «общее» положение против «всякой» защиты отечества. Это и неверно и не «бьет» непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов.

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать, выработывая конкретный и практически необходимый ответ: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (напр., в Швейцарии) все большее и большее опуссачение милиции, проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравниения в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые подобно Швейцарии все в большем числе и все бесстыднее эксплуатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для *себя*, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — напр., завоевание известного

города, известного фабричного поселка, известной части армии, — неизбежно *заставит* победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собою разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К^о к Базельскому манифесту). Подходя с этой стороны к требованию разоружения, мы должны прежде всего поставить вопрос об его *объективном* значении. Разоружение, как социальная идея, — т. е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной или кружковой причудой, — порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, напр., в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы-де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский союз с той или иной группой великих держав!), «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной» — должно быть вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности — вот *объективная* общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм

так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Поясним это на примере Швейцарии. Ее империалистская обстановка объективно предписывает ей две линии рабочего движения. Оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монополярный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монополярное положение использовать как можно выгоднее и как можно спокойнее. На деле эта полптика есть политика союза небольшого привилегированного слоя рабочих небольшой, поставленной в привилегированное положение, страны с буржуазией своей страны *против* масс пролетариата. Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся к тому, чтобы использовать сравнительную свободу Швейцарии, ее «международное» положение (соседство наиболее высококультурных стран, затем то обстоятельство, что Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках) для расширения, упрочения, укрепления *революционного* союза революционных элементов пролетариата всей Европы. Поможем своей буржуазии удержаться подольше в монополярном положении архиспокойной торговли прелестями Альп, авось, нам тоже перепадет копейка — вот *объективное* содержание политики швейцарских оппортунистов. Поможем союзу революционного пролетариата среди французов, немцев, итальянцев для свержения буржуазии — вот объективное содержание политики швейцарских революционных социал-демократов. К сожалению, эта политика проводится «левыми» в Швейцарии далеко еще недостаточно, и прекрасное решение съезда их партии в Аарау 1915 года (признание революционной массовой борьбы) остается пока больше на бумаге. Но речь идет у нас сейчас не об этом.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «требование» разоружения соответствует оппортунистической, уако-национальной, ограниченной кругозором маленького государства линии рабочего движения. Объективно, «разоружение» есть

самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

P. S.* В последнем номере английского «Социалистического Обозрения» — «The Socialist Review»⁴⁵ (сентябрь 1916), органа оппортунистической «Независимой рабочей партии», мы находим, на стр. 287, резолюцию ньюкастльской конференции этой партии: отказ от поддержки *какой бы то ни было* войны со стороны *какого бы то ни было* правительства, хотя бы «номинально» это и была война «оборонительная». А на стр. 205 встречаем следующее заявление в редакционной статье: «Мы не одобряем восстания син-фениев» (ирландского восстания 1916 года). «Мы не одобряем никакого вооруженного восстания, как не одобряем мы никакой другой формы милитаризма и войны».

Надо ли доказывать, что *эти* «антимилитаристы», *подобные* сторонники разоружения не в маленькой, а в большой державе, суть злейшие оппортунисты? А ведь теоретически они вполне правы, когда они рассматривают вооруженное восстание тоже как «одну из форм» милитаризма и войны.

Написано в октябре 1916 г.

Напечатано в декабре 1916 г.

в «Сборнике Социал-Демократа» № 2

Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту «Сборника»

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ИМПЕРИАЛИЗМ И РАСКОЛ СОЦИАЛИЗМА

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-1-х, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-2-х, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той степени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников *сырья* трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался*. Таких международных

картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно», — пока война не *переделила* его — насчитывают уже свыше *ста!* Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при монополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) закончился.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900-го года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей *всякую* монополию при частной собственности на средства производства. Разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем несколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-2-х, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя *рантье*, капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В четырех передовых империалистских странах, Англии, Северной Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100—150 *миллиардов* франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 миллиардов на страну. В-3-х, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-4-х, «финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе». Политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панамы всех видов. В-5-х, эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация колоний горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетарий жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание

Сисмонди Маркс особенно подчеркивал⁴⁶. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме «фазу капитализма» и определяет империализм как *политику*, «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных» стран аннектировать «аграрные» страны*. Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма — господство как раз *не* промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз *не* только аграрных, а *всяких* стран. Каутский *отрывает* политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультраимпериализма» и тому подобного вадора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать *самые глубокие* противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апологетами империализма, окровавленными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в «Социал-Демократе», и в «Коммунисте»⁴⁷. Наши российские каутскианцы, «окисты» с Аксельродом и Спектатором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого, — предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве, как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отделяваясь либо простым восхва-

* Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше аграрных областей, без отношения к тому, какой нацией населены они» (Каутский в «Neue Zeit» 11/IX 1914).

лением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую ОЖ *обещал* напечатать по-русски) либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на-нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем «понимании» империализма, — которое равносильно подкрашиванию его — Каутский идет назад не только по сравнению с «Финансовым капиталом» Гильфердинга (как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и «единство» с социал-шовинистами!), но и по сравнению с *социал-либералом* Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста, гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902-го года*. Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пафистские и «примирительные» пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма:

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста» Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

* J. A. Hobson. «Imperialism», London, 1902 (Дж. А. Гобсон. «Империализм», Лондон, 1902. Ред.).

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев, и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала» (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только напра-

влении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать *только* революционный пролетариат и *только* в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902-м году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают *лицемерные каутскианцы* разных стран, именно: что *оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, напр., еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в «Известиях Заграничного Секретариата ОК»⁴⁸ (№ 4 от 10 апреля 1916 г.) выражен следующим образом:

— — ...«Дело революционной социал-демократии было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к «интеллигенции» и наиболее квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму»...

Посредством глупенького словечка «фатально» и некоторой «подтасовочки» *обойден* тот *факт*, что *известные* прослойки рабочих *отошли* к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам ОК только и надо *обойти* этот *факт*! Они отделяются тем «казенным оптимизмом», которым ныне щеголяет и каутскианец

Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство пролетариата и за победу революционного течения! дескать, мы «оптимисты» насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К^о — *оптимисты*... насчет *оппортунизма*. В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма — мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масштабе, 50 лет раньше или 50 лет позже — с точки зрения *этого* масштаба вопрос частный — «пролетарпат», конечно, «будет» един, и в нем «неизбежно» победит революционная социал-демократия. Не в этом вопрос, гг. каутскианцы, а в том, что *вы* сейчас, в империалистских странах Европы *лакействуете* перед оппортунистами, которые *чужды* пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии, и *без освобождения* от которых рабочее движение остается *буржуазным рабочим движением*. Ваша проповедь «единства» с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д. есть, объективно, защита *порабощения* рабочих империалистскою буржуазиею через посредство ее лучших агентов в рабочем движении. Победа революционной социал-демократии в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет только *против* вас, будет победой *над* вами.

Те две тенденции, даже *две* партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 гг., были *прослежены* Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда *десятилетий*, приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что по крайней мере *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение,

совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»⁴⁹. В письме к Зорге от 21 сентября 1872 г. Энгельс сообщает, что Хэйльс (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 августа 1874 г.: «Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи»⁵⁰. Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 г. о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею»⁵¹. В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»⁵².

7-го декабря 1889 г. Энгельс пишет Зорге: ...«Самое отвратительное здесь (в Англии) — перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)... даже Том Манн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов, — видишь, что значит революция»⁵³. В письме от 19 апреля 1890 г.: «движение (рабочего класса в Англии) идет вперед *под* поверхностью, захватывает всё более широкие слои и притом большей частью среди неподвижной доселе *самой* *низшей* (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса *найдет* *сама* *себя*, когда

ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой». 4 марта 1891 г.: «неудача распавшегося союза докеров, «старые», консервативные тред-юнионы, *богатые* и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы»... 14 сентября 1891 г.: на нью-кастльском конгрессе тред-юнионов побеждены старые юнионисты, противники 8-мичасового рабочего дня, «и буржуазные газеты признают поражение *буржуазной рабочей партии*» (курсив везде Энгельса)...⁵⁴

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892-го года⁵⁵. Здесь говорится об «аристократии в рабочем классе», о «привилегированном меньшинстве рабочих» в противоположность «широкой массе рабочих». «Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство» рабочего класса одно только имело «длительные выгоды» от привилегированного положения Англии в 1848—1868 гг., «широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением»... «С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение»... Члены «новых» юнионов, союзов необученных рабочих «имеют одно неслыханное преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов»... «Так называемыми рабочими представителями» называют в Англии людей, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма»...

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли в целом изучить их. А их необходимо изучить, в них стоит внимательно вдуматься. Ибо здесь *заводь* той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался «замутить воду» и подменить марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социалимпериалистами (вроде Ленча), которые оправдывают

войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский *исправляет* эту очевидную фальшь посредством другой столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слащавую фальшь! *Промышленная* монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-1-х, обойдена *колонциальная* монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно указал на нее! Если промышленная монополия Англии разрушена, то колонциальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пацифистскую и оппортунистически-мещанскую идею, что-де «воевать не из-за чего». Напротив, *капиталистам* теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не воевать*, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы.

Во-2-х. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает *сверхприбыль*, т. е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой сверхприбыли капиталисты *могут* выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить *своих* рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые «аллиансы» английских тред-юнионов со своими хозяевами, описанные Веббами) — союза рабочих данной нации со своими капиталистами *против* остальных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но *как* произошло это разрушение? Так ли, что *всякая* монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппортунизмом) «теория» Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то и суть, что это *не* так. Империализм *есть* монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк *есть* монополия. Сверхприбыль не исчезла, а осталась. Эксплуатация одною, привилегированною, финансово-богатою, страну *всех* остальных осталась и усилилась. Горстка

богатых стран — их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, «современном» богатстве: Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия — эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает *сверхприбыль* в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притушевывает, а не вскрывает.

Буржуазия «великой» империалистской державы *экономически может* подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее *сверхприбыль* составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, «рабочими-депутатами» (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими-участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узко-цеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный.

В 1848—1868 гг. и частью позже монополиею пользовалась только Англия; *поэтому* в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богатейшими колониями ни с промышленной монополиею *не было*.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополиею пользуется финансовый капитал *не* одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополиею современного, новейшего финансового капитала.) Из этой разницы вытекает то, что монополия Англии *могла* быть *неоспоренной* десятилетия. Монополия современного финансового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс *одной* страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато *меньшие* (чем в Англии 1848—1868 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и

подкупает *каждая* империалистская «великая» держава. Тогда *«буржуазная рабочая партия»*, по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь *«буржуазная рабочая партия» неизбежна* и типична для *всех* империалистских стран, но, ввиду их отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч., *позволяя* подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают *массу* пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных *наций* в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, *испровергнуть* буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет *раввертываться* теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически «обоснована». Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во *всех* странах. Различия между оформленной партией, напр., Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К^о, — эти различия несущественны. Важно то, что экономически откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма — пресса, парламент, союзы, съезды и пр. — создали соответствующие экономическим привилегиям и подачкам для почтительных, смиренных, реформистских и патриотических служащих и рабочих *политические привилегии и подачки*. Доходные

и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов — вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий».

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лестя, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране «буржуазной рабочей партии», английского министра Ллойд-Джорджа. Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить как угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные поправки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно* и служит ей именно *среди* рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманом, Лепинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Ренделями и К^о? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это — ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т. е. массовом масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но *течение* социал-шовинистское или (что то же) оппортуни-

* Недавно в одном английском журнале я встретил статью тори, политического противника Ллойд-Джорджа: «Ллойд-Джордж с точки зрения тори». Война открыла глаза этому противнику на то, какой превосходный приказчик буржуазии этот Ллойд-Джордж! Тори помирились с ним!

стическое не может ни исчезнуть ни «вернуться» к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что «буржуазные рабочие партии», как политическое явление, создались уже во *всех* капиталистических передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий — или, все равно, групп, течений и т. п. — не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе⁵⁶, «Наше Дело», «Голос Труда»⁵⁷ в России и «окисты» за границей — не более как разновидность одной из *таких* партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть *до* социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного — массового потока против оппортунистического — мещанского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, усиливается примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут: Ллойд-Джорджа освистали в Англии на рабочих собраниях, Гайндман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства — ссылка на «массы». Мы-де не хотим оторваться от масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. «Массовые организации»

английских тред-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали (1), что организации тред-юнионов непосредственно обнимают *меньшинство пролетариата*. И в Англии тогда и в Германии теперь не более $\frac{1}{5}$ пролетариата состоит в организациях. Seriously думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-2-х, — и это главное — вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном, значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т. е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке, — верно теперь для Германии и пр.

От «буржуазной рабочей партии» *старых* тред-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает «*нижнюю* массу», действительное большинство, апеллирует к нему, не зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем — и никто не может — усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне *представляют* лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти *ниже и глубже*, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и продают интересы массы, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии, — мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перепадет империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции бес-

пошадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их, — вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира.

В следующей статье мы попытаемся подытожить главные отличительные особенности этой линии в противовес каутскианству.

Написано в октябре 1916 г.

Напечатано в декабре 1916 г.

«Сборнике Социал-Демократа» № 2

Подпись: Н. Лени н

Печатается по тексту «Сборника»

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 4 НОЯБРЯ 1916 г.

Недавно социал-демократическая партия Швейцарии имела честь навлечь на себя гнев вождя официальной датской социал-демократической партии — господина министра Стаунинга. Последний в письме на имя другого — также quasi*-социалистического — министра Вандервельде, от 15 сентября с. г., с гордостью заявил, что «мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партии так называемым циммервальдским движением».

Приветствуя от имени ЦК РСДРП съезд швейцарской социал-демократической партии, я делаю это в надежде, что эта партия будет и впредь поддерживать международное объединение революционных социал-демократов, которое началось в Циммервальде и должно окончиться полным разрывом социализма с его министерскими и социал-патриотическими предателями.

Этот раскол назревает во всех странах развитого капитализма. В Германии единомышленник Карла Либкнехта т. Отто Рюле подвергся нападениям оппортунистов и так называемого центра, когда он заявил в центральном органе германской партии, что раскол стал неизбежен («Vorwärts»**, 12 января 1916 г.). Но факты все яснее говорят за то, что тов. Рюле был прав, что в Гер-

* — мнимо. *Ред.*

** — «Вперед». *Ред.*

мании действительно имеются две партии: одна помогает буржуазии и правительству в ведении грабительской войны, другая, развертывающая свою деятельность преимущественно нелегально, распространяет действительно социалистические воззвания среди действительных масс, организует массовые демонстрации и политические забастовки.

Во Франции «Комитет для восстановления международных связей»⁵⁹ недавно опубликовал брошюру: «Циммервальдские социалисты и война», в которой мы читаем, что во Франции внутри партии развились три главных направления. Первое, к которому принадлежит большинство, заклеено в брошюре как социалисты-националисты, социал-патриоты, вступившие в «священное единение» с нашими классовыми врагами. Второе направление, по данным этой брошюры, составляет меньшинство, это — сторонники депутатов Лонге и Прессмана, идущие в важнейших вопросах заодно с большинством и бессознательно льющие воду на мельницу большинства, привлекая к себе недовольные элементы усыплением их социалистической совести и заставляя их следовать за официальной политикой партии. В качестве третьего направления, брошюра указывает циммервальдистов. Последние признают, что Франция вовлечена в войну не объявлением войны со стороны Германии, а собственной империалистской политикой, которая договорами и займами привязала ее к России. Это третье направление недвусмысленно провозглашает, что *«защита отечества не социалистическое дело»*.

Так же и у нас, в России, равно как и в Англии, и в нейтральных Соединенных Штатах Америки, словом, во всем мире, создались по существу те же три направления. Борьба этих направлений определит судьбу рабочего движения на ближайшее время.

Разрешите мне несколькими словами коснуться еще одного пункта, о котором в эти дни особенно много говорят и относительно которого мы, русские социал-демократы, обладаем особенно богатым опытом; это — вопрос о терроре.

Мы не имеем еще никаких известий об австрийских революционных социал-демократах, которые и там имеются налицо, но о которых сведения вообще весьма

скудны. Вследствие этого мы не знаем, является ли убийство Штюргка тов. Фрицем Адлером⁵⁹ применением террора, как тактики, которая состоит в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс, или же это убийство является лишь отдельным шагом в переходе от оппортунистической несоциалистической тактики официальных австрийских социал-демократов с их обороной отечества к тактике революционного массового действия. Это второе предположение, повидимому, более соответствует обстоятельствам, и вследствие этого заслуживает полной симпатии приветствие Фрицу Адлеру, предложенное Центральным комитетом итальянской партии и опубликованное в «Avanti!»* 29 октября.

Во всяком случае, мы убеждены, что опыт революции и контрреволюции в России подтвердил правильность более чем 20-летней борьбы нашей партии против террора, как тактики. Но не следует забывать, что эта борьба велась в тесной связи с беспощадной борьбой против оппортунизма, который был склонен отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей. Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой. Во-вторых, мы связали борьбу против терроризма с многолетней, начавшейся за много лет до декабря 1905 г., пропагандой вооруженного восстания. В вооруженном восстании мы видели не только лучший ответ пролетариата на политику правительства, но также и неизбежный результат развития классовой борьбы за социализм и демократию. В-третьих, мы не ограничивались принципиальным признанием применения насилия и пропагандой вооруженного восстания. Так, напр., еще за четыре года до революции мы поддерживали применение насилия со стороны масс против их угнетателей, особенно во время уличных демонстраций. Мы старались, чтобы урок каждой такой демонстрации усвоила вся страна. Мы стали все больше задумываться над организацией выдержанного и систематического сопротивления масс полиции и армии, над вовлечением посредством этого сопротивления возможно большей части армии в борьбу между пролетариа-

* — «Вперед!». *Ред.*

том и правительством, над привлечением крестьянства и войска к сознательному участию в этой борьбе. Вот та тактика, которую мы применяли в борьбе против терроризма и которая, по нашему глубокому убеждению, увенчалась успехом.

Я кончаю, товарищи, повторением моего приветствия съезду социал-демократической партии Швейцарии и пожеланием успеха вашей работе. (Аплодисменты.)

Напечатано в 1916 г. в книге «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei der Schweiz vom 4. und 5. November 1916 abgehalten im Gesellschaftshaus «z. Kaufleuten» in Zürich»

*Печатается по тексту книги
Перевод с немецкого*

На русском языке впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 4 (27)

О СЕПАРАТНОМ МИРЕ

Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались.

Такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете, на основании имеющихся у нее сведений. И когда русское посольство в Берне поспешило выступить с официальным опровержением, а французские шовинисты приписали распространение атих слухов тому, что «немец гадит», то социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению и в подтверждение своего заявления сослалась еще на тот факт, что в Швейцарии находятся как раз теперь и немецкие (Бюлов) и русские «государственные люди» (Штюрмер, Гирс и один дипломат, приехавший из Испании) и что в торговых кругах Швейцарии имеются аналогичные положительные сведения из торговых кругов России.

Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно.

Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреодолимо установленных

фактов политики за последние десятилетия. Пусть господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и К^о, играющие теперь роль марксистобразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милукове, лезут из кожи вон, доказывая «вину Германии» и «оборонительный характер» войны со стороны России, — этих шутов сознательные рабочие не слушали и не слушают. Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготавливались *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности, воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

Наряду с столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и

Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготавливая войну ее против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов.

А теперь? Посмотрите, что происходит в настоящей войне. Нестерпимо слушать «социалистов», перешедших от пролетариата к буржуазии и толкующих о «защите отечества» со стороны России в данной войне или о «спасении страны» (Чхеидзе). Нестерпимо слушать сладенького Каутского и К^о, толкующих о демократическом мире так, как будто его могли заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников, причем содержание этих договоров не случайно, не только «злой волей» определено, а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики. Те «социалисты», которые засоряют глаза и умы рабочих пошлыми фразами о хороших вещах вообще (защита отечества, демократический мир), не разоблачая тайных договоров своего правительства о грабеже чужих стран, — такие «социалисты» совершают полную измену по отношению к социализму.

Правительству, и германскому, и английскому, и русскому, только выгодно, чтобы из лагерей социалистов раздавались речи о добреньком мире, ибо этим, во-первых, внушается вера в возможность такого мира при современном правительстве, а во-вторых, отвлекается внимание от разбойничьей политики тех же правительств.

Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» *во время* войны! Германия имеет тайные договоры с Болгарией и Австрией о дележе добычи и продолжает вести такие переговоры. Россия имеет тайные договоры с Англией, Францией и т. д., и все они посвящены *разбою и грабежу*, грабежу колоний Германии, грабежу Австрии, разделу Турции и пр.

«Социалист», который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добреньком мире, вполне подобен попу, который видит перед собой в церкви на первых местах содержательницу публичного дома и станового пристава, находящихся в стачке друг с другом, и «проповедует» им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России. Текст тайного договора неизвестен, но что борьба между Англией и Россией идет именно вокруг этого вопроса, идет и сейчас, это не только известно, но и не подлежит ни тени сомнения. В то же время известно, что между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам (напр., к договору 1910-го года, предоставлявшему Японии «скушать» Корею, а России скушать Монголию), заключен уже во время теперешней войны *новый тайный договор*, направленный не только против Китая, но *до известной степени и против Англии*. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 году Россию и теперь осторожно подготавливает возможность при помощи России побить Англию.

В России в «правлящих сферах» — в придворной шайке Николая Кровавого, в дворянстве, в армии и т. д. — есть

немцефильская партия. В Германии за последнее время по всей линии виден поворот буржуазии (а за нею и социалистов-шовинистов) к руссофильству, к сепаратному миру с Россией, к тому, чтобы задобрить Россию и со всей силой ударить на Англию: Со стороны Германии этот план ясен и не возбуждает сомнений. Со стороны России дело обстоит так, что царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы «взять» как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и «добить» Австрию и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, нехватает. В этом гвоздь.

Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия» — разрушения «прусского милитаризма» и дружбы с «демократической» Англией, то это детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм и все реакционеры в России и вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят *одного*: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, — побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, *когда и как* повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, *когда и как!*

А решение этого, единственно спорного между милыми дружками, вопроса зависит от *военных и дипломатических соображений*, которые полностью известны только царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть.

Отнять всю Польшу у Германии и Австрии! Царизм за это, но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Отнять Константинополь и проливы! Добить и раздробить Австрию! Царизм вполне за это. Но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Царизм знает, сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно *еще* взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить (Япония в случае грозящей и вполне возможной войны с Китаем *не* даст больше снарядов!). Царизм знает, как

шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и пр. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно, — насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного, недостоверного, роль «военного счастья» особенно велика.

А Милюковы и Гучковы чем меньше знают, тем больше болтают на ветер. А Плехановы, Чхенкели, Потресовы совсем ничего не знают о тайных сделках царизма, забывают даже то, что раньше знали, не изучают того, что можно знать по иностранной печати, не вникают в ход внешней политики царизма до войны, не следят за ходом ее во время войны, и потому играют роль просто социалистических Иванушек.

Если царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны либерального общества, при всем усердии военно-промышленных комитетов, при всем содействии благородному делу умножения снарядов от господ Плехановых, Гвоздевых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхейдзе («спасение страны», не шутите!), Кропоткиных и прочей челяди, — даже при всем этом и при данном состоянии военных сил (или военного бессилия) всех возможных и втянутых в войну союзников *нельзя* добиться большего, *нельзя сильнее* победить Германию или это непомерно дорого стоит (напр., стоит *еще* потери десяти миллионов русских солдат, на рекрутирование, обучение и снаряжение коих требуется еще столько-то миллиардов и столько-то лет войны), тогда царизм *не может не искать* сепаратного мира с Германией.

Если «мы» погонимся за чересчур большой добычей в Европе, то «мы» рискуем обессилить «свои» военные ресурсы окончательно, не получить почти ничего в Европе и потерять возможность получить «свое» в Азии — так рассуждает царизм и рассуждает *правильно* с точки зрения империалистских интересов. Рассуждает *правильнее*, чем буржуазные и оппортунистические говоруны Милюковы, Плехановы, Гучковы, Потресовы.

Если нельзя взять большего в Европе, даже после присоединения Румынии и Греции (от коей «мы» взяли все, что могли), тогда возьмем, что можно! Англия «нам» сейчас ничего дать *не может*. Германия нам даст, возможно, и

Курляндию и часть Польши назад, и, наверное, восточную Галицию — это «нам» особенно важно, дабы удушить украинское движение, движение многомиллионного, исторически еще спавшего донныне, народа к свободе и к родному языку; — наверное также турецкую Армению. Беря это *теперь*, мы можем выйти из войны, *усилившись*, и тогда *завтра* мы при помощи Японии и Германии сможем получить, при умненькой политике и при дальнейшей помощи Милюковых, Плехановых, Потресовых в деле «спасания» возлюбленного «отечества», хороший кусок Азии при войне против Англии (всю Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан, а не так, как в Константинополе, где выход есть только в Средиземное море, да и то через острова, которые легко может ваять и укрепить Англия, лишая «нас» всякого выхода в свободное море) и т. д.

Именно так рассуждает царизм, и, повторяем, он рассуждает правильно не только с узко-монархической, но и с общеимпериалистической точки зрения, он знает больше и видит дальше, чем либералы и Плехановы с Потресовыми.

Поэтому вполне возможно, что мы завтра или послезавтра проснемся и получим манифест трех монархов: «внимая голосу возлюбленных народов, решили мы осчастливить их благами мира, установить перемирие и созвать общеевропейский конгресс мира». Три монарха могут даже при этом недурно сострить, повторив несколько обрывков фраз из Вандервельда, Плеханова, Каутского: мы-де «обещаем» — обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны, — обсудить вопрос о сокращении вооружений и о «постоянном» мире и т. п. Вандервельд, Плеханов и Каутский побегут пегушком устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира; добреньких пожеланий, сладеньких фраз, уверений в необходимости «защищать отечество» будет наговорено без конца на всех языках. Обстановочка будет недурная — для прикрытия перехода от империалистического союза англо-русского против Германии к такому же союзу гермажно-русскому против Англии!

Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем или Россия «продержится» в стремлении по-

бедить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор) — во всяком случае империалистская война не может кончиться никаким иным, кроме как империалистским, миром, если эта война не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм. Во всяком случае, за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, на счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), причем вполне возможно, что все эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет идти лишь о том, в каких пропорциях разделить эту добычу.

Во всяком случае неминуюемо, неизбежно и несомненно будут одурочены и ошельмованы как социал-шовинисты цельные и открытые, т. е. субъекты, прямо признающие «защиту отечества» в данной войне, так и социал-шовинисты прикрытые, половинчатые, т. е. каутскианцы, проповедующие «мир» вообще, «без победителей и побежденных» и т. п. Всякий мир, заключенный теми же или столь же буржуазными правительствами, которые начали эту войну, покажет наглядно всем народам, какую роль холопов империализма сыграли те и другие социалисты.

Каков бы ни был исход данной войны, окажутся правы те, кто говорил, что единственный социалистический выход из нее возможен в виде гражданской войны пролетариата за социализм. Окажутся правы те русские социал-демократы, которые говорили, что поражение царизма, полный военный разгром его есть меньшее зло «во всяком случае». Ибо история никогда не стоит на месте, она идет вперед и во время теперешней войны; и если вперед к социализму пролетариат Европы не сможет перейти теперь, не сможет скинуть с себя ига социал-шовинистов и каутскианцев во время первой великой империалистской войны, то вперед к демократии восточная Европа и Азия

пошли бы семимильными шагами только в случае полного военного разгрома царизма и отнятия у него *всякой* возможности практиковать империалистскую политику полуфеодалного типа.

Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистский мир сделает *эти* слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее.

«Социал-Демократ» № 56,
6 ноября 1916 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

ЦЕЛЫЙ ДЕСЯТОК «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ» МИНИСТРОВ

Секретарь Международного социал-шовинистского бюро⁶⁰ Гюисманс послал приветственную телеграмму датскому министру без портфеля Стаунингу, вождю датской якобы «социал-демократической» партии: «Вижу из газет, что Вы назначены министром. Мои сердечные поздравления. Итак, мы имеем уже десять социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед! Лучшие приветья».

Дела идут вперед, слов нет. Второй Интернационал движется быстро — к полному слиянию с национал-либеральной политикой. Боевой орган немецких крайних оппортунистов и социал-шовинистов, хемницкий «Народный Голос»⁶¹, приводя эту телеграмму, замечает не без ядовитости: «Секретарь Международного социалистического бюро приветствует, без оговорок, принятие социал-демократом поста министра. А незадолго до войны все партийные съезды и международные конгрессы резко высказались против этого! Времена меняются, взгляды тоже — и по этому пункту».

Хейльманы, Давиды, Зюдекумы имеют полное право презрительно похлопывать по плечу Гюисмансов, Плехановых, Вандервельдов...

Стаунинг недавно опубликовал свое письмо к Вандервельду, полное язвительности немцефильствующего социал-шовиниста против французского социал-шовиниста. В этом письме, между прочим, Стаунинг гордится тем, что «мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и

швейцарской партии так называемым циммервальдским движением». Буквально так!

В Дании образование национального государства относится к XVI веку. Массы датского народа давно уже проделали буржуазно-освободительное движение. В Дании население состоит более чем на $\frac{96}{100}$ из датчан, родившихся в Дании. Датчан в Германии нет и двухсот тысяч. (Населения в Дании 2,9 млн.) Можно судить поэтому, каким грубым буржуазным обманом являются разговоры датской буржуазии на тему о «самостоятельном национальном государстве», как задаче дня! Это говорят в XX веке буржуа и монархисты Дании, *владеющие колониями*, население которых почти равняется числу датчан в Германии и которыми *торгует* теперь датское правительство.

Кто это сказал, что людьми не торгуют в наше время? Отлично торгуют. Дания продает Америке за столько-то миллионов (еще не сторговались) три острова — все населенные, конечно.

Специфической чертой датского империализма является кроме того получение сверхприбыли вследствие монопольно-выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне (чистейшие буржуа, вопреки рассказам русских народников) превратились в «процветающих» захребетников английской империалистской буржуазии, в участников ее особо спокойных и особо жирных прибылей.

Этой интернациональной обстановке целиком поддалась датская «социал-демократическая» партия, которая горой стояла и стоит за правое крыло, за оппортунистов немецкой социал-демократии. Датские социал-демократы голосовали буржуазно-монархическому правительству кредиты — «для охраны нейтральности», как это благовидно говорится. На съезде 30 сентября 1916 г. большинство в $\frac{9}{10}$ высказалось за участие в министерстве, за сделку с правительством! Корреспондент бернской социалистической газеты сообщает, что оппозицию министриализму в Дании представляли Герсон Трир и редактор И. П. Сундбо. Трир в блестящей речи защищал революционно-марксистские взгляды и, когда партия решила

участвовать в министерстве, вышел и из Центрального Комитета и из партии, заявив, что не желает быть членом *буржуазной* партии. За последние годы датская «социал-демократическая» партия ничем не отличалась от буржуазных радикалов.

Привет товарищу Г. Триру! «Дела идут вперед», Гюисманс прав, — вперед к отчетливому, ясному, политически-честному, социалистически-необходимому разделению между революционными марксистами, представителями *масс* революционного пролетариата, и плехановски-потресовски-гюисмансовскими союзниками и агентами империалистской буржуазии, имеющими большинство *«возмездий»*, но представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинства привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии.

Захотят ли русские сознательные рабочие, те, что выбрали депутатов, сосланных в Сибирь, те, что голосовали против участия в военно-промышленных комитетах для поддержки империалистской войны, захотят ли они числиться в «Интернационале» *десяти* министров? В Интернационале *Стаунингов*? В Интернационале, из коего уходят *Триры*?

«Социал-Демократ» № 56,
6 ноября 1916 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

ЗАДАЧИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ⁶²

Цюрихский съезд с.-д. партии Швейцарии (4—5. XI. 1916) окончательно доказал, что решение этой партии о присоединении к Циммервальду и о признании *революционной массовой борьбы* (резолюция съезда в Аарау, 1915) остается только на бумаге и что внутри партии вполне сложился «центр», т. е. направление, соответствующее направлению Каутского — Гаазе и «Arbeitsgemeinschaft»* в Германии, Longuet — Pressemanne** и К⁰ во Франции. Этот «центр», во главе которого оказался Р. Гримм, соединяет «левые» заявления с «правой», т. е. оппортунистической практикой.

Поэтому задачей левых циммервальдцев в швейцарской с.-д. партии является немедленно и безусловно сплотить свои силы для систематического воздействия на партию в таком духе, чтобы решение съезда в Аарау не оставалось мертвой буквой. Такое сплочение сил левых циммервальдцев тем более настоятельно необходимо, что и аарауский и цюрихский съезды не оставляют ни тени сомнения в революционных и интернационалистских симпатиях швейцарского пролетариата. Недостаточно принимать резолюции сочувствия Либкнехту; надо взять всерьез его лозунг, что теперешние с.-д. партии нуждаются в *возрождении* (Regeneration)⁶³.

Платформа левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии должна бы быть приблизительно следующая:

* — «Трудовое содружество». *Ред.*

** — Лонге — Прессмана. *Ред.*

I. ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И К БУРЖУАЗНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВООБЩЕ

1. «Защита отечества» со стороны Швейцарии как в настоящей империалистской войне, так и в готовящихся новых империалистских войнах есть не что иное как буржуазный обман народа, ибо на деле участие Швейцарии в теперешней войне и в других подобных войнах было бы лишь участием в грабительской и реакционной войне в союзе на стороне *одной* из империалистских коалиций, а отнюдь не войной за «свободу», «демократию», «независимость» и т. п.

2. Отношение швейцарской с.-д. партии к буржуазному швейцарскому правительству и ко всем буржуазным партиям Швейцарии должно быть отношением полного недоверия. Ибо это правительство (а) находится в самой тесной экономической и финансовой связи и полной зависимости от буржуазии «великих» империалистских держав; (б) оно давно уже и по всей линии повернуло к политической реакции в международных и внутренних делах (политическая полиция; раболепство перед европейской реакцией и европейскими монархиями и т. д.); (с) оно доказало всей своей политикой за целый ряд лет (военная реорганизация 1907 г. и т. д.; «дела» Эгли, де-Ло⁶⁴ и пр. и пр.), что оно все больше и больше превращается в пешку в руках реакционнейшей швейцарской военной партии и военной клики.

3. В силу этого насущнейшей задачей с.-д. партии в Швейцарии является разоблачать истинный характер раболепствующего перед империалистской буржуазией и военной реакцией правительства, раскрывать обман им народа посредством фраз о демократии и пр., выяснять полнейшую возможность того, что это правительство (с согласия всей правящей Швейцарией буржуазии) продаст интересы швейцарского народа той или иной империалистской коалиции.

4. Поэтому в случае вовлечения Швейцарии в данную войну обязанность с.-д. безусловно отвергать «защиту отечества» и разоблачать обман народа этим лозунгом. Не за свои интересы и не за демократию, а за интересы империалистской буржуазии стали бы умирать рабочие и крестьяне в такой войне. Социалисты Швейцарии как

и других передовых стран могут и должны признать военную защиту отечества *лишь*, когда это отечество будет перестроено социалистически, т. е. защиту пролетарской, социалистической революции против буржуазии.

5. Ни в мирное ни в военное время социал-демократическая партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты, какими бы обманными речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось.

6. Ответом на войну со стороны пролетариата должна быть пропаганда, подготовка и осуществление революционных массовых действий с целью низвержения господства буржуазии, завоевания политической власти и осуществления социалистического строя, который один избавит человечество от войн и решимость осуществить который зреет в сознании рабочих *всех* стран с невиданной раньше быстротой.

7. В числе революционных действий должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против *своей* буржуазии может отвечать задачам пролетариата и соответствовать лозунгам лучших представителей интернационализма, напр., К. Либкнехта.

8. Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию социал-демократическими рабочими нелегальных организаций, имеющих целью систематическую, настойчивую, не останавливающуюся перед жертвами, пропаганду войны войне и разъяснение массам истинного характера войны.

II. ДОРОГОВИЗНА

И НЕВЫНОСИМОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАСС

9. Не только в воюющих странах, но и в Швейцарии война привела к неслыханному, скандальному обогащению кучки богатых и к невероятной нужде масс вследствие дороговизны и недостатка жизненных припасов. Главной задачей социал-демократической партии должна быть не реформистская, а революционная борьба против этого

бедствия, — систематическая и настойчивая, не останавливающаяся перед неизбежными временными трудностями и поражениями, пропаганда и подготовка такой борьбы.

10. В ответ на многочисленные буржуазные проекты финансовых реформ главной задачей социал-демократической партии должно быть разоблачение попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести мобилизации и войны.

Ни в каком случае и ни под какими предложениями не может социал-демократия соглашаться на косвенные налоги. И решение съезда в Аарау (1915) и резолюция Huber-Grimm* на съезде в Цюрихе (1916), допускающие согласие с.-д. на косвенные налоги, должны быть отменены. Все социал-демократические организации должны тотчас же начать самую энергичную подготовку к съезду партии в феврале 1917 г. в Берне и выбирать на съезд только таких делегатов, которые согласны на такую отмену.

Это — задача либеральных чиновников, а никоим образом не революционной социал-демократии — помогать буржуазному правительству вывернуться из теперешних трудностей при сохранении капиталистического строя, т. е. при увековечении нужды масс.

11. Социал-демократы должны как можно шире пропагандировать перед массами насущную необходимость единого федерального поимущественного и подоходного налога с высокими и возрастающими ставками, не ниже следующих:

Имущество	Доход	Процент налога
20 000 фр.	— 5 000	— свобода от налога
50 000 »	— 10 000	— 10% налога
100 000 »	— 25 000	— 40% »
200 000 »	— 60 000	— 60% »
		и т. д.

Налог на пользующихся пансионатами:

до 4 фр. в день	— свобода от налога
в 5 » » »	— 1%
» 10 » » »	— 20%
» 20 » » »	— 25% и т. д.

* — Губера-Гримма. Ред.

12. Социал-демократы должны беспощадно бороться с той буржуазной ложью, которую распространяют и многие оппортунисты среди социал-демократической партии и которая состоит в том, будто «непрактично» пропагандировать революционно-высокие ставки поимущественного и подоходного налога. Напротив, это есть единственно практичная и единственно социал-демократическая политика, ибо, во-1-х, мы должны не приспособляться к тому, что «приемлемо» для богатых, а апеллировать к широким массам бедных и неимущих, относящихся равнодушно или с недоверием к социал-демократической партии в значительной степени именно в силу реформистского и оппортунистического характера ее. Во-2-х, единственный способ добиться уступок от буржуазии состоит не в «сделках» с ней, не в «приспособлении» к ее интересам или к ее предрассудкам, а в подготовке революционных сил масс *против* нее. И чем большую часть народа убедим мы в справедливости революционно-высоких ставок налога и в необходимости борьбой завоевать их, тем скорее пойдет на уступки буржуазия, а мы воспользуемся каждой даже маленькой уступкой для неуклонной борьбы за полную экспроприацию буржуазии.

13. Установление предельного максимума для жалования всех без исключения служащих и чиновников, *Vinderlöse** и пр., в размере 5—6 тыс. франков в год, смотря по числу членов семьи. Запрещение всякой кумуляции других доходов под угрозой тюремного заключения и конфискации этих доходов.

14. Принудительное отчуждение фабрик и заводов — в первую голову необходимых для обеспечения средств к жизни населению — а также всех сельскохозяйственных предприятий, имеющих свыше 15 *ha*** земли (свыше 40 «Jucharten»***) (число таких предприятий в Швейцарии всего 22 тыс. из 252 тыс., т. е. менее $\frac{1}{10}$ всего числа сельскохозяйственных предприятий). Систематические меры на почве этих преобразований для повышения производства съестных припасов и обеспечения народа дешевыми продуктами.

* — Союзного совета. *Ред.*

** — *Hektar* — гектар. *Ред.*

*** — «акров». *Ред.*

15. Немедленное принудительное отчуждение в пользу государства всех водных сил Швейцарии, с применением к этому, как и к другим отчуждениям, вышеуказанных ставок преимущественного и подоходного налогов.

III. ОСОБО НАСУЩНЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ II ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

16. Использование парламентской трибуны и права инициативы и референдума не реформистски, т. е. не для защиты реформ, «приемлемых» для буржуазии и потому бессильных устранить главные и коренные бедствия масс, а для пропаганды социалистического преобразования Швейцарии, которое вполне осуществимо экономически и становится все более настоятельно-необходимым как вследствие невыносимой дороговизны и гнета финансового капитала, так и в силу международных отношений, создаваемых войной и толкающих пролетариат всей Европы на путь революции.

17. Отмена *всех* без исключения ограничений политических прав женщин по сравнению с правами мужчин. Разъяснение массам особой насущности этого преобразования в такое время, когда война и дороговизна волнуют широкие народные массы и привлекают в особенности интересы и внимание женщин к политике.

18. Введение принудительного перехода иностранцев в швейцарское подданство (Zwangseinhürgerung), без всяких расходов. Каждый иностранец, пробывший 3 месяца в Швейцарии, становится швейцарским подданным, если он в силу особо уважительных причин не будет ходатайствовать об отсрочке не более как на 3 месяца. Разъяснение массам особой насущности такой реформы для Швейцарии не только с общедемократической точки зрения, но и ввиду того, что империалистская обстановка Швейцарии сделала ее государством с наибольшим во всей Европе процентом иностранцев. $\frac{9}{10}$ этих иностранцев говорят на одном из 3-х языков Швейцарии. Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливает и без того растущую политическую реакцию и ослабляет интернациональную солидарность пролетариата.

19. Немедленный приступ к агитации за то, чтобы кандидаты от социал-демократической партии на выборах 1917 г. в Nationalrat* выставлялись лишь на основе предварительного и всестороннего обсуждения перед избирателями политической платформы, в особенности вопроса об отношении к войне и к защите отечества, и вопроса о реформистской или революционной борьбе с дороговизной.

IV. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ, АГИТАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ

20. Действительное проведение в жизнь аарауского решения о революционной борьбе масс невозможно без систематической и упорной работы над расширением с.-д. воздействия на массы, без вовлечения *новых* слоев трудящейся и эксплуатируемой массы в движение. Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно-практически, так чтобы быть понятными не только для организованных рабочих, которые всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата и угнетенных классов вообще, но и для большинства эксплуатируемых, неспособного в силу ужасного гнета капитализма к систематической организации.

21. Для воздействия на более широкие массы партия должна перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром летучих листков, разъясняющих массам, что революционный пролетариат борется за социалистическое преобразование Швейцарии, необходимое для $\frac{9}{10}$ населения и лежащее в его интересах. Организация открытого соревнования всех секций партии и особенно организаций молодежи в деле распространения таких листков, агитация по улицам, домам и квартирам; усиление внимания и энергии, обращаемых на агитацию среди сельских рабочих, батраков и поденщиков, а также беднейшей части крестьян, которая не эксплуатирует наемных рабочих и не наживается на дороговизне, а страдает от нее. Требование от парламентских представителей партии (National-, Kantons-, Gross- и пр. Räte), чтобы они использовали

* — Национальный совет. Ред.

свое особо выгодное политическое положение не столько для реформистского празднословия в парламенте, законно вызывающего скуку и недоверие рабочих, сколько для проповеди социалистической революции среди *наиболее отсталых* слоев пролетариата и полупролетариата в городе и особенно в деревне.

22. Решительный разрыв с теорией «нейтральности» экономических организаций рабочего класса, служащих и т. д. Разъяснение массам той истины, которую особенно наглядно подтвердила война, именно: что так называемая «нейтральность» есть буржуазный обман или лицемерие, что она означает на деле *пассивное* подчинение буржуазии и ее особо гнусным предприятиям вроде империалистской войны. Усиление социал-демократической работы среди всех и всяких союзов рабочего класса и беднейших слоев мелкой буржуазии или служащих, образование особых групп социал-демократов внутри всех таких союзов, систематическая подготовка такого положения дела, чтобы во всех этих союзах революционная социал-демократия была в большинстве и имела правления в своих руках. Разъяснение массам особой важности этого условия для успеха революционной борьбы.

23. Расширение и усиление социал-демократической работы в войске как перед вступлением молодежи в ряды его, так и во время отбывания службы. Создание социал-демократических групп во всех воинских частях. Разъяснение исторической неизбежности и законности, с точки зрения социализма, употребления оружия в единственно-законной войне, именно войне пролетариата с буржуазией за освобождение человечества от наемного рабства. Пропаганда против изолированных *аттенатов* (покушений) во имя связи борьбы революционной части войска с широким движением пролетариата и эксплуатируемых в населении вообще. Усиление пропаганды той части ольтенского решения, которая рекомендует солдатам отказ в повиновении при употреблении войска против стачечников, а равно необходимости не ограничиваться пассивным отказом в повиновении⁶⁵.

24. Разъяснение массам неразрывной связи между практической работой в последовательном революционно-социал-демократическом направлении, развитием выше, — и систематической *принципиальной* борьбой между *тремя*

главными направлениями современного рабочего движения, сложившимися во *всех* цивилизованных странах и окончательно обрисовавшимися также в Швейцарии (особенно на цюрихском съезде 1916 г.). Эти три направления: 1) социал-патриоты, т. е. открыто признающие «защиту отечества» в данной, империалистской, войне 1914—1916 гг. Это оппортунистическое направление агентов буржуазии в рабочем движении; 2) левые циммервальдисты, принципиально отвергающие «защиту отечества» в империалистской войне, стоящие за раскол с социал-патриотами, как с агентами буржуазии, и за революционную борьбу масс в связи с *полной* реорганизацией с.-д. тактики применительно к пропаганде и подготовке такой борьбы; 3) так называемый «центр» (Каутский — Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft» в Германии; Longuet — Pressemanne во Франции)*, стоящий за единство 1-го и 2-го направления. Такое «единство» лишь связывает руки революционной социал-демократии, не позволяя ей развернуть работы и разворачивая массы отсутствием неразрывной полной связи между принципами партии и ее практикой.

На съезде швейцарской социал-демократической партии в Цюрихе в 1916 г. в трех речах по вопросу о Nationalratsfraktion**, именно в речах Платтена, Нэна и Грейлиха, особенно ясно выразилось признание того, что борьба различных направлений социал-демократической политики внутри социал-демократической партии Швейцарии *давно стала фактом*. Сочувствие большинства делегатов было явно на стороне Платтена, когда он говорил о необходимости стоять последовательно за работу в духе революционной социал-демократии. Нэн прямо, точно, определенно заявил, что внутри Nationalratsfraktion борются постоянно два направления и что рабочие организации должны сами позаботиться о посылке в Nationalrat действительно солидарных между собою сторонников революционного направления. Когда Грейлих говорил о том, что партия бросила своих старых «любимчиков» (Lieblinge) и нашла себе новых «любимчиков», он признал тот же факт существования и борьбы разных направлений. Но с «теорией

* В немецкой социал-демократической печати «центр» приравнивают иногда, и совершенно справедливо, к *правому* крылу «циммервальдцев».

** — фракция Национального совета. *Ред.*

любимчиков» не согласится ни один созпательный и думающий рабочий. Именно для того, чтобы неизбежная и необходимая борьба направлений не вырождалась в состязание «любимчиков», в личные конфликты, в мелкие заподозривания, в скандалчики, именно для этого обязаны все члены с.-д. партии заботиться об *открытой принципиальной* борьбе различных направлений с.-д. политики.

25. Усиленная борьба против Grütli-Verein'a⁶⁶ с *принципиальной* точки зрения, как с наглядным проявлением на швейцарской почве тенденций *буржуазной* рабочей политики, именно: оппортунизма, реформизма, социал-патриотизма, разращения масс буржуазно-демократическими иллюзиями. Разъяснение массам всей ошибочности и всего вреда политики социал-патриотизма и «центра» на примере конкретной деятельности Grütli-Verein'a.

26. Немедленный приступ к подготовке выборов на февральский (1917 г.) съезд партии в Берне, с тем чтобы эти выборы происходили не иначе, как на основании обсуждения в каждой организации партии принципиальных и конкретно-политических платформ. Таковой платформой последовательных революционных социал-демократов интернационалистов должна явиться настоящая платформа.

Выборы должностных лиц на все руководящие посты партии, в Presskommission*, во все представительные учреждения, во все правления и пр. не иначе как на основании такого же обсуждения платформ.

Внимательный контроль каждой местной организации за местным партийным органом печати с точки зрения проведения взглядов и тактики не только с.-д. вообще, а именно *точно определенной платформы* с.-д. политики.

V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАДАЧИ ШВЕЙЦАРСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

27. Чтобы признание интернационализма швейцарскими социал-демократами не оставалось пустым, ни к чему не обязывающим словом, — таким же пустым словом, какими всегда ограничиваются сторонники «центра» и вообще с.-д. эпохи II Интернационала, — для этого необходимо,

* — Комиссию по делам печати. *Ред.*

во-1-х, последовательно и неуклонно бороться за организационное сближение и слияние в одних и тех же союзах и за полное (гражданское и политическое) равноправие рабочих иностранных и рабочих швейцарских. Специфическая особенность империализма в Швейцарии состоит именно в растущей эксплуатации бесправных иностранных рабочих швейцарской буржуазией, которая строит свои надежды на отчуждении этих двух разрядов рабочих.

Во-2-х, необходимо все усилия приложить, чтобы среди немецких, французских и итальянских рабочих Швейцарии выработалось *единое*, на деле, во всей *практике* рабочего движения, единое *интернационалистское* направление, борющееся одинаково решительно и одинаково принципиально с социал-патриотизмом и французским (романской Швейцарии) и немецким и итальянским. Настоящая платформа должна лечь в основу общей и единой платформы рабочих *всех трех* главных наций или языков, живущих в Швейцарии. Без такого слияния рабочих, стоящих на стороне революционной социал-демократии, во всех нациях Швейцарии интернационализм есть пустое слово.

Для облегчения проведения в жизнь такого слияния надо добиться издания приложений (хотя бы еженедельных (ежемесячных) и только в 2 страницы для начала) ко всем социал-демократическим газетам (и ко всем органам экономических союзов рабочих, служащих и т. д.) Швейцарии, перепечатываемых *на трех языках* и развивающихся, в связи с политикой каждого дня, настоящую платформу.

28. Швейцарские социал-демократы должны поддерживать *только* революционно-интернационалистские, стоящие на почве Циммервальдской левой, элементы всех других социалистических партий, причем эта поддержка не должна оставаться платонической. Особенно важно переиздание в Швейцарии воззваний, печатаемых тайно против правительства в Германии, Франции, Италии, перевод их на все 3 языка и распространение как среди швейцарского пролетариата, так и среди пролетариата всех соседних стран.

29. Социал-демократическая партия Швейцарии должна не только провести на съезде в Берне (февраль 1917)

присоединение, и притом безоговорочное, к решениям Кинтальской конференции, но и требовать, с своей стороны, немедленного, полного, организационного разрыва с I. S. V.* в Гааге, которое является оплотом оппортунизма и социал-патриотизма, непримиримо враждебных интересам социализма.

30. Социал-демократическая партия Швейцарии, находящаяся в исключительно благоприятных условиях для ознакомления с происходящим в рабочем движении передовых стран Европы и для объединения революционных элементов этого рабочего движения, должна не ждать пассивно развития внутренней борьбы внутри него, а *идти впереди* такой борьбы. Именно: она должна идти по тому пути Циммервальдской левой, правильность которого с каждым днем все нагляднее обнаруживается ходом событий в социализме Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатов и всех вообще цивилизованных стран.

*Написано в конце октября —
начала ноября 1916 г.*

Впервые напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой на французском языке

На русском языке впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 4 (27)

Печатается по рукописи

* — Internationalem Sozialistischen Bureau — Международным социалистическим бюро. Ред.

ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВОЙНЕ⁸⁷

1. Современная мировая война является войной империалистской, которая ведется в целях политической и экономической эксплуатации мира, за рынки сбыта, источники сырья и новые области вложения капитала, угнетение слабых народов и т. д.

Фразы обеих воюющих коалиций о «защите отечества» являются не чем иным, как буржуазным обманом народов.

2. Швейцарское правительство является управляющим делами швейцарской буржуазии, которая всецело зависит от международного финансового капитала и самым тесным образом связана с империалистской буржуазией великих держав.

Поэтому отнюдь не случайность, а необходимый результат этих экономических фактов то, что швейцарское правительство с каждым днем — и так происходит уже в течение десятилетий — ведет все более и более реакционную политику и тайную дипломатию, отесняя и нарушая демократические права и свободы народа, пресмыкается перед военной кликой и интересы широких масс населения систематически и бесстыдно приносит в жертву интересам кучки финансовых магнатов.

Вовлечение Швейцарии в настоящую войну возможно теперь в любой момент, благодаря этой зависимости швейцарского буржуазного правительства от интересов финансовой олигархии, а также под сильным нажимом той или иной из коалиций империалистских держав.

3. Поэтому и в отношении к Швейцарии «защита отечества» является теперь не чем иным, как лицемерной фразой, потому что в действительности речь идет не о

защите демократии, независимости и интересов широких народных масс и т. д., а наоборот, о подготовке к войне рабочих и мелкого крестьянства в целях удержания монополий и привилегий буржуазии, об усилении господства капиталистов и политической реакции.

4. Исходя из этих фактов, социал-демократическая партия Швейцарии принципиально отклоняет «защиту отечества», требует немедленной демобилизации и призывает рабочий класс ответить на военные приготовления швейцарской буржуазии, равно как и на войну, если таковая наступит, самыми резкими средствами пролетарской классовой борьбы.

В качестве таких средств надо в особенности указать на следующие:

(а) Никакого гражданского мира; обострение принципиальной борьбы со всеми буржуазными партиями, а также и с грюглианским союзом, как союзом агентов буржуазии внутри рабочего движения, равно как и с грюглианскими тенденциями внутри социалистической партии.

(б) Отклонение всех военных кредитов как во время мира, так и во время войны, под каким бы предлогом они ни испрашивались.

(с) Поддержка всех революционных движений и всякой борьбы рабочего класса воюющих стран против войны и против своих правительств.

(д) Содействие революционной массовой борьбе внутри Швейцарии, стачке, демонстрациям, вооруженному восстанию против буржуазии.

(е) Систематическая пропаганда в войске, создание с этой целью особых социал-демократических групп в армии, а также из допризывной молодежи.

(ф) Создание самим рабочим классом нелегальных организаций, как ответ на всякую урезку или уничтожение политических свобод правительством.

(г) Систематическая подготовка, путем планомерного разъяснения рабочим, такого положения, чтобы руководство всеми без исключения организациями рабочих и служащих перешло в руки лиц, которые признают и будут в состоянии проводить вышеуказанную борьбу против войны.

5. В качестве цели революционной массовой борьбы, признанной уже на партийтаге 1915 г. в Аарау, партия

выдвигает социалистический переворот в Швейцарии. Этот переворот экономически может быть осуществлен немедленно. Он представляет единственное действительное средство освобождения масс от ужасов дороговизны и голода. Он приближается как результат кризиса, переживаемого теперь всей Европой, он абсолютно необходим для полного устранения милитаризма и всех войн.

Партия заявляет, что все буржуазно-пацифистские и социалистически-пацифистские фразы против милитаризма и войн, без признания этой цели и революционных путей к ней, представляют иллюзии или ложь, которые ведут лишь к тому, чтобы отвлечь рабочий класс от всякой серьезной борьбы против основ капитализма.

Не прекращая борьбы за улучшение положения наемных рабов, партия призывает рабочий класс и его представителей поставить на очередь дня пропаганду немедленного социалистического переворота в Швейцарии путем массовой агитации, парламентских выступлений, инициативных предложений и т. д., доказывая необходимость замены буржуазного правительства пролетарским, опирающимся на массу неимущего населения, и разъясняя настоятельную необходимость таких мероприятий, как экспроприация банков и крупных предприятий, отмена всех косвенных налогов, введение единого прямого налога с революционно-высокими ставками для крупных доходов и т. д.

*Написано на немецком языке
в начале декабря 1916 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ К ВОПРОСУ О ВОЙНЕ

Среди левых социал-демократов Швейцарии существует полное единодушие по вопросу о необходимости, в связи как раз с настоящей войной, отвергнуть принцип защиты отечества. Пролетариат, или, по крайней мере, его лучшие элементы, также настроен против защиты отечества.

Таким образом, в отношении самого жгучего вопроса современного социализма вообще и швейцарской социалистической партии в частности существует, повидимому, необходимое единство. Но если мы рассмотрим дело поближе, то неизбежно придем к заключению, что это единство одна лишь *видимость*.

На самом деле совершенно нет ясности — не говоря уже о единстве мнений — на тот счет, что заявление об отрицательном отношении к защите отечества уже само по себе является таким делом, которое ставит *необычайно высокие требования* к революционному сознанию, равно как и к революционной дееспособности партии, провозглашающей это, — конечно, при условии, что такое заявление не сводится к пустой фразе. Если же попросту провозглашают отказ от обороны страны, не отдавая себе ясного отчета, т. е. не понимая, какие требования это влечет за собою, не уясняя себе, что *вся пропаганда, агитация, организация*, одним словом, вся деятельность партии должна быть в корне изменена, «обновлена» (употребляя выражение Карла Либкнехта) и приспособлена к *высшим* революционным задачам, — тогда это заявление превращается в пустую фразу.

Обдумаем же надлежащим образом, что собственно означает отказ от защиты отечества, если мы отнесем

к нему как к политическому лозунгу, который *принимается всерьез* и который должен быть действительно осуществлен.

Во-первых. Мы предлагаем пролетариям и эксплуатируемым всех воюющих стран и всех стран, находящихся под угрозой войны, отвергнуть защиту отечества. Теперь уже из опыта нескольких воюющих стран мы совершенно определенно знаем, что означает *в действительности* отвергнуть защиту отечества в теперешней войне. Это значит отрицать все основы современного буржуазного общества и подрывать корни современного общественного строя не только в теории, не только «вообще», а на практике, непосредственно, теперь же. Разве не ясно, что это можно делать *лишь* при том условии, если мы не просто пришли к самому твердому теоретическому убеждению в том, что капитализм уже вполне созрел для превращения его в социализм, но если мы признаем этот социалистический переворот, т. е. социалистическую революцию, осуществимым на практике, непосредственно, немедленно?

Но это почти всегда упускается из виду, когда говорят об отказе от защиты отечества. В лучшем случае согласны «теоретически» признать, что капитализм уже созрел для превращения в социализм, *но о немедленном, коренном изменении* всей деятельности партии *в духе непосредственно предстоящей социалистической революции — об этом не желают и слышать!*

Народ будто бы не подготовлен к этому!

Но это непоследовательно до смешного. Или — или. Или нам нечего провозглашать немедленный отказ от защиты страны, — или же мы должны *немедленно* развернуть или начать разворачивать систематическую пропаганду непосредственного проведения социалистической революции. В известном смысле «народ», конечно, «неподготовлен» *ни* к отказу от защиты страны, *ни* к социалистической революции, но из этого не следует, что мы имеем право в течение двух лет — — — двух лет! — — откладывать начало такой систематической подготовки!

Во-вторых. Что противопоставляется политике защиты отечества и гражданского мира? Революционная борьба против войны, «революционные массовые выступления», как они были признаны резолюцией партийтага в Аарау в 1915 году. Это, несомненно, прекрасное решение, но...

но история партии со времени этого партийтага, *действительная* политика партии доказывают, что оно осталось *бумажным* решением!

В чем *цель* революционной массовой борьбы? Партия официально ничего не сказала об этом, да об этом и вообще не говорят. Или считают самоочевидным, или прямо признают, что этой целью является *«социализм»*. Капитализму (или империализму) противопоставляют социализм.

Но это как раз в высшей степени (теоретически) нелогично, а практически лишено содержания. Нелогично потому, что это *слишком* обще, *слишком* расплывчато. «Социализм» вообще, как цель, в противопоставлении капитализму (или империализму), признается теперь не только каутскианцами и социал-шовинистами, но и многими буржуазными социальными политиками. Но теперь дело идет не об общем противопоставлении двух социальных систем, а о *конкретной* цели *конкретной* «революционной массовой борьбы» против *конкретного* зла, а именно против *сегодняшней* дороговизны, *сегодняшней* военной опасности или *теперешней* войны.

Весь II Интернационал 1889—1914 гг. противопоставлял социализм вообще капитализму и *как раз* на этом *слишком* общем «обобщении» он потерпел банкротство. Он игнорировал именно специфическое зло своей эпохи, которое Фр. Энгельс уже почти 30 лет тому назад, 10 января 1887 г., характеризовал следующими словами:

«...В самой социал-демократической партии, включая сюда и фракцию рейхстага, находит себе место определенного сорта мелкобуржуазный социализм. Он находит там выражение в такой форме, что основные воззрения современного социализма и требование превращения всех средств производства в общественную собственность признаются правильными, но *осуществление этого признается возможным лишь в отдаленном, практически не определенном, будущем. Этим самым задача для настоящего времени определяется лишь как простое социальное штопанье...*» («К жилищному вопросу», Предисловие)⁶⁸.

Конкретной целью «революционной массовой борьбы» могут быть только *конкретные* мероприятия социалистической революции, а не «социализм» вообще. Когда же предлагают точно определить эти конкретные мероприятия —

как это сделали голландские товарищи в своей программе, напечатанной в «Бюллетене Интернациональной Социалистической Комиссии» № 3 (Берн, 29 февраля 1916 г.): аннулирование государственных долгов, экспроприация банков, экспроприация всех крупных предприятий, — если предлагают внести такие совершенно конкретные мероприятия в официальную резолюцию партии и систематически разъяснять их в самой популярной форме путем повседневной партийной пропаганды и агитации на собраниях, в парламентских речах, в принципиальных предложениях, — тогда снова получается все тот же оттягивающий или уклончивый, насквозь софистический ответ, что народ-де к этому еще неподготовлен и т. п.!

Но, ведь, дело именно в том, чтобы теперь же начать эту подготовку и неуклонно ее проводить!

В-третьих. Партия «признала» революционную массовую борьбу. Прекрасно. Но *способна* ли партия выполнить что-либо подобное? Готовится ли она к этому? Изучает ли она *эти* вопросы, собирает ли она соответствующий материал, создает ли она *соответствующие* органы и организации, обсуждает ли она в народе, вместе с народом, соответствующие вопросы?

Ничего подобного! Партия упорно остается целиком и полностью в своей старой, исключительно парламентской, исключительно тред-юнионистской, исключительно реформистской, исключительно легальной колее. Партия заведомо остается *неспособной* содействовать революционной массовой борьбе и руководить ею, она заведомо совершенно не готовится к этому. Господствует прежняя рутина, и «новые» слова (отказ от защиты отечества, революционная массовая борьба) — остаются *только словами!* А левые этого не сознают и не собирают систематически, настойчиво своих сил повсюду, во всех областях партийной работы, для того, чтобы бороться с этим злом.

Нельзя не пожать плечами, читая, например, следующую фразу (последнюю фразу) в гриммовских тезисах по вопросу о войне:

«Органы партии, совместно с профессиональными организациями страны, должны в этом случае (т. е. призывая в случае опасности войны железнодорожных служащих к массовой забастовке и т. д.) принять все необходимые меры».

Эти тезисы были опубликованы летом текущего года, а 16 сентября 1916 г. в «Schweizerische Metallarbeiterzeitung»⁶⁹, подписываемой именами редакторов: О. Шнеебергер и К. Дюрр, можно было прочесть следующую фразу (я чуть было не сказал: следующий *официальный ответ* на тезисы или благочестивые пожелания Гримма):

«...Очень дурного вкуса... фраза: «у рабочего нет отечества» в такой момент, когда рабочие всей Европы в их подавляющем большинстве уже два года стоят плечом к плечу с буржуазией на поле сражения против «врагов» своего отечества, а те, которые остались дома, хотя «продержались», несмотря на нужду и лишения. *В случае чужеземного нападения мы, несомненно, увидели бы ту же картину и в Швейцарии!!!*»

Разве это не «каутскианская» политика, политика бессильной фразы, левых декламаций и оппортунистической практики, когда, с одной стороны, предлагают резолюции о том, что партия должна «совместно с профессиональными организациями» призывать к революционным массовым забастовкам, а с другой стороны, не ведут никакой борьбы против *грютлианского*, т. е. социал-патриотического, реформистского, исключительно легалистского, *направления* и его сторонников в партии и профессиональных союзах?

Значит ли это «воспитывать» массы или разлагать и деморализовать массы, если им не говорят и не доказывают *ежедневно*, что «руководящие» товарищи О. Шнеебергер, К. Дюрр, П. Пфлюгер, Г. Грейлих, Губер и *многие* другие придерживаются *как раз таких же* социал-патриотических воззрений и ведут *как раз такую же* социал-патриотическую политику, как та, которую Гримм столь «мужественно» разоблачает и бичует... когда дело идет о *немцах Германии*, а не о швейцарцах? Иностранцев — ругать, «своих» «сограждан» — прикрывать... разве это «интернационалистично»? разве это «демократично»?

Герман Грейлих в следующих словах обрисовал положение швейцарских рабочих, кризис швейцарского социализма, а также *существо* грютлианской политики *внутри* социалистической партии:

«...Уровень жизни повысился очень мало и только для верхних слоев (слушайте, слушайте!) пролетариата. Масса рабочих по-прежнему живет в нужде, заботах и лишениях. Поэтому время от времени возникает сомнение, правилен ли путь, по которому мы до сих пор шли. Критики ищут новых путей и особенно возлагают надежды на более решительное выступление. В этом направлении

делаются попытки, которые, как правило (?), не удаются (??) и вызывают с новой силой возвращение к старой тактике» (не является ли и здесь желание отцом мысли?)... «И вот наступила мировая война... Чрезвычайное понижение уровня жизни, доходящее до нужды в таких слоях, которые раньше вели еще сносное существование, усиливает революционное настроение» (слушайте! слушайте!)... «Действительно, руководство партией не было на высоте стоящих перед нею задач и слишком поддавалось (??) влиянию горячих голов (так? так?)... Центральный комитет грюнлианского союза берет на себя проведение «практической национальной политики», которую он хочет вести вне партии... Почему он это не сделал внутри партии?» (слушайте! слушайте!) «Почему он почти всегда предоставлял мне вести борьбу с ультра-радикалами?» («Открытое письмо грюнлианскому союзу Готтингена», 26 сентября 1916 года).

Так говорит Грейлих. Значит, вовсе не так обстоит дело, что будто бы несколько «злонамеренных иностранцев» (как втихомолку думают или намекают в печати грюнлианцы в партии, а грюнлианцы вне партии высказывают открыто) хотят в порыве своего личного нетерпения внести революционность в рабочее движение, рассматриваемое ими через «очки иностранцев». Нет. Не кто иной, как Герман Грейлих, — политическая роль которого фактически равняется роли буржуазного министра труда в маленькой демократической республике, — сообщает нам, что только у верхних слоев рабочих имеется некоторое улучшение их положения, а *масса* остается в нужде, и что «усиление революционного настроения» исходит не от проклятых иностранных «подстрекателей», а от «чрезвычайного понижения уровня жизни».

Итак?

Итак, безусловно будет правильно, если мы скажем:

Или швейцарский народ будет голодать, притом с каждой неделей голодать все ужаснее, и ежедневно подвергаться опасности быть втянутым в империалистскую войну, т. е. быть убитым за интересы капиталистов, *или* он последует совету лучшей части своего пролетариата, соберет все свои силы и совершит социалистическую революцию.

Социалистическая революция? Утопия! «Отдаленная, практически неопределимая» возможность!...

Это утопия отнюдь не в большей мере, чем отрицание защиты отечества в этой войне или революционная мас-

совая борьба против этой войны. Не надо оглушать себя словами и не надо поддаваться запугиванию словами. Почти каждый готов признать революционную борьбу против войны, но пусть же представят себе громадность задачи — положить конец такой войне путем революции! Нет, это не утопия. Революция *растет* во всех странах, и *теперь* вопрос стоит не так: продолжать жить спокойно и сносно или пуститься в авантюру. Напротив, вопрос стоит теперь так: голодать и идти на бойню *за посторонние, за чужие интересы*, или же принести великие жертвы за социализм, за интересы ^{9/10} человечества.

Социалистическая революция будто бы утопия! Но швейцарский народ, слава богу, не имеет «самостоятельного» или «независимого» языка, а говорит на трех мировых языках, на которых говорят в пограничных воюющих государствах. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что швейцарский народ хорошо знает, что творится в этих государствах. В Германии дошли до руководства хозяйственной жизнью *66 миллионов людей из одного центра*, до организации одним центром народного хозяйства *66 миллионов людей*, возложили величайшие жертвы на подавляющее большинство народа и все это для того, чтобы «верхние 30 000» могли положить в карман миллиарды военной прибыли и чтобы миллионы погибали на бойне для пользы этих «благороднейших и лучших» представителей нации. И перед лицом таких *фактов*, такого *опыта* неужели можно считать «утопией», что маленький народ, не имеющий ни монархии, ни юнкеров, стоящий на очень высокой ступени капитализма, организованный в различные союзы, пожалуй, лучше, чем во всех других капиталистических странах, — что такой народ *для своего спасения от голода и опасности войны* сделает *то же самое*, что на практике испытано в Германии, с той, конечно, разницей, что в Германии убивают и превращают в калек миллионы людей для того, чтобы обогатить немногих, обеспечить себе Багдад, завоевать Балканы, между тем как в Швейцарии надо экспроприировать максимум 30 000 буржуа, т. е. не доводить их до гибели, но обречь на «ужасную» судьбу, на то, что они будут получать *только* 6—10 тысяч франков дохода, а остальное должны будут отдать социалистическому рабочему

правительству, чтобы уберечь народ от голода и военной опасности.

Но, ведь, великие державы никогда не потерпят социалистической Швейцарии, и первые же зачатки социалистической революции в Швейцарии будут подавлены колоссальным перевесом сил этих держав!

Это, несомненно, было бы так, если бы, во-первых, зачатки революции в Швейцарии были бы возможны, не вызывая классового движения солидарности в пограничных странах; — во-вторых, если бы эти великие державы не находились в тушке «войны на истощение», которая уже почти истощила терпение самых терпеливых народов. Теперь же военное вмешательство со стороны великих держав, враждебных друг другу, явилось бы лишь прологом к тому, чтобы революция вспыхнула во всей Европе.

Вы, может быть, думаете, что я так наивен, что верю, будто «посредством уговаривания» можно решать такие вопросы, как вопрос о социалистической революции?

Нет. Я хочу только дать *иллюстрацию* и притом только к одному *частному вопросу*: какое *изменение* должно произойти во всей пропаганде партии, если бы захотели с действительной серьезностью отнестись к вопросу об *отказе от защиты отечества!* Это *только иллюстрация только* к одному частному вопросу — на большее я не претендую.

Было бы совершенно неправильно предполагать, будто мы, для того, чтобы вести непосредственную борьбу за социалистическую революцию, можем или должны отбросить борьбу за реформы. Ни в какой мере. Мы не можем знать, насколько скоро удастся добиться успеха, насколько скоро объективные условия допустят наступление *этой* революции. Мы должны поддерживать всякое улучшение, действительное улучшение и экономического и политического положения масс. Разница между нами и реформистами (т. е. в Швейцарии грюнлианцами) заключается не в том, что мы против реформ, а они за. Ничего подобного. Они ограничиваются реформами и опускаются, благодаря этому, по меткому выражению одного (редкого!) революционного сотрудника «Schweizerische Metallarbeiterzeitung» (№ 40), до роли простых «больничных сиделок капитализма». Мы говорим рабочим: голосуйте за пропорциональные и т. п. выборы, но не ограничивайте этим свою деятельность, а выдвигайте на первый план

систематическое распространение идеи немедленной социалистической революции, готовьтесь к ней и по всей линии вносите соответствующие коренные изменения во всю партийную деятельность. Условия буржуазной демократии очень часто заставляют нас занять ту или иную позицию по отношению к целой массе мелких и мельчайших реформ, но надо уметь или научиться занимать позицию за реформы *так* (таким образом), чтобы нам, — если выразиться несколько упрощенно, для большей ясности, — в каждой получасовой речи 5 минут говорить о реформах, а 25 минут о грядущей революции.

Без тяжелой, связанной со многими жертвами, революционной массовой борьбы социалистическая революция невозможна. Но было бы непоследовательностью признавать революционную массовую борьбу и стремление к немедленному окончанию войны — и в то же время отвергать немедленную социалистическую революцию! Первая без второй — ничто, пустой звук.

Не обойдется и без тяжелой *борьбы внутри партии*. Но было бы только кривляньем, лицемерием, мещанской политикой страуса, если бы мы вообразили, будто в швейцарской социал-демократической партии вообще *может* господствовать «внутренний мир». Вопрос стоит не так: или «внутренний мир» или «внутрипартийная борьба». Достаточно прочесть вышеупомянутое письмо Германа Грейлиха и рассмотреть события в партии за последние несколько лет, чтобы увидеть полную ложность такого предположения.

В действительности вопрос стоит так: *или* *теперешние* скрытые, оказывающие деморализующее действие на массы, *формы* внутрипартийной борьбы, *или* *эсе* открытая, принципиальная борьба между интернационалистски-революционным течением и грюнлианским направлением внутри и вне партии.

Такая «внутренняя борьба», при которой Г. Грейлих обрушивается на «ультра-радикалов», или на «горячие головы», не называя точно этих чудовищ и не определяя точно их политику, а Р. Гримм печатает в «Berger Tagwacht»* абсолютно непонятные для ⁹⁹/₁₀₀ читателей, переполненные намеками, статьи, где осыпаются бранью «очки

* — «Бернштер Часовой». Ред.

иностранцев» или «фактические виновники» проектов резолюций, неприятных Гримму — такая внутренняя борьба *деморализует* массы, которые видят в этом или угадывают своего рода «склоку среди вождей», *не понимая, о чем, в сущности, идет речь.*

Но такая борьба, при которой грюнлианское направление *внутри* партии — а оно много важнее и много опаснее, чем находящееся вне партии, — будет вынуждено *открыто* бороться против левых, и оба направления будут выступать повсюду со своими самостоятельными воззрениями и своей политикой, будут друг с другом *принципиально* бороться, предоставив решение важных принципиальных вопросов *действительно* массе партийных товарищей, а не только «вождям», — такая борьба необходима и полезна, она *воспитывает* массы к самостоятельности и способности выполнить их всемирно-историческую революционную задачу.

*Написано на немецком языке
в декабре 1916 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Буржуазия и ее сторонники в рабочем движении, грюнлианцы, обычно ставят вопрос так:

или мы принципиально признаем долг защиты отечества или же мы оставляем нашу страну беззащитной.

Такая постановка в корне неправильна.

В действительности вопрос стоит так:

или мы дадим себя убивать в интересах империалистской буржуазии или же мы будем систематически готовить большинство эксплуатируемых и самих себя к тому, чтобы ценой меньших жертв захватить банки, экспроприировать буржуазию, чтобы положить, вообще, конец и дороговизне и войнам.

* *
*

Первая постановка вопроса является насквозь буржуазной, а не социалистической. В ней не учитывается то, что мы живем в эпоху империализма, что тсперешняя война является империалистской, что Швейцария ни при каких условиях не будет сражаться в этой войне *против* империализма, а будет стоять *на стороне* той или иной коалиции империалистских держав, т. е. фактически будет приспешницей тех или иных крупных хищнических держав, что швейцарскую буржуазию уже давно связывает тысяча нитей с империалистскими интересами, безразлично, будет ли это осуществляться через сеть взаимоотношений и «взаимного участия» между крупными банками, будь то экспорт капитала, или промышленность, связанная с туристами и существующая за счет иностранцев-миллионеров,

или пагальная эксплуатация бесправных иностранных рабочих и т. д.

Одним словом, забыты все основные положения социализма, все социалистические идеи, хищническая империалистская война прикрашивается, своя «собственная» буржуазия рисуется в виде невинной овечки, а прожженные банковские директора современной Швейцарии в виде героических Вильгельмов Теллей, причем закрывают глаза на тайные соглашения между отечественными и иностранными банками и дипломатами, и вся эта невероятная куча буржуазной лжи прикрывается красивой «популярной» и одурманивающей народ фразой: «защита отечества»!

*Написано на немецком языке
в декабре 1916 г.*

*Впервые напечатано 1 августа 1929 г.
в газете «Правда» № 174*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

(ЗАМЕТКА)

Под этим заглавием выходит в Швейцарии с 1 сентября 1915 г. на немецком языке «боевой и пропагандистский орган Международного союза социалистических организаций молодежи». Всего вышло уже 6 номеров этого издания, которое необходимо вообще отметить и затем усиленно рекомендовать вниманию всех членов нашей партии, имеющих возможность соприкоснуться с заграничными социал-демократическими партиями и с организациями молодежи.

Большинство официальных социал-демократических партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма. Таковы партии немецкая, французская, фабианская⁷⁰ и «рабочая»⁷¹ в Англии, шведская, голландская (партия Трульстры), датская, австрийская и пр. В швейцарской партии, несмотря на выделение (к великому благу рабочего движения) крайних оппортунистов в непартийный «Грютли-союз», внутри самой социал-демократической партии остались многочисленные оппортунистические, социал-шовинистские и каутскианского толка вожди, имеющие громадное влияние на дела партии.

При таком положении дел в Европе, союзу социалистических организаций молодежи выпадает громадная, благодарная — но зато и трудная — задача борьбы за революционный интернационализм, за истинный социализм против царящего оппортунизма, перешедшего на сторону империалистской буржуазии. В «Интернационале Молодежи» помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто

превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, «защищающим отечество» в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от разъедающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи *еще* нет, а может быть и никогда не будет именно потому, что это — орган кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности *таких* людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся — и должны относиться — к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших «окистов», «социал-революционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело — сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима *беспощадная* борьба. Другое дело — организации *молодежи*, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно *убеждения*, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы*. Поэтому, между прочим, за *организационную самостоятельность* союза молодежи мы должны стоять безусловно и *не только* вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*.

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Лыстить молодежи мы не должны.

К числу ошибок названного нами превосходного органа принадлежат, в первую голову, следующие три:

1) По вопросу о разоружении (или «обезоружении») занята неверная позиция, которую мы критикуем выше,

в особой статье*. Есть основания думать, что ошибка вызвана исключительно хорошим стремлением подчеркнуть необходимость стремиться к «полному уничтожению милитаризма» (что вполне верно) при забвении роли гражданских войн в социалистической революции.

2) По вопросу о различии социалистов и анархистов в их отношении к государству в статье тов. Nota-Bene⁷² (№ 6) сделана очень крупная ошибка (как и по нескольким другим вопросам, напр., о *мотивировке* нашей борьбы против лозунга «защиты отечества»). Автор хочет дать «ясное представление о государстве вообще» (наряду с представлением об империалистическом разбойничьем государстве). Он цитирует несколько заявлений Маркса и Энгельса. Он приходит, между прочим, к следующим двум выводам:

а) ...«Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые — сторонники, вторые — противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет организовать новое общественное производство, как централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий». Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к *государству*, а отвечает не на этот, а на *другой* вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать *главное* в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, *тоже* государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» («sprengen») его, как выражается в одном месте т. Nota-

* См. настоящий том, стр. 83—93. Ред.

Вене, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты — автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса — признают «отмирание», постепенное «засыпание» государства *после* экспроприации буржуазии.

б) «Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более, чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих». Так пишет т. Nota-Vene. Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т. е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной социал-демократической политикой (т. е. с революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные. К этому крайне важному вопросу мы надеемся вернуться в особой статье⁷³.

3) В «принципиальном заявлении Международного союза социалистических организаций молодежи», напечатанном в № 6, как «проект секретариата», немало отдельных неточностей и совсем нет *главного*: ясного сопоставления тех *трех* коренных направлений (социал-шовинизм; «центр»; левые), которые борются теперь в социализме всего мира.

Еще раз: эти ошибки надо опровергать и разъяснять, изо всех сил ища соприкосновения и сближения с организациями молодежи, всячески помогая им, но подходить к ним надо *умеючи*.

ПОТУГИ ОБЕЛИТЬ ОПОРТУНИЗМ

Парижское «Наше Слово»⁷⁴, запрещенное недавно французским правительством, служащим паризму (повод для запрещения: у русских солдат, взбунтовавшихся в Марсели, нашли экземпляры «Нашего Слова»!), возмутилось «плачевной» ролью депутата Чхеидзе. Он выступил на Кавказе с разрешения властей на публичных собраниях с призывом к населению не устраивать «волнений» (с разгромом лавок и пр.), а устраивать кооперативы и т. п. Хороша-де эта поездка *якобы* социал-демократа, «организованная под протекторатом губернатора, полковника, попа и пристава» («Наше Слово» № 203).

Л. Мартов сейчас же поспешил в «Бюллетень» бундовцев, чтобы благородно протестовать против этого «изображения Чхеидзе каким-то» (?? не «каким-то», а «таким же, как все ликвидаторы») «гасителем пробуждающегося революционного духа». Защита Чхеидзе Мартовым идет по двум линиям: фактической и принципиальной.

Фактическое возражение состоит в том, что «Наше Слово» цитирует кавказскую черносотенную газету и что выступавшие рядом с Чхеидзе: Миколадзе есть отставной офицер, «известный в своем уезде радикальный общественный деятель», а священник Хундадзе «привлекался в 1905 г. к ответственности за участие в социал-демократическом движении» («в грузинском социал-демократическом движении, как известно, — добавляет Мартов — участие сельских священников довольно обычное явление»).

Такова «защита» Чхеидзе Мартовым. Защита из рук вон плохая. Если о выступлении Чхеидзе рядом с попом

писала черносотенная газета, то *факта* это несколько не опровергает, и Мартов сам признает, что выступления были.

Что Хундадзе «в 1905 г. привлекался», это ровно ничего не говорит, ибо тогда и Гапон и Алексинский «привлекались». Какой партии *теперь* принадлежат или сочувствуют Хундадзе и Миколадзе, не *оборонцы* ли они, вот о чем надо было разузнать Мартову, если бы он хотел искать правды, а не «аблакатствовать». «Известный в своем уезде радикальный общественный деятель» — такая фраза сплошь да рядом означает у нас, в нашей печати, просто либерального помещика.

Крича, что «Наше Слово» дало «совершенно ложную картину», Мартов своим криком хочет заслонить *правду*, которой он не опроверг ни на йоту.

Но главное еще не в этом. Это цветочки, а ягодки впереди. Не опровергнув «плачевности» поведения Чхеидзе своим фактическим опровержением, Мартов *подтвердил* ее своей *принципиальной* защитой.

«Остается несомненным, — пишет Мартов — что товарищ» (?? Потресова и К^о?) «Чхеидзе счел необходимым выступить не только против реакционного направления, принятого кавказскими волнениями, поскольку оно попало» (? они попали?) «под влияние черносотенцев, но и против тех его разрушительных форм (разгром лавок, насилия над купцами), в которые, вообще говоря, может народное недовольство выливаться и независимо от реакционных влияний». Заметьте: «остается несомненным»!

И Мартов заливается соловьем не хуже В. Маклакова: беспомощность, распыленность, «растерянность, а то и малая сознательность» масс... «путь этого рода «бунтов» не ведет к цели и в конечном счете вреден с точки зрения интересов пролетариата»... С одной стороны, «плоха та революционная партия, которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами», с другой стороны, «плоха была бы та партия, которая считала бы своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами, как с выступлениями нецелесообразными»... «Поскольку у нас в России... организованная кампания борьбы против войны до сих пор не начата (?), поскольку распыленность сознательных элементов

пролетариата не позволяет сравнивать нашего положения не то что с 1904—1905, но и с 1914—1915 гг. (?), — постольку вспыхивающие на почве дороговизны и т. п. народные волнения, являясь очень важными *симптомами*, не могут (?) *непосредственно* (?) стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу. Их целесообразное «использование» может заключаться только в отведении прорывающегося в них недовольства в русло какой бы то ни было организованной борьбы, вне которой не может быть и речи о постановке массами революционных задач. Поэтому, даже (!) призыв к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам на основе развития самостоятельности масс является делом более революционным (ха-ха!) и плодотворным, чем кокетничанье... легкомысленные спекуляции «прямо преступны» и т. д.

Трудно сохранять спокойствие, когда читаешь эти возмутительные речи. Даже бундовская редакция, видимо, почувствовала, что Мартов мошенничает, и снабдила его статью двусмысленным обещанием «еще вернуться»...

Вопрос яснее ясного. Допустим, что Чхеидзе имел дело с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против *нецелесообразной* формы... во имя чего? во имя целесообразных *революционных* выступлений? или во имя целесообразной *либеральной* борьбы?

В этом все дело! А Мартов это-то и запутывает!

Господин Чхеидзе «отводил» проявляющееся революционно «недовольство масс» *в русло» либеральной* борьбы (только мирные кооперативы, только легальное, одобренное губернатором, давление на городские думы и т. п.), а не в русло целесообразной *революционной* борьбы. В этом суть, а Мартов льет воду и защищает либеральную политику!

Революционный социал-демократ скажет: громить лавочку нецелесообразно, устройте посерьезнее демонстрацию хотя бы одновременно с бакинскими, тифлисскими, питерскими рабочими, направим свою ненависть на правительство, привлечем к себе часть войска, желающую мира. *Так ли* говорил г. Чхеидзе? Нет, он звал к «борьбе», *приемлемой для либералов!*

Мартов подмахнул «платформу», рекомендующую «революционные массовые действия», — надо же показать себя революционером перед рабочими! — а когда на месте, в России, доходит дело до первых зачатков этих действий, тогда он начинает всеми правдами и неправдами защищать «лево»-либерального Чхеидзе.

«В России организованная кампания борьбы против войны до сих пор не начата»... Во-1-х, это неправда. Она начата хотя бы в Питере прокламациями, митингами, стачками, демонстрациями. Во-2-х, *если* она где-либо в провинции не начата, *ее надо начинать*, а Мартов выдает «начинаемую» г-ном Чхеидзе либеральную кампанию за «более революционную».

Разве это не обеление оппортунистической гнусности?

Напечатано в декабре 1916 г.
в «Сборнике Социал-Демократа» № 2
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту «Сборника»

ФРАКЦИЯ ЧХЕИДЗЕ И ЕЕ РОЛЬ

Мы всегда указывали, что гг. Чхеидзе и К^о не представляют социал-демократического пролетариата и что никогда действительно социал-демократическая рабочая партия не помирится и не объединится с этой фракцией. Наши доводы состояли в ссылке на бесспорные факты: 1) формула «спасения страны», употребляемая Чхеидзе, ничем по сути не отличается от оборончества; 2) против г. Потресова и К^о фракция Чхеидзе не выступала никогда, даже когда Мартов выступил против него; 3) против участия в военно-промышленных комитетах — факт решающий — эта фракция не выступила.

Фактов этих никто и не пытался оспорить. Сторонники Чхеидзе просто замалчивают их.

«Наше Слово» и Троцкий, браня нас за «фракционность», под давлением фактов все больше приходили к борьбе против ОК и Чхеидзе; но нашесловцы именно только «под давлением» (нашей критики и критики фактов) отступали с позиции на позицию, а решительного слова *до сих пор не сказали*. Единство или раскол с фракцией Чхеидзе? — они все еще боятся додумать!

№ 1 «Бюллетеня Заграничного Комитета Бунда» (сентябрь 1916) содержит письмо из Питера от 26 февраля 1916. Это письмо — ценный документ, вполне подтверждающий нашу оценку. Автор письма без обиняков признает «несомненный кризис в лагере самого меньшевизма», причем — что особенно характерно — о *меньшевиках-противниках* участия в военно-промышленных комитетах он *вовсе и не говорит!* В России он их не видал и о них не слышал!

Он заявляет, что трое из пяти членов фракции Чхеидзе против «позиции обороны» (как и ОК), *двое — за*.

«Обслуживающим фракцию лицам — пишет он — не удастся сдвинуть большинство фракции с занятой им позиции. На помощь большинству фракции приходит местная «инициативная группа»⁷⁵, отвергающая позицию обороны».

Обслуживающие лица, это — господа либеральные интеллигенты, типа Потресова, Маслова, Ортодокс⁷⁶ и К⁰, называющие себя социал-демократами. Наши многократные указания, что эта группа *интеллигентов* есть «очаг» оппортунизма и либеральной рабочей политики, *подтвердил теперь бундист*.

Он пишет далее: «Жизнь выдвинула (а не Пуришкевич и Гучков выдвинули?)... новый орган, рабочую группу, которая все более становится центром рабочего движения». (Автор говорит о гучковском, или, употребляя прежний термин, столыпинском рабочем движении: другого он не признает!) «При выборе ее сошлись на компромиссе: не оборона и самозащита, а спасение страны, под которым предполагалось нечто более широкое».

Вот вам разоблачение Чхеидзе и мартовской лжи насчет него *бундистом!* Чхеидзе и ОК, при выборе гучковских молодцов (Гвоздева, Брейдо и пр.) в военно-промышленные комитеты, *заключили компромисс*. Формула, употребляемая Чхеидзе, есть *компромисс* с Потресовым и Гвоздевыми!

Мартов скрывал и скрывает это.

Компромисс этим не кончился. Декларацию выработали тоже путем компромисса, который *бундистом* характеризуется так:

«Исчезла определенность». «Представители большинства фракции и «инициативной группы» остались недовольны, ибо все же эта декларация большой шаг вперед в смысле формулировки позиции обороны». «Компромисс — в сущности позиция немецкой социал-демократии, но применительно к России».

Так пишет бундист.

Дело, кажется, ясное? Одна партия — окистская, чхеидзевская, потресовская. В ней борются два крыла и *соглашаются*, заключают компромисс, остаются в одной партии. Компромисс заключается на почве участия в

военно-промышленных комитетах. Спорят только из-за формулировки «мотивов» (т. е. из-за способа надуть рабочих). В итоге компромисса получается «в сущности позиция немецкой социал-демократии».

Что же? Не правы мы были, когда говорили, что партия ОК социал-шовинистская? Что ОК и Чхеидзе, как партия, то же, что Зюдекумы в Германии?

Их тождество с Зюдекумами вынужден признать даже бундист!

Нигде и никогда ни Чхеидзе с К^о, ни ОК, хотя и «недовольные» компромиссом, не выступили против него.

Так обстояли дела в феврале 1916 г., а в апреле 1916 г. Мартов является в Кинтале с мандатом от «инициативной группы» и представляет весь ОК, ОК вообще.

Это не обман Интернационала?

Посмотрите, что получается теперь! Потресов, Маслов, Ортодокс основывают свой орган «Дело»⁷⁷, открыто оборонческий, приглашают в сотрудники Плеханова, группируют гг. Дмитриевых, Череваниных, Маевских, Гр. Петровичей и т. д., всю компанию интеллигентов, бывших столпом ликвидаторства. Сказанное мною от имени большевиков в мае 1910 г. («Дискуссионный Листок»⁷⁸) об окончательном сплочении группы легалистов-независимцев* подтверждается вполне.

«Дело» занимает нагло шовинистскую и реформистскую позицию. Стоит взглянуть на то, как г-жа Ортодокс фальсифицирует Маркса, подводя его посредством умолчаний под союз с Гинденбургом (с «философскими» обоснованиями, не шутите!), как г. Маслов защищает (особенно № 2 «Дела») реформизм по всей линии, как г. Потресов Аксельрода и Мартова обвиняет в «максимализме» и анархо-синдикализме, как весь журнал обязанность обороны выдает за дело «демократии», скромно обходя неприятный вопрос о том, не царизм ли ведет в целях грабежа эту реакционную войну из-за удушения Галиции, Армении и пр.

Фракция Чхеидзе и ОК молчат. Скобелев шлет привет «Либкнехтам всех стран», хотя настоящий Либкнехт беспощадно разоблачал и клеймил своих Шейдеманов и своих каутскианцев, а Скобелев пребывает в постоянном

* См. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 215—226. Ред.

единении и дружбе как с русскими Шейдеманами (Потресов и К^о, Чхенкели и пр.), так и с русскими каутскианцами (Аксельрод и пр.).

Мартов в «Голосе»⁷⁹ № 2 (Самара, 20 сентября 1916) отказывается за себя и за своих заграничных друзей сотрудничать в «Деле» и в то же время занимается обелением Чхеидзе, в то же время («Известия» № 6, 12. IX. 1916) уверяет публику, будто он разошелся с Троцким и «Нашим Словом» из-за «троцкистской» идеи об отрицании буржуазной революции в России, когда все знают, что это ложь, что Мартов ушел из «Нашего Слова», ибо последнее не могло стерпеть обеления ОК Мартовым! В тех же «Известиях» Мартов защищает свой, возмутивший даже Роланд-Гольст, обман немецкой публики, произведенный посредством издания немецкой брошюры, в которой опущена как раз та часть декларации питерских и московских меньшевиков, где говорится об их согласии участвовать в военно-промышленных комитетах!

Припомните полемику Троцкого и Мартова в «Нашем Слове» перед выходом последнего из редакции. Мартов упрекал Троцкого, что он до сих пор не знает, пойдет ли он в решительный момент за Каутским. Троцкий говорил Мартову, что его роль есть роль «наживки», «приманки» революционных рабочих к оппортунистской и шовинистской партии Потресовых, затем ОК и т. д.

Оба спорившие повторяли наши доводы. И оба были правы.

Как ни прячут правду о Чхеидзе и К^о, она пробивается наружу. Роль Чхеидзе — заключать компромиссы с Потресовыми, прикрывая неопределенными или почти «левыми» словами оппортунистскую и шовинистскую политику. А роль Мартова — обелять Чхеидзе.

Напечатано в декабре 1918 г.
в «Сборнике Социал-Демократа» № 2
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту «Сборника»

**ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ
И ПАЦИФИЗМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ⁸⁰**

*Впервые напечатано в 1924 г.
в Ленинском сборнике 11
Подпись: Н. Л.*

Печатается по рукописи

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) I
ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Есть признаки, что такой поворот наступил или наступает. Именно: это — поворот от империалистской войны к империалистскому миру.

Несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций; трудность продолжать войну дальше; трудность для капиталистов вообще и для финансового капитала в частности содрать с народов еще сколько-нибудь кроме двух и более шкур, содранных в виде скандальных «военных» прибылей; пресыщение финансового капитала нейтральных стран, Соединенных Штатов, Голландии, Швейцарии и др., который нажился гигантски на войне и которому не легко продолжать дальше это «выгодное» хозяйство ввиду недостатка сырых материалов и съестных припасов; усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран — вот главнейшие из этих признаков.

Имеются ли шансы на быстрое окончание войны или нет?

На этот вопрос очень трудно ответить положительно. Две возможности вырисовываются, по нашему мнению, довольно определенно:

Первая — сепаратный мир между Германией и Россией заключен, хотя бы и не в обычной форме письменного формального договора. Вторая — такого мира не заключено, Англии и ее союзникам действительно под силу продержаться еще и год и два и т. п. В первом случае война не теперь, так в ближайшем будущем неминуемо прекращается, и серьезных изменений в ходе ее ждать

нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее.

Остановимся на первом случае.

Что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что в всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, все это не может подлежать сомнению.

Смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что «право» России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей. Может быть, царизм вел эти переговоры *только* для того, чтобы шантажировать Англию, чтобы добиться от нее формального и недвусмысленного признания «прав» Николая Кровавого на Константинополь и тех или иных «серьезных» гарантий этого права?

Так как главным, основным содержанием данной империалистской войны является дележ добычи между тремя главными империалистскими соперниками, тремя разбойниками, Россией, Германией и Англией, то ничего невероятного в таком предположении нет.

С другой стороны, чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт, который Германия великолепно выравнивает, сокращает и укрепляет своими последними победами в Румынии, тем более *вынуждается* царизм к заключению сепаратного мира с Германией, *то есть* к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии. Почему бы нет? Была же Россия на волосок от войны с Англией из-за империалистского соревнования обеих держав насчет дележа добычи в средней Азии! Велись же между Англией и Германией переговоры о союзе *против* России в 1898 году, причем Англия и Германия тайно условились тогда разделить между собой колонии Португалии «на случай», что она не исполнит своих финансовых обязательств!

Усиленное стремление руководящих империалистских кругов Германии к союзу с Россией против Англии определилось уже несколько месяцев тому назад. Основой союза явится, очевидно, дележ Галиции (царизму очень важно удушить центр украинской агитации и украинской свободы), Армении и, *может быть, Румынии!* Проскользнул же в одной немецкой газете «намек» на то, что Румынию можно бы разделить между Австрией, Болгарией и Россией! Германия могла бы согласиться и еще на какие-либо «уступочки» царизму лишь бы реализовать союз с Россией, а может быть еще и с Японией против Англии.

Сепаратный мир мог быть заключен между Николаем II и Вильгельмом II тайно. История дипломатии знает примеры тайных договоров, о которых не знал никто, даже министры, за исключением 2—3 человек. История дипломатии знает примеры, когда «великие державы» шли на «общий европейский» конгресс, предварительно договорив тайком главное между главными соперниками (напр., тайное соглашение России с Англией насчет грабежа Турции перед берлинским конгрессом 1878 года). Не было ровно ничего удивительного в том, если бы царизм отверг формальный сепаратный мир правительств между прочим по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским, и в то же время заключил тайный, не формальный, но не менее «прочный» договор с Германией о том, что обе «высокие договаривающиеся стороны» ведут совместно *такую-то* линию на будущем конгрессе мира!

Верно это предположение или нет, решить нельзя. Но во всяком случае оно в тысячу раз больше содержит в себе *правды*, характеристики *того, что есть*, чем бесконечные добренькие фразы о мире между теперешними и вообще между буржуазными правительствами на основе отрицания аннексий и т. п. Эти фразы — либо невинные пожелания либо лицемерие и ложь, служащие для сокрытия истины. Истина данного времени, данной войны, данного момента попыток заключить мир состоит в *дележе империалистской добычи*. В этом суть, и понять эту истину, высказать ее, «высказать то, что есть», — такова коренная задача социалистической политики в отличие от буржуазной, для коей главное скрыть, затушевать эту истину.

Обе империалистские коалиции награбили известное количество добычи, причем именно два главных и наиболее сильных хищника, Германия и Англия, награбили больше всего. Англия не потеряла ни пяди своей земли и своих колоний, «приобретая» немецкие колонии и часть Турции (Месопотамию). Германия потеряла почти все свои колонии, но приобрела неизмеримо более ценные территории в Европе, захватив Бельгию, Сербию, Румынию, часть Франции, часть России и пр. Речь идет о том, чтобы разделить эту добычу, причем «атаман» каждой разбойничьей шайки, т. е. и Англия и Германия, должен вознаградить в той или иной мере своих союзников, которые, за исключением Болгарии и в меньшей степени Италии, особенно много потеряли. Самые слабые союзники потеряли больше всего: в английской коалиции раздавлены Бельгия, Сербия, Черногория, Румыния, в германской Турция потеряла Армению и часть Месопотамии.

До сих пор добыча Германии несомненно и очень значительно больше, чем добыча Англии. До сих пор Германия победила, оказавшись неизмеримо сильнее, чем кто бы то ни было предполагал до войны. Понятно поэтому, что Германии выгодно было бы заключить мир как можно скорее, ибо ее соперник мог бы еще, в наивыгоднейшем мыслимом для него (хотя и не очень вероятном) случае, пустить в ход большой запас рекрутов и т. п.

Таково *объективное* положение. Таков данный момент борьбы за дележ империалистской добычи. Совершенно естественно, что *этот* момент породил пацифистские стремления, заявления и выступления преимущественно среди буржуазии и правительств германской коалиции, затем нейтральных стран. Так же естественно, что буржуазия и ее правительства вынуждены из-за всех сил стремиться к тому, чтобы одурачить народы, прикрывая отвратительную наготу империалистского мира, дележ награбленного, — фразами, насквозь лживыми фразами о демократическом мире, о свободе малых народов, о сокращении вооружений и т. п.

Но если буржуазии естественно стремление одурачить народы, то как выполняют свою обязанность социалисты? Об этом в следующей статье (или главе).

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) II
ПАЦИФИЗМ КАУТСКОГО И ТУРАТИ

Каутский — самый авторитетный теоретик II Интернационала, самый видный вождь так называемого «марксистского центра» в Германии, представитель оппозиции, создавшей в рейхстаге особую фракцию: «Социал-демократическую трудовую группу» (Гаазе, Ледебур и др.). В ряде с.-д. газет Германии помещены теперь статьи Каутского об условиях мира, перефразирующие официальное заявление «Социал-демократической трудовой группы», с которым она выступила по поводу известной ноты германского правительства, предложившей переговоры о мире. Требуя предложения правительством определенных условий мира, это заявление между прочим содержит следующую характерную фразу:

... «Для того, чтобы эта нота (германского правительства) повела к миру, необходимо, чтобы во всех странах недвусмысленно была отвергнута мысль об аннексиях чужих областей, о политическом, хозяйственном или военном подчинении какого бы то ни было народа другой государственной власти»...

Перефразируя и конкретизируя это положение, Каутский в своих статьях обстоятельно «доказывает», что Константинополь не должен достаться России и что Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством.

Присмотримся внимательнее к этим политическим лозунгам и аргументам Каутского и его единомышленников.

Когда дело касается России, т. е. империалистского соперника Германии, тогда Каутский выдвигает не абстрактное, не «общее», а совершенно конкретное, точное, определенное требование: Константинополь не должен достаться России. Он *разоблачает* тем самым *действительные* империалистские замыслы... России. Когда дело касается Германии, т. е. именно той страны, буржуазии и правительству которой большинство партии, считающей Каутского своим членом (и назначившей Каутского редактором своего главного, руководящего, теоретического органа, «Neue Zeit»*), помогает вести империалистскую

* — «Новое Время». Ред.

войну, тогда Каутский *не* разоблачает *конкретных* империалистских замыслов *своего* правительства, а ограничивается «общим» пожеланием или положением: Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством!!

Чем же отличается, по ее действительному содержанию, политика Каутского от политики боевых, так сказать, социал-шовинистов (т. е. социалистов на словах, шовинистов на деле) Франции и Англии, которые прямо разоблачают конкретные империалистские шаги Германии, отделяваясь «общими» пожеланиями или положениями насчет стран или народов, завоевываемых Англией и Россией? о захвате Бельгии, Сербии кричат, а о захвате Галиции, Армении, колоний в Африке молчат?

На деле, политика Каутского и Самба — Гендерсона одинаково помогает *своему* империалистскому правительству, обращая главное внимание на злокозненность соперника и неприятеля, набрасывая флер туманных, общих фраз и добреньких пожеланий на *столь же* империалистские шаги *своей* буржуазии. И мы перестали бы быть марксистами, перестали бы быть вообще социалистами, если бы ограничались христианским, так сказать, созерцанием доброты добреньких общих фраз, не вскрывая их *действительного* политического значения. Разве мы не видим постоянно, что дипломатия всех империалистских держав щеголяет прекраснодушнейшими «общими» фразами и «демократическими» заявлениями, *прикрывая* ими грабеж, изнасилование и удушение мелких народов?

«Турция не должна быть ничьим вассальным государством»... Если я говорю только это, видимость получается такая, будто я сторонник полной свободы Турции. Но на деле я повторяю лишь фразу, обычно произносимую и немецкими дипломатами, которые *заведомо* лгут и лицемерят, прикрывая этой фразой тот *факт*, что Германия *сейчас* превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала! И если я — немецкий социалист, то германской дипломатии только *выгодны* мои «общие» фразы, ибо действительное значение их состоит в *подкрашивании* германского империализма.

...«Во всех странах должна быть отвергнута мысль об аннексиях, ... о хозяйственном подчинении какого бы то ни было народа»... Какое прекраснодушие! Империа-

листы тысячи раз «отвергают мысль» об аннексиях и финансовом удушении слабых народов, но не следует ли сопоставлять с этим факты, показывающие, что любой крупный банк Германии, Англии, Франции, Соединенных Штатов держит «в подчинении» мелкие народы? Может ли на деле теперешнее буржуазное правительство богатой страны отвергнуть аннексии и хозяйственное подчинение чужих народов, когда миллиарды и миллиарды вложены в железные дороги и прочие предприятия слабых народов?

Кто борется действительно с аннексиями и т. п., — тот ли, кто бросает на ветер прекраснодушные фразы, объективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водичке, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников, или тот, кто разъясняет рабочим невозможность прекращения аннексий и финансового удушения без свержения империалистской буржуазии и ее правительств?

Вот еще итальянская иллюстрация того пацифизма, который проповедуется Каутским.

В центральном органе итальянской социалистической партии «Аванти!» («Вперед!») от 25 декабря 1916 г. известный реформист Филипп Турати поместил статью под заглавием «Абракадабра». 22 ноября 1916 г. — пишет он — парламентская социалистическая группа Италии внесла в парламент предложение о мире. В этом предложении она «констатировала согласие принципов, провозглашенных представителями Англии и Германии, принципов, долженствующих лечь в основу возможного мира, и пригласила правительство начать переговоры о мире при посредстве Соединенных Штатов и других нейтральных стран». Так излагает содержание социалистического предложения сам Турати.

6 декабря 1916 г. палата «хоронит» социалистическое предложение, «откладывая» обсуждение его. 12 декабря германский канцлер в рейхстаге от себя предлагает то, чего хотели социалисты Италии. 22 декабря выступает с своей нотой Вильсон, «перефразируя и повторяя — по выражению Ф. Турати — идеи и мотивы социалистического предложения». 23 декабря другие нейтральные государства выступают на сцену, перефразируя ноту Вильсона.

Нас обвиняют, что мы продались Германии, восклицает Турати. Не продались ли Германии и Вильсон и нейтральные государства?

17-го декабря Турати держал в парламенте речь, одно место которой вызвало необыкновенную — и заслуженную — сенсацию. Вот это место, по отчету «*Avanti!*»:

...«Предположим, что обсуждение такого рода, которое нам предлагает Германия, способно разрешить в главных чертах вопросы вроде эвакуации Бельгии, Франции, восстановления Румынии, Сербии и, если вам угодно, Черногории; я добавлю вам исправление итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера»... В этом месте буржуазная и шовинистская палата прерывает Турати; со всех сторон раздаются возгласы: «Превосходно! Значит, и вы также хотите всего этого! Да здравствует Турати! Да здравствует Турати!»...

Турати, почувствовав, видимо, что-то неладное в этом восторге буржуазии, пытается «поправиться» или «объясниться»:

...«Господа, — говорит он — не надо неуместных шуток. Одно дело допускать уместность и право национального единства, всегда признававшегося нами; другое дело — вызывать или оправдывать войну из-за этой цели».

Ни это «объяснение» Турати, ни статьи «*Avanti!*» в его защиту, ни письмо Турати от 21 декабря, ни статья некоего «*b b*» в цюрихском «*Volksrecht*»* нисколько не «поправляют» дела и не устраняют факта, что *Турати попался!*.. А вернее: попался не Турати, а попался весь социалистический пацифизм, представляемый и Каутским и, как увидим ниже, французскими «каутскианцами». Буржуазная пресса Италии была права, подхватив это место в речи Турати и ликуя по поводу него.

Упомянутый «*b b*» пытается защитить Турати тем, что он-де говорил лишь о «праве наций на самоопределение».

Плохая защита! При чем же тут «право наций на самоопределение», которое, как всем известно, относится в программе марксистов — и относилось всегда в программе международной демократии — к защите *unten-*

* — «Народное Право». Ред.

ных народов? К империалистской войне, т. е. к войне из-за дележа колоний, из-за угнетения чужих стран, к войне между грабительскими, угнетающими державами из-за того, кому угнетать больше чужих народов?

Ссылаться на самоопределение наций в оправдание империалистской, а не национальной, войны — чем же это отличается от речей Алексинского, Эрве, Гайндмана, которые ссылаются на республику во Франции, противостоящую монархии в Германии, хотя всем известно, что данная война идет вовсе не из-за столкновения республиканизма с монархическим началом, а из-за дележа колоний и пр. между двумя империалистскими коалициями?

Турати объяснялся и оправдывался, что он *вовсе не «оправдывает»* войны.

Поверим реформисту Турати, стороннику Каутского Турати, что его *намерением* не было оправдывать войну. Но кто же не знает, что в политике учитываются не намерения, а дела? не благие пожелания, а факты? не воображаемое, а действительное?

Пусть Турати не хотел оправдывать войны, пусть Каутский не хотел оправдывать установление Германией вассальных отношений Турции к немецкому империализму. Но *на деле* у обоих добреньких пацифистов *получилось именно оправдание войны!* Вот в чем суть. Если бы Каутский не в журнале, который так скучен, что его никто не читает, а с трибуны парламента, перед живой, впечатлительной, обладающей южным темпераментом, буржуазной публикой произнес подобную фразу: «Константинополь не должен достаться России, Турция не должна быть ничьим вассальным государством», то не было бы ничего удивительного в возгласах остроумных буржуа: «Превосходно! Правильно! Да здравствует Каутский!».

Турати стоял фактически, — независимо от того, хотел ли он этого, сознавал ли он это, — на точке зрения буржуазного маклера, предлагающего полюбовную сделку между империалистскими хищниками. «Освобождение» итальянских земель, принадлежащих Австрии, было бы *на деле* прикрытием вознаграждения итальянской буржуазии за участие в империалистской войне гигантской империалистской коалиции, было бы несущественным придатком к дележу колоний в Африке, сфер влияния

в Далмации и Албании. Реформисту Турати, пожалуй, естественно стоять на буржуазной точке зрения, но Каутский фактически ровнехонько ничем не отличался от Турати.

Чтобы не прикрашивать империалистской войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как говорят Каутский и Турати, а так, как говорил Карл Либкнехт, надо было бы заявить *своей* буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против *своих* правительств.

Такова и только такая могла бы быть позиция действительного марксиста, действительного социалиста, а не буржуазного реформиста. Не тот работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот, кто разоблачает империалистский характер и данной войны и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств.

Некоторые пытаются иногда защитить Каутского и Турати тем, что легально нельзя было идти дальше «намёка» против правительства, а такой «намёк» есть у пацифистов этого рода. Но на это следует ответить, во-первых, что невозможность говорить правду легально есть довод не в пользу сокрытия правды, а в пользу необходимости нелегальной, т. е. свободной от полиции и цензуры, организации и печати; во-вторых, что бывают исторические моменты, когда от социалиста *требуется* разрыв со всякой легальностью; в-третьих, что даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский.

В следующей статье мы перейдем к французскому пацифизму, нашедшему себе выражение в резолюциях двух только что состоявшихся конгрессов рабочих и социалистических организаций Франции.

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) III

ПАЦИФИЗМ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ
И СИНДИКАЛИСТОВ

Только что закончились конгрессы французской С.Г.Т. (Confédération générale du Travail, Всеобщий союз профессиональных рабочих союзов)⁸¹ и французской социалистической партии⁸². Истинное значение и истинная роль социалистического пацифизма в настоящий момент с особенной ясностью обрисовались здесь.

Вот резолюция синдикального конгресса, *единогласно* принятая всеми, и большинством ярых шовинистов с печально-знаменитым Жуо (Jouhaux) во главе, и анархистом Брутшу и... «циммервальдистом» Мергеймом:

«Конференция национальных корпоративных федераций, союзов синдикатов (профессиональных союзов), бирж труда, приняв к сведению ноту президента Соединенных Штатов, «приглашающего все нации, находящиеся ныне в войне друг с другом, изложить публично их взгляды на те условия, на которых война могла бы быть окончена», — просит французское правительство согласиться на это предложение;

приглашает правительство взять на себя инициативу подобного же выступления перед своими союзниками, чтобы ускорить час мира;

заявляет, что федерация наций, являющаяся одним из залогов окончательного мира, может быть обеспечена лишь при независимости, территориальной неприкосновенности и политической и экономической свободе всех наций, и малых, и больших.

Организации, представленные на конференции, берут на себя обязательство поддерживать и распространять эту идею среди массы рабочих, дабы прекратилось неопределенное, двусмысленное положение, которое выгодно лишь для тайной дипломатии, против каковой всегда восставал рабочий класс».

Вот образец «чистого» пацифизма, вполне в духе Клаутского, — пацифизма, одобренного официальной организацией рабочих, не имеющей ничего общего с марксизмом, состоящей в большинстве из шовинистов. Перед нами — выдающийся, заслуживающий самого серьезного внимания, документ *политического объединения* шовинистов

и «каутскианцев» на платформе пустой пацифистской фразы. Если в предыдущей статье мы старались показать, в чем *теоретическая* основа единства взглядов шовинистов и пацифистов, буржуа и социалистических реформистов, то теперь мы видим это единство *практически* осуществленным в другой империалистской стране.

На конференции в Циммервальде, 5—8. IX. 1915, Мергейм заявил: «Le parti, les Jouhaux, le gouvernement, ce ne sont que trois têtes sous un bonnet» («партия, господа Жуо, правительство, это — три головы под одним колпаком», т. е. они — едино суть). На конференции С. Г. Т. 26 декабря 1916 года Мергейм голосует, *вместе с Жуо*, пацифистскую резолюцию. 23-го декабря 1916 года один из самых откровенных и самых крайних органов германских социал-империалистов, хемницкая газета «*Volksstimme*»* помещает редакционную статью: «Разложение буржуазных партий и восстановление социал-демократического единства». В этой статье воспевается, само собою, миролюбие Зюдекума, Легина, Шейдемана и К^о, всего большинства германской социал-демократической партии, а также германского правительства, и провозглашается, что «первый конгресс партии, созданный после войны, должен восстановить единство партии, за исключением немногочисленных фанатиков отказа от платежа партийных взносов» (т. е. сторонников Карла Либкнехта) «— единство партии на основе политики правления партии, социал-демократической фракции рейхстага и профессиональных союзов».

Яснее ясного тут выражена идея и провозглашена политика «единства» откровенных социал-шовинистов Германии с Каутским и К^о, с «Социал-демократической трудовой группой», — единства на основе пацифистских фраз, — «единства», осуществленного во Франции 26 декабря 1916 г. между Жуо и Мергеймом!

Центральный орган итальянской социалистической партии «*Avanti!*» пишет в редакционной заметке 28 декабря 1916 г.:

«Если Биссолати и Зюдекум, Бономи и Шейдеман, Самба и Давид, Жуо и Легин перешли в лагерь буржуазного национализма и предали (*hanno tradito*, совершили

* — «Народный Голос». Ред.

измену) идейное единство интернационалистов, которому обещали служить верой и правдой, то мы останемся вместе с нашими немецкими товарищами, такими, как Либкнехт, Ледебур, Гофман, Мейер, с нашими французскими товарищами, такими, как Мергейм, Блац, Бризон, Раффэн-Дюжанс, которые не изменились и не колебнулись».

Посмотрите, какая получается путаница:

Биссолати и Бономи *исключены*, как реформисты и шовинисты, из итальянской социалистической партии еще до войны. «Avanti!» ставит их на один уровень с Зюдекумом и Легином, и вполне правильно, конечно, но Зюдекум, Давид и Легин стоят во главе германской якобы-социал-демократической, на деле социал-шовинистской партии, и то же самое «Avanti!» восстает против их исключения, против разрыва с ними, против образования III Интернационала. «Avanti!» объявляет, и совершенно правильно, перешедшими в лагерь буржуазного национализма Легина и Жуо, противопоставляя им Либкнехта и Ледебур, Мергейма и Бризона. Но мы видим, что Мергейм *голосует вместе с Жуо*, а Легин объявляет, — устами хемницкого «Народного Голоса», — о своей уверенности в восстановлении единства партии с исключением *только* единомышленников Либкнехта, т. е. «единства» *вместе* с «С.-д. трудовой группой» (Каутский в том числе), к которой принадлежит Ледебур!!

Эта путаница вызвана тем, что «Avanti!» смешивает буржуазный пацифизм с революционным социал-демократическим интернационализмом, а такие опытные политики, как Легин и Жуо, великолепно поняли *тождество* социалистического и буржуазного пацифизма.

Как же в самом деле не ликовать господину Жуо и его газете, шовинистской «La Bataille»⁸³ по поводу «единодушия» Жуо с Мергеймом, когда в принятой единогласно резолюции, приведенной нами полностью, нет *на деле* ровнехонько ничего кроме буржуазно-пацифистских фраз, нет *ни тени* революционного сознания, *ни одной* социалистической мысли!

Не смешно ли говорить об «экономической свободе всех наций, малых и больших», умалчивая о том, что, пока не свергнуты буржуазные правительства и не экспроприрована буржуазия, эта «экономическая свобода» есть такой же *обман* народа, как фразы об «экономической

свободе» граждан *вообще*, мелких крестьян и богачей, рабочих и капиталистов в современном обществе?

Резолюция, за которую голосовали единогласно Жуо и Мергейм, насквозь и целиком проникнута идеями «буржуазного национализма», который «*Avant!*» справедливо отмечает у Жуо, но которого оно, «*Avant!*», странным образом *не* видит у Мергейма.

Буржуазные националисты всегда и везде щеголяли «общими» фразами о «федерации наций» *вообще*, об «экономической свободе всех наций, больших и малых». Социалисты, в отличие от буржуазных националистов, говорили и говорят: ораторствовать об «экономической свободе больших и малых наций» есть отвратительное лицемерие, пока *одни* нации (напр., Англия и Франция) помещают за границей, т. е. дают в ссуду за ростовщические проценты малым и отсталым нациям, *десятки и десятки миллиардов франков капитала*, а малые и слабые нации находятся в кабале у них.

Социалисты не могли бы оставить без решительного протеста *ни одной фразы* в той резолюции, за которую единогласно голосовали Жуо и Мергейм. Социалисты заявили бы, в прямую противоположность этой резолюции, что выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях *второй великой империалистской войны*; — что французское буржуазное правительство, связанное по рукам и по ногам финансовым капиталом, рабом коего оно является, и тайными империалистскими, насквозь грабительскими и реакционными договорами с Англией, Россией и т. д., не в состоянии ни сказать ни сделать чего-либо, кроме такой же лжи, по вопросу о демократическом и «справедливом» мире; — что борьба за подобный мир состоит не в повторении общих, пустых, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих, на деле только прикрашивающих империалистскую скверну, добреньких и сладеньких пацифистских фраз, а в заявлении народам *правды*, именно в заявлении народам: дабы получить демократический и справедливый мир, надо свергнуть буржуазные правительства всех воюющих стран и воспользоваться для этого вооружением миллионов рабочих, а также всеобщим озлоб-

лением масс населения дороговизной жизни и ужасами империалистской войны.

Вот что должны были бы сказать социалисты вместо резолюции Жуо и Мергейма.

Французская социалистическая партия на своем конгрессе, который происходил в Париже одновременно с конгрессом С. Г. Т., не только не сказала этого, а приняла *еще худшую* резолюцию, 2838 голосами против 109, при 20 воздержавшихся, т. е. блоком социал-шовинистов (Ренодель и К^о, так называемые «мажоритеры», сторонники большинства) и *лонгетистов* (сторонников Лонге, французских каутскианцев)!! При этом циммервальдист Бурдерон и кинталлист (kinthalien, участник кинталской конференции) Раффэн-Дюжанс голосовали за эту резолюцию!!

Мы не будем приводить текста этой резолюции, ибо она непомерно длинна и совершенно не интересна: в ней добренькие, сладенькие фразы о мире поставлены рядом с заявлением готовности поддерживать дальше так называемую «защиту отечества» во Франции, т. е. поддерживать империалистскую войну, которую ведет Франция в союзе с такими еще более крупными и сильными разбойниками, как Англия и Россия.

Объединение социал-шовинистов с пацифистами (или каутскианцами) во Франции и с частью циммервальдистов стало, следовательно, фактом не только в С. Г. Т., но и в социалистической партии.

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) IV

ЦИММЕРВАЛЬД НА РАСПУТЬИ

28-го декабря пришли в Берн французские газеты с отчетом о конгрессе С. Г. Т., а 30-го декабря появилось в бернской и цюрихской социалистических газетах новое воззвание бернской I. S. K. («Internationale Sozialistische Kommission») Международной социалистической комиссии, исполнительного органа циммервальдского объединения. В этом возвании, помеченном концом декабря 1916 года, говорится о предложении мира со стороны Германии, а также Вильсона и других нейтральных стран, причем все эти правительственные выступления называются — и, разумеется, вполне справедливо называются — «комедиантской игрой в мир», «игрой для

одурачения собственных народов», «лицемерными пацифистскими жестикующими дипломатов».

Этой комедии и лжи противопоставляется, как «единственная сила», способная осуществить мир и пр., «твердая воля» международного пролетариата «обратить оружие борьбы не на своих братьев, а на врага в собственной стране».

Приведенные цитаты наглядно показывают нам две в корне различные политики, которые до сих пор как бы уживались вместе внутри циммервальдского объединения и которые окончательно разошлись теперь.

С одной стороны, Турати говорит определенно, и вполне справедливо, что предложение Германии, Вильсона и т. д. явилось лишь «*перифразировкой*» итальянского «социалистического» пацифизма; заявление немецких социал-шовинистов и голосование французских показывает, что те и другие превосходно оценили пользу пацифистского прикрытия их политики.

С другой стороны, воззвание Интернациональной социалистической комиссии называет пацифизм всех воюющих и нейтральных правительств комедией и лицемерием.

С одной стороны, Жуо соединяется с Мергеймом, Бурдерон, Лонге и Раффэн-Дюжанс с Реноделем, Самба и Тома, а немецкие социал-шовинисты, Зюдекум, Давид, Шейдеман провозглашают предстоящее «восстановление социал-демократического единства» с Каутским и «Социал-демократической трудовой группой».

С другой стороны, воззвание Интернациональной социалистической комиссии призывает «социалистические меньшинства» энергично бороться со «своими правительствами» «и с их социал-патриотическими наемниками» (Söldlinge).

Или — или.

Разоблачать бессодержательность, нелепость, лицемерие буржуазного пацифизма *или* «перифразировывать» его в «социалистический» пацифизм? Бороться ли с Жуо и Реноделями, с Легинами и Давидами, как с «наемниками» правительств, *или* объединяться с ними на пустых пацифистских декламациях французского или немецкого образцов?

По этой линии идет теперь водораздел между циммервальдской правой, всегда восстававшей изю всех сил

против раскола с социал-шовинистами, и Циммервальдской левой, которая еще в Циммервальде недаром позаботилась публично отгородиться от правой, выступить и на конференции и после нее в печати с особой платформой. Приближение мира, или хотя бы усиленное обсуждение некоторыми буржуазными элементами вопроса о мире не случайно, а неизбежно вызвало особенно наглядное расхождение той и другой политики. Ибо мир всегда рисовался и рисуется буржуазным пацифистам и их «социалистическим» подражателям или перепевателям, как нечто принципиально отличное в том смысле, что идея: «война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной политики» оставалась всегда непонятой пацифистами обоих оттенков. Что империалистская война 1914—1917 годов есть продолжение империалистской политики 1898—1914 годов, если не еще более раннего периода, этого не хотели и не хотят видеть ни буржуа ни социал-шовинисты. Что мир может быть *теперь*, если не будут революционно свергнуты буржуазные правительства, лишь империалистским миром, продолжающим империалистскую войну, этого не видят ни буржуазные ни социалистические пацифисты.

Как к оценке данной войны подходили с бессмысленными, вульгарными, обывательскими фразами о нападении или обороне вообще, так и к оценке мира подходят с такими же филистерскими общими местами, забывая о конкретной исторической ситуации, о конкретной действительности борьбы между империалистскими державами. А социал-шовинистам, этим агентам правительств и буржуазии внутри рабочих партий, естественно было ухватиться особенно за приближение мира, даже за разговоры о мире, чтобы *затушевать* вскрытую войною глубину их реформизма, их оппортунизма, чтобы восстановить свое подорванное влияние на массы. Поэтому социал-шовинисты, как мы видели, и в Германии и во Франции делают усиленные попытки «объединиться» с нетвердой, беспринципной, пацифистской частью «оппозиции».

И внутри циммервальдского объединения, наверно, будут сделаны попытки затушевать расхождение двух непримиримых линий политики. Можно предвидеть двоякие попытки этого рода. «Деляческое» примирение будет состоять просто в том, чтобы механически соединить

громкие революционные фразы (каковы, напр., фразы в воззвании Интернациональной социалистической комиссии) с оппортунистической и пацифистской практикой. Так было во II Интернационале. Архиреволюционные фразы в воззваниях Гюисманса и Вандервельда и в некоторых резолюциях конгрессов только прикрывали архиппортунистическую практику большинства европейских партий, не переделывая ее, не подрывая ее, не борясь с ней. Сомнительно, чтобы внутри циммервальдского объединения могла удаться вновь эта тактика.

«Принципиальные примирители» попробуют преподнести фальсификацию марксизма в духе, напр., такого рассуждения, что реформы не исключают революции, что империалистский мир с известными «улучшениями» границ национальностей или международного права или расходного бюджета на вооружения и т. п. возможен наряду с революционным движением, как «один из моментов развертывания» этого движения и так далее и тому подобное.

Это было бы фальсификацией марксизма. Конечно, реформы не исключают революции. Дело однако идет сейчас не об этом, а о том, чтобы революционеры не исключали *себя* перед реформистами, т. е. чтобы социалисты не подменяли своей революционной работы реформистскою. Европа переживает революционную ситуацию. Война и дороговизна обостряют ее. Переход от войны к миру вовсе еще не обязательно устраняет ее, ибо ниоткуда не следует, чтобы миллионы рабочих, имеющие теперь в своих руках великолепное вооружение, непременно и безусловно дали себя «мирно разоружить» буржуазии вместо выполнения совета К. Либкнехта, т. е. обращения оружия против *своей* буржуазии.

Вопрос стоит не так, как его ставят пацифисты, каутскианцы: либо реформистская политическая кампания либо отказ от реформ. Это буржуазная постановка вопроса. На деле вопрос стоит так: либо революционная борьба, побочным продуктом которой, в случае ее неполной удачи, бывают реформы (это доказала вся история революций во всем мире) либо ничего кроме разговоров о реформах и посулов реформ.

Реформизм Каутского, Турати, Бурдерона, выступающий ныне в форме пацифизма, не только оставляет в сто-

роне вопрос о революции (это *уже* есть измена социализму), не только на практике отказывается от всякой систематической и упорной революционной работы, но и доходит до заявлений, что уличные демонстрации суть авантюра (Каутский в «Neue Zeit», 26 ноября 1915 г.), доходит до защиты и до осуществления единства с откровенными и решительными противниками революционной борьбы, Зюдекумами, Легинами, Ренделями, Тома и пр. и проч.

Этот реформизм абсолютно непримирим с революционным марксизмом, который обязан всесторонне использовать настоящую революционную ситуацию в Европе для прямой проповеди революции, свержения буржуазных правительств, завоевания власти вооруженным пролетариатом, нисколько не зарекаясь и не отказываясь использовать реформы для развития борьбы за революцию и в ходе ее.

Ближайшее будущее покажет, как развернется ход событий в Европе вообще, борьба реформизма-пацифизма с революционным марксизмом в частности, в том числе и борьба двух частей циммервальдского объединения.

Цюрих, 1 января 1917 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОРИСУ СУВАРИНУ ⁸⁴

Гражданин Суварин заявляет, что письмо свое он адресует также и мне. Я отвечаю ему с тем бóльшим удовольствием, что его статья затрагивает важнейшие вопросы международного социализма.

Суварин считает «апатриотической» точку зрения тех, кто думает, что «защита отечества» несовместима с социализмом. И, в свою очередь, он «защищает» точку зрения Турати, Ледебура, Бризона, которые, голосуя против военных кредитов, заявляют себя сторонниками «защиты отечества», т. е. точку зрения направления, называемого «центром» (я сказал бы скорее «болотом»), или, — по имени главного теоретического и литературного представителя этого направления, Карла Каутского, — каутскианством. Замечу мимоходом, что Суварин неправ, утверждая, что «они (т. е. русские товарищи, говорящие о крахе II Интернационала) отождествляют таких людей, как Каутский, Лонге и т. д. ... с националистами типа Шейдемана и Ренделя». Никогда ни я, ни партия, к которой я принадлежу (ЦК РСДРП), не отождествляли точку зрения социал-шовинистов с точкой зрения «центра». В официальных заявлениях нашей партии, в манифесте ЦК, опубликованном 1 ноября 1914 г.* и в резолюциях, принятых в марте 1915 г.** (оба эти документа воспроизведены *in extenso**** в нашей брошюре «Социализм и война»****, знакомой Суварину), мы всегда проводили различие между

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 9—18. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 137—142. *Ред.*

*** — полностью. *Ред.*

**** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 267—307. *Ред.*

социал-шовинистами и «центром». Первые, по нашему мнению, перешли на сторону буржуазии. По отношению к ним мы требуем не только борьбы, но и раскола. Вторые же, — это нерешительные, колеблющиеся, наносящие наибольший ущерб пролетариату своими усилиями объединить социалистические массы с шовинистическими вождями.

Суварин говорит, что он хочет «рассматривать факты с марксистской точки зрения».

Но с марксистской точки зрения такие общие и отвлеченные определения, как «апатриотизм», абсолютно никакой цены не имеют. Отечество, нация — это категории исторические. Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я несколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения. Таким образом, было бы прямо-таки смешным отрицание законности войн 1793 г., войн Франции против реакционных европейских монархий, или гарибальдийских войн и т. д. ... Было бы точно так же смешным нежелание признавать законность войн угнетенных народов против их угнетателей, которые могли бы разразиться в настоящее время, например, восстания ирландцев против Англии, или восстания Марокко против Франции, Украины против России и т. д. ...

С марксистской точки зрения необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание.

Но как определить политическое содержание войны?

Всякая война есть лишь продолжение политики. Продолжением какого рода политики является настоящая война? Является ли она продолжением политики пролетариата, который с 1871 по 1914 г. был единственным представителем социализма и демократии во Франции, в Англии и в Германии? Или же она является, скорее, продолжением империалистской политики, политики колониального грабежа и угнетения слабых народов реакционной, клонящейся к упадку и умирающей буржуазии?

Стоит лишь определенно и правильно поставить вопрос, чтобы получить совершенно ясный ответ: настоящая война — война империалистская, это война рабовладельцев, которые поссорились из-за своего рабочего скота и хотят укрепить и увековечить рабство. Эта война — тот «капиталистический разбой», о котором говорил Жюль Гед в 1899 г., осуждая тем самым заранее свою собственную измену в будущем. Гед говорил тогда:

«Есть другие войны... которые возникают каждый день, это войны за рынки сбыта. С этой стороны война не только не исчезает, но грозит стать непрерывной. Это — война капиталистическая по преимуществу, война между капиталистами всех стран из-за прибыли, из-за овладения мировым рынком ценою нашей крови. И вот представьте себе, что в каждой из капиталистических стран Европы во главе подобной взаимной резни ради грабежа находится социалист! Представьте себе английского Мильерана, итальянского Мильерана, немецкого Мильерана в дополнение к Мильерану французскому, втягивающих пролетариев друг против друга в этот капиталистический разбой! Что осталось бы, я вас спрашиваю, товарищи, от международной солидарности? В тот день, когда мильеранизм стал бы общим явлением, нужно было бы сказать «прости» всякому интернационализму и стать националистом, каким ни вы, ни я никогда не согласимся быть» (см. «На страже!» («En Garde!») Жюль Гед, Париж, 1911, стр. 175—176).

Неверно, что Франция борется в эту войну 1914—1917 гг. за свободу, национальную независимость, демократию и т. д. ... Она борется за удержание своих колоний, за удержание колоний Англией, на которые Германия имела бы гораздо больше прав, — конечно, с точки зрения буржуазного права. Она борется за то, чтобы отдать России Константинополь и т. д. ... Эту войну ведет, следовательно, не Франция демократическая и революционная, не Франция 1792, не Франция 1848 гг. и не Франция Коммуны. Ведет войну Франция буржуазная, Франция реакционная, союзница и друг царизма, «всемирный ростовщик» (выражение — не мое, оно принадлежит сотруднику «L'Humanité»⁸⁵ Лизису), защищающий свою добычу, свое «священное право» на колонии, на «свободу» эксплуатировать весь мир при помощи своих миллиардов, отданных взаймы слабым или менее богатым народам.

Не говорите, что трудно отличить войны революционные от войн реакционных. Вы хотите, чтобы помимо научного критерия, который я уже указал, я указал бы и чисто практический, понятный всем критерий?

Вот он: всякая, сколько-нибудь значительная война подготавливается заранее. Когда готовится революционная война, демократы и социалисты *не боятся наперед заявить*, что они стоят за «защиту отечества» в подобной войне. Когда же, напротив, готовится реакционная война, ни один социалист *не решается заранее*, т. е. до объявления войны, определить, что он будет за «защиту отечества» в подобной войне.

Маркс и Энгельс не боялись призывать немецкий народ к войне против России в 1848 и 1859 годах.

Между тем, напротив, в Базеле, в 1912 г., социалисты не осмеливались говорить о «защите отечества» в войне, наступление которой они уже предвидели и которая, действительно, наступила в 1914 году.

Наша партия не боится заявить публично, что она встретит сочувствием войны или восстания, которые Ирландия могла бы начать против Англии, Марокко, Алжир, Тунис — против Франции, Триполи — против Италии, Украина, Персия, Китай — против России и т. д.

А социал-шовинисты? А «центристы»? Осмелятся ли они открыто и официально заявить, что они стоят или будут стоять за «защиту отечества» в случае, ежели, например, разразится война между Японией и Соединенными Штатами, война вполне империалистская, которая грозит многим сотням миллионов людей и подготавливается в продолжение десятков лет? Пусть попробуют! Я готов биться об заклад, что они не сделают этого, ибо они слишком хорошо отдают себе отчет в том, что если бы они на это решились, то стали бы посмешищем рабочих масс, были бы освистаны ими и выгнаны из социалистических партий. Вот почему социал-шовинисты и «центристы» будут избегать всякого открытого заявления по этому вопросу и будут продолжать вилать, лгать, запутывать вопрос и отделяться софизмами вроде того, который принят последним конгрессом французской партии в 1915 г.: «Страна, подвергшаяся нападению, имеет право обороняться».

Как будто суть в том — *кто напал первым*, а не в том, *каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут*. Можно ли, например, допустить, что социалисты могли бы, находясь в здравом уме, признать в 1796 г. право на «защиту отечества» за Англией, когда революционные французские войска стали

брататься с ирландцами? А между тем, ведь, именно французы нападали в этот момент на Англию, и французская армия готовилась даже к десанту в Ирландии. И можно ли было бы завтра признать право на «защиту отечества» за Россией и за Англией, если вслед за тем, как они получили урок от Германии, на них напала бы Персия в союзе с Индией, Китаем и другими революционными народами Азии, совершающими свой 1789 и свой 1793 годы?

Таков мой ответ на прямо-таки смешное обвинение, сделанное нам, будто мы разделяем идеи Толстого. Наша партия отвергла как толстовское учение, так и пацифизм, заявив, что социалисты должны в настоящей войне стремиться превратить ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии, за социализм.

Если вы мне скажете, что это утопия, я вам отвечу, что, очевидно, буржуазия Франции, Англии и т. д. не разделяет вашего мнения, ибо она не стала бы, конечно, играть гнусную и смешную роль, доходя до заключения в тюрьму и мобилизации «пацифистов», если бы она не предчувствовала и не предвидела неотвратимого и непрестанного нарастания революции и ее близкого наступления.

Это приводит меня к вопросу о расколе, поднимаемому также Сувариным. Раскол! Это пугало, которым социалистические вожди стремятся напугать других и которого они сами так боятся! «Какую пользу принесло бы *теперь* создание нового Интернационала?» — говорит Суварин. — «Деятельность его была бы поражена бесплодием, так как численно он был бы очень слаб».

Но, ведь, именно «деятельность» Прессмана и Лонге во Франции, Каутского и Ледбура в Германии поражена бесплодием, что подтверждается ежедневными фактами, как раз потому, что они боятся раскола! И как раз потому, что К. Либкнехт и О. Рюле в Германии не боялись раскола, заявили открыто о его *необходимости* (см. письмо Рюле в «Vorwärts»* от 12 января 1916 г.) и не поколебались осуществить его — их деятельность имеет столь великое значение для пролетариата, *несмотря на их численную слабость*. Либкнехт и Рюле — это только 2 против 108. Но эти двое представляют миллионы людей, эксплуатируемые массы, огромное большинство населения, будущее

* — «Вперед». Ред.

человечества, революцию, которая с каждым днем растет и зреет. 108 представляют лишь дух подхалимства небольшой кучки лакеев буржуазии в среде пролетариата. Деятельность Бризона, когда он разделяет слабости центра или болота, поражена бесплодием. И, напротив, деятельность Бризона перестает быть бесплодной, она организует пролетариат, пробуждает и встряхивает его, когда Бризон на деле разрушает «единство» и когда в парламенте он мужественно восклицает «долой войну!» или когда он публично говорит правду, заявляя, что союзники дерутся для того, чтобы отдать России Константинополь.

Истинно-революционные интернационалисты численно слабы? Рассказывайте! Возьмем в качестве примера Францию 1780 г. и Россию 1900 года. Сознательные и решительные революционеры, которые в первом случае были представителями буржуазии — революционного класса той эпохи, — а во втором случае были представителями революционного класса настоящего времени — пролетариата, были чрезвычайно слабы численно. Это были лишь единицы, составлявшие максимум лишь $\frac{1}{10\,000}$ или даже $\frac{1}{100\,000}$ своего класса. А спустя несколько лет эти самые единицы, это самое, якобы столь ничтожное, меньшинство повело за собою массы, миллионы и десятки миллионов людей. Почему? Потому что это меньшинство представляло действительно интересы этих масс, потому что оно верило в грядущую революцию, потому что оно было готово беззаветно ей служить.

Численная слабость? Но с каких это пор революционеры ставят свою политику в зависимости от того факта, в большинстве ли они или в меньшинстве? Когда в ноябре 1914 г. наша партия объявила о необходимости раскола с оппортунистами*, заявив, что этот раскол будет единственно правильным и достойным ответом на их измену в августе 1914 г., это заявление казалось многим лишь сектантским сумасбродством людей, которые окончательно оторвались от жизни и от действительности. Прошло два года, и — посмотрите, что происходит. В Англии раскол — совершившийся факт; социал-шовинист Гайндман должен был покинуть партию. В Германии раскол развивается у всех на глазах. Организации Берлина, Бремена

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 9—18. Ред.

и Штутгарта имели даже честь быть исключенными из партии... из партии лакеев кайзера, из партии немецких господ Реноделей, Самба, Тома, Гедов и К^о. А во Франции? С одной стороны, партия этих господ заявляет о том, что она остается сторонницей «защиты отечества»; с другой, циммервальдцы заявляют в своей брошюре «Социалисты Циммервальда и война», что «защита отечества» не социалистична. Разве это не раскол?

И как могли бы добросовестно работать бок о бок в одной партии люди, которые после двух лет этого величайшего мирового кризиса дают диаметрально противоположные ответы на самый важный вопрос современной тактики пролетариата?

Взгляните и на Америку — страну, к тому же, нейтральную. Не начался ли и там раскол: в то время как, с одной стороны, Евгений Дебс, этот «американский Бебель», заявляет в социалистической печати, что он признает лишь один вид войны, войну гражданскую за победу социализма, и что он предпочел бы дать себя расстрелять, нежели голосовать хотя бы за один цент на военные расходы Америки (см. «Appeal to Reason»⁸⁶ № 1032, от 11 сентября 1915 г.), в то же время, с другой стороны, американские Ренодели и Самба провозглашают «защиту отечества» и «подготовленность к войне». Американские же Лонге и Прессманы — бедняги! — стремятся помирить социал-шовинистов с революционными интернационалистами.

Два Интернационала уже существуют. Один — Самба-Зюдекума-Гайндмана-Плеханова и К^о и второй — К. Либкнехта, Маклина (шотландский учитель, осужденный английской буржуазией на каторгу за поддержку классовой борьбы рабочих), Хеглунда (шведский депутат, осужденный на каторгу за свою революционную агитацию против войны, бывший в Циммервальде одним из основателей «Циммервальдской левой»), пяти депутатов Государственной думы, осужденных на вечную ссылку в Сибирь за их агитацию против войны и т. д. Это, с одной стороны, Интернационал тех, *которые помогают своим правительствам вести империалистскую войну*, а с другой стороны, Интернационал тех, *которые ведут революционную борьбу против этой войны*. И ни красноречие парламентских болтунов, ни «дипломатия» «государственных мужей»

социализма не смогут объединить эти два Интернационала. Второй Интернационал отжил свой век. Третий Интернационал уже родился. И если он еще не освящен первосвященниками и папами II Интернационала, а, наоборот, проклят ими (см. речи Вандервельда и Стаунинга), это все же не мешает ему приобретать день ото дня новые силы. Третий Интернационал даст возможность пролетариату избавиться от оппортунистов, и он же приведет массы к победе в социальной революции, которая назревает и приближается.

Прежде чем закончить, я должен ответить несколько слов на личную полемику Суварина. Он просит (социалистов, находящихся в Швейцарии) умерить личную критику, направленную против Бернштейна, Каутского, Лонге и т. д. ... Со своей стороны я должен сказать, что я не могу согласиться с этой просьбой. И прежде всего, я укажу Суварину, что я выступаю против «центристов» не с личной критикой, а с критикой политической. Влияния на массы гг. Зюдекумов, Плехановых и т. д. уже не спасешь: их авторитет настолько уже подорван, что повсюду полиции приходится их защищать. Но «центристы» своею пропагандой «единства» и «защиты отечества», своим стремлением к соглашению, своими усилиями прикрыть словами самые глубокие расхождения причиняют величайший ущерб рабочему движению, задерживая окончательное банкротство морального авторитета социал-шовинистов, поддерживая, таким образом, их влияние на массы, оживляя труп оппортунистов II Интернационала. По всем этим соображениям я считаю, что борьба против Каутского и других представителей «центра» является для меня социалистическим долгом.

Суварин, наряду с другими, «обращается к Гильбо, к Ленину, ко всем тем, которые пользуются преимуществом находиться «в стороне от схватки», преимуществом, часто позволяющим здраво судить о людях и делах социализма, но заключающим в себе также, быть может, некоторые неудобства».

Намек прозрачен. В Циммервальде Ледебур высказал эту мысль без обвиняемых, обвиняя нас, «левых циммервальдцев», в том, что мы из-за границы бросаем в массы революционные призывы. Я повторю гражданину Суварину то же, что я сказал Ледебур в Циммервальде.

Минуло 29 лет с тех пор, как я был арестован в России. В продолжение этих 29 лет я не переставал бросать в массы революционные призывы. Я делал это из моей тюрьмы, из Сибири, а позднее — из-за границы. И я часто встречал в революционной печати такие же «намекы», как и в речах царских прокуроров, «намекы», обвинявшие меня в недостатке честности, так как, проживая за границей, я обращаюсь с революционными призывами к массам России. Эти «намекы» со стороны царских прокуроров никого не удивят. Но я признаюсь, что ожидал иных аргументов со стороны Ледебура. Ледебур, вероятно, забыл, что Маркс и Энгельс, когда они писали в 1847 г. свой знаменитый «Коммунистический манифест», также бросали из-за границы революционные призывы германским рабочим! Революционная борьба часто бывает невозможна без эмиграции революционеров. Франция неоднократно проделывала этот опыт. И гражданин Суварин поступил бы лучше, не следуя плохому примеру Ледебура и... царских прокуроров.

Суварин говорит еще, что Троцкий, «которого мы (французское меньшинство) считаем одним из самых крайних элементов крайней левой Интернационала, просто-напросто клеймится Лениным, как повинист. Следует признать, что здесь есть некоторое преувеличение».

Да, конечно, «здесь есть некоторое преувеличение», но не с моей стороны, а со стороны Суварина. Ибо я никогда не клеймил позицию Троцкого, как повинистическую. В чем я его упрекал — это в том, что он слишком часто представлял в России политику «центра». Вот факты. С января 1912 г. раскол в РСДРП существует формально⁸⁷. Наша партия (группирующаяся вокруг ЦК) обвиняет в оппортунизме другую группу, ОК, самые известные вожди которой — Мартов и Аксельрод. Троцкий принадлежал к партии Мартова и покинул ее лишь в 1914 году. В это время наступила война. Думская фракция нашего направления, состоявшая из пяти членов (Муранов, Петровский, Шагов, Бадаев, Самойлов), сослана в Сибирь. Наши рабочие в Петрограде голосуют *против* участия в военно-промышленных комитетах (самый важный практический вопрос для нас; для России он столь же важен, как во Франции вопрос об участии в правительстве). С другой стороны, самые известные и самые влиятельные литераторы ОК — Потресов, Засулич, Левицкий и дру-

гие — высказываются за «защиту отечества» и за участие в военно-промышленных комитетах. Мартов и Аксельрод протестуют и высказываются против участия в этих комитетах, но не порывают со своей партией, одна фракция которой, ставшая шовинистической, соглашается на участие. Поэтому мы и упрекали Мартова в Кинтале в том, что он хотел быть представителем ОК в целом, в то время, как в действительности он может быть представителем лишь одной фракции этого направления. Представительство этой партии в Думе (Чхеидзе, Скобелев и др.) разделилось. Часть этих депутатов — за «защиту отечества», другая — против. Все они — за участие в военно-промышленных комитетах, и они употребляют двусмысленную формулу необходимости «спасения родины», что является, в сущности, лишь иными словами выраженным лозунгом «защиты отечества» Зюдекума и Реноделя. Более того, они никак не протестуют против позиции Потресова (в действительности она аналогична позиции Плеханова; Мартов публично протестовал против Потресова и отказался от сотрудничества в его журнале, потому что тот пригласил Плеханова сотрудничать в нем).

А Троцкий? Порвав с партией Мартова, он продолжает упрекать нас в том, что мы раскольники. Он понемногу двигается влево и предлагает даже порвать с вождями русских социал-шовинистов, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе. А это как раз один из самых важных вопросов. На самом деле, если завтра наступит мир, у нас послезавтра будут новые выборы в Думу. И немедленно перед нами встает вопрос, идем ли мы вместе с Чхеидзе или против него. Мы против этого союза. Мартов — за. А Троцкий? Неизвестно. В 500-х номерах выходящей в Париже русской газеты «Наше Слово», одним из редакторов которой является Троцкий, не было сказано решительного слова. Вот почему мы не согласны с Троцким.

Но дело идет не только о нас. В Циммервальде Троцкий не хотел присоединиться к «Циммервальдской левой». Троцкий с т. Г. Роланд-Гольст представляли «центр». А вот что пишет ныне т. Роланд-Гольст в социалистической голландской газете «Трибуна»³⁸ (№ 159 от 23 августа 1916 г.): «Те, кто, подобно Троцкому и его группе, хотят вести

революционную борьбу против империализма, должны преодолеть последствия эмигрантских разногласий, по большей части носящих в достаточной степени личный характер и разъединяющих крайнюю левую, и должны присоединиться к ленинцам. «Революционный центр» — невозможен».

Я извиняюсь в том, что так много говорил о наших отношениях с Троцким и Мартовым, но социалистическая французская печать говорит об этом довольно часто, и информация, которую она дает читателям, часто очень неточна. Нужно, чтобы французские товарищи были лучше осведомлены о фактах, касающихся социал-демократического движения в России.

Ленин.

*Написано в) второй половине
декабря (ст. ст.) 1916 г.*

*Впервые напечатано с сокращениями
27 января 1918 г. в газете «La Vérité»
№ 48*

*Впервые напечатано полностью на
русском языке в 1929 г. в журнале
«Пролетарская Революция» № 7 (90)*

*Печатается по корректурному
оттиску газеты
Перевод с французского*

ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И КО ВСЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ ⁸⁹

1. С поворотом мировой политики от империалистской войны к открытому выступлению ряда буржуазных правительств за империалистский мир совпадает теперь поворот в развитии мирового социализма.

2. Первый поворот вызывает потоп пацифистских, добреньких и сентиментальных фраз, посулов, обещаний, которыми империалистская буржуазия и империалистские правительства усиливаются одурачить народы и «мирно» перевести их к состоянию послушной расплаты за грабительскую войну, мирно разоружить миллионы пролетариев, полууступочками прикрыть подготавливаемые сделки о дележе колоний и о финансовом (при случае и политическом) удушении слабых наций, — сделки, составляющие содержание грядущего империалистского мира и прямое продолжение существующих теперь, особенно заключенных во время войны, тайных грабительских договоров между *всеми* державами *обеих* воюющих империалистских коалиций.

3*. Второй поворот состоит в «примирении» предавших социализм и перешедших на сторону буржуазного национализма или империализма социал-шовинистов, как течения, с *правым крылом циммервальдистов*, представляемым Каутским и К⁰ в Германии, Турати и К⁰ в Италии, Лонге-Прессман-Меррхейм** во Франции и т. п. Объединяясь на пустых, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих, пацифистских фразах, на деле *прикрывающих*

* Соединить с § 4.

** Мерксим. Ред.

империалистскую политику и империалистский мир, *подкрашивающих* их вместо того, чтобы разоблачать их, эти два течения делают решительный шаг к величайшему обману рабочих, к укреплению господства в рабочем движении прикрытой социалистическими фразами буржуазной рабочей политики, тех вождей и тех привилегированных прослоек рабочего класса, которые помогали правительствам и буржуазии вести грабительскую империалистскую войну, называя это «защитой отечества».

4. Социал-пацифистская политика или политика социал-пацифистской фразы, получившая теперь преобладание в социалистических партиях главных стран Европы (см. выступление Каутского с пятью пацифистскими статьями в немецкой социал-демократической печати и одновременное заявление вождей социал-империализма в Chemnitzer «Volksstimme»* об их полной готовности на мир и единство с каутскианцами на базе пацифистских фраз; пацифистский манифест германской каутскианской оппозиции 7. I. 1917; голосование лонгетистов и Реноделя с К^о совместно на съезде социалистической партии во Франции; Жуо и Мергейма, а также Брутшу, на съезде Confédération Générale du Travail** за резолюции, составленные из обманывающих народ пацифистских фраз; пацифистское такого же рода выступление Турати 17. XII. 1916 и защита его позиции всей социалистической итальянской партией), — эта политика при *всех возможных* условиях подготовляемого мира между теперешними, т. е. *буржуазными* правительствами *обеих* империалистских коалиций означает превращение социалистических и синдикалистских (Жуо и Мергейм) организаций в *орудие* правительственных интриг и тайной империалистской дипломатии.

5. Возможные условия мира, подготовляемого ныне буржуазными правительствами *обеих* империалистских коалиций, определяются на деле теми *изменениями* в отношениях *силы*, которые произвела и может произвести война. Эти изменения в основных и главных чертах следующие: (а) германская империалистская коалиция до сих пор оказалась гораздо сильнее своей соперницы, и занятые германскими, и союзными с ними, войсками земли являются

* — хемницкий «Народный Голос». Ред.

** — Всеобщей конфедерации труда. Ред.

в их руках *залогом* при новом империалистском разделе мира (колоний, слабых стран, сфер влияния финансового капитала и т. п.), который будет лишь формально закреплен миром; (б) английская империалистская коалиция надеется улучшить свое военное положение весной; но (в) истощение, вызванное войной, и *главное* трудность для финансовой олигархии ограбить народы *еще* больше, чем это сделано посредством неслыханных «военных прибылей», вызывает, в связи с боязнью пролетарской революции, стремления некоторых буржуазных кругов закончить войну поскорее сделкой между обеими группами империалистских разбойников; (г) в мировой политике виден поворот от коалиции англо-русской против Германии к коалиции (столь же империалистского характера) германо-русской против Англии, — коалиции, основанной на том, что царизм не в силах завоевать Константинополь, обещанный ему тайными договорами с Францией, Англией, Италией и пр., и стремится вознаградить себя за потери разделом Галиции, Армении и, может быть, Румынии и т. п., а также союзом с Германией для грабежа Азии против Англии; (д) другой крупный поворот в мировой политике состоит в гигантском обогащении, на счет Европы, финансового капитала Соединенных Штатов Америки, который увеличил за самое последнее время свои вооружения (как и японский империализм, хотя гораздо более слабый) в неслыханных размерах и который очень рад отвлечь от этих вооружений внимание «своих» рабочих посредством дешевых пацифистских фраз *насчет... Европы!*

6. Эту объективную политическую ситуацию, эту империалистскую действительность буржуазия, боясь пролетарской революции, вынуждена всячески пытаться прикрыть и прикрасить, отвлечь от нее внимание рабочих, одурачить их, и лучшим средством являются ни к чему не обязывающие, лицемерные, обычные для насквозь изолгавшейся дипломатии, фразы *насчет* «демократического» мира, свободы малых народов «вообще», «ограничения вооружений» и т. п. Такое одурачение народов тем легче совершается империалистской буржуазией, что, говоря, напр., о «мире без аннексий», *всякая* буржуазия имеет в виду аннексии своего *соперника* и «скромно умалчивает» об аннексиях, *уже* произведенных *ею* *самою*. Германцы «забывают», что аннексией их *фактически*

является не только Константинополь, Белград, Бухарест, Брюссель, но и Эльзас-Лотарингия, часть Шлезвига, прусская Польша и т. п. Царизм и его лакеи, империалистские буржуа России (Плеханов и Потресов с К^о в том числе, т. е. большинство партии ОК в России) «забывают», что аннексией России является не только Эрзерум и часть Галиции, но и Финляндия, Украина и т. п. Французские буржуа «забывают», что они вместе с англичанами ограбили колонии Германии. Итальянские буржуа «забывают», что они грабят Триполи, Далмацию, Албанию и т. д. без конца.

7. При таком объективном положении вещей очевидной и безусловной задачей всякой искренней социалистической, всякой честной пролетарской политики (не говоря уже о сознательно-марксистской политике) является в первую голову и прежде всего последовательное, систематическое, смелое, безоговорочное *разоблачение пацифистского и демократического лицемерия своего правительства и своей буржуазии*. Без этого все фразы о социализме, синдикализме, интернационализме — один сплошной обман народа, ибо разоблачать аннексии своих империалистских соперников (все равно, называются ли прямо эти последние или только подразумеваются молча, посредством фраз против аннексий «вообще» и т. п. «дипломатических» приемов сокрытия своих мыслей) составляет прямой интерес и прямой гешефт *всех* продажных журналистов, всех империалистов, в том числе переряженных социалистами, каковы Шейдеман и К^о, Самба и К^о, Плеханов и К^о и пр.

8. Этой прямой своей обязанности совершенно не поняли Турати и К^о, Каутский и К^о, Лонге и Мергейм и К^о, которые представляют целое течение в международном социализме и которые *на деле, объективно*, — каковы бы ни были их добродетельнейшие намерения — просто помогают каждый «своей» империалистской буржуазии *одурачивать* народы, *подкрашивать* ее империалистские цели. Эти социал-пацифисты, т. е. социалисты на словах, проводники буржуазно-пацифистского лицемерия на деле, играют ныне совершенно такую же роль, которую в течение веков играли христианские попы, прикрашивая фразами о любви к ближнему и о заповедях Христа политику угнетающих классов, рабовладельцев, феодалов, капиталистов, *примиряя* угнетенные классы с их господством.

9. Политика, не обманывающая рабочих, а открывающая им глаза, должна состоять в следующем:

(а) Социалист каждой страны должен именно теперь, когда на очередь встал вопрос о мире, энергичнее, чем вообще, разоблачать непременно *свое* правительство и *свою* буржуазию, разоблачать заключенные и заключаемые ими тайные договоры со *своими* империалистскими союзниками о дележе колоний, о разделе сфер влияния, о совместных финансовых предприятиях в других странах, о скупке акций, о монополиях, концессиях и т. п.

Ибо в этом и *только* в этом состоит та реальная, действительная, не лживая *основа*, суть, подготовляемого империалистского мира, все остальное — обман народа. Не тот стоит за демократический мир, без аннексий и т. п., кто клянется и божится, повторяя эти слова, а тот, кто *на деле* разоблачает именно *свою* буржуазию, своими *делами* разрушающую эти великие принципы истинного социализма и истинной демократии.

Ибо всякий парламентарий, редактор, секретарь рабочего союза, журналист, общественный деятель *всегда* может собрать скрываемый правительством и финансистами материал, содержащий *правду* о реальных основах империалистских сделок, и *невыполнение* этого долга социалистами есть *измена* с их стороны социализму. Нет сомнения, что *ни одно* правительство не разрешит свободно печатать разоблачения его действительной политики, его договоров, финансовых сделок именно теперь и т. п. Это не довод за отказ от разоблачений. Это довод за необходимость от холопского подчинения цензуре перейти к вольному, т. е. бесцензурному, т. е. нелегальному издательству.

Ибо социалист *другой* страны не может разоблачать правительство и буржуазию государства, воюющего с *его* нацией, не только в силу незнания языка, истории, особенностей народа и пр., но и в силу того, что *подобное* разоблачение является *империалистской* интригой, а не *интернационалистским* долгом.

Не тот интернационалист, кто клянется и божится, что он интернационалист, а только тот, кто действительно по-интернационалистски борется со *своей* буржуазией, со *своими* социал-шовинистами, со *своими* каутскианцами.

(б) Социалист каждой страны должен больше всего подчеркивать теперь в своей агитации необходимость полного недоверия не только к каждой политической фразе *своего* правительства, но и к каждой политической фразе *своих* социал-шовинистов, на деле служащих этому правительству.

(в) Социалист каждой страны должен больше всего разъяснять массам ту бесспорную истину, что действительно прочный, действительно демократический (без аннексий и т. д.) мир может быть заключен теперь *лишь* при условии, что его будут заключать *не* теперешние и вообще *не буржуазные* правительства, а *пролетарские* правительства, свергнувшие господство буржуазии и приступившие к ее экспроприации.

Война доказала особенно наглядно и притом практически ту истину, которая до войны повторялась всеми вождями социализма, ныне перешедшими к буржуазии, именно, что современное капиталистическое общество, по крайней мере в передовых странах, вполне созрело для перехода к социализму. Если в интересах напряжения сил народа для грабительской войны пришлось, напр., Германии направлять всю хозяйственную жизнь 66-ти-миллионного народа *из одного центрального учреждения* в интересах сотни-другой финансовых магнатов или дворянчиков, монархии и К^о, то *эту вещь* в интересах $\frac{9}{10}$ населения вполне могут сделать неимущие массы, если руководить их борьбой будут сознательные рабочие, освобождаясь от влияния социал-империалистов и социал-нацифистов.

Вся агитация за социализм должна быть из абстрактной и общей переделана в конкретную и непосредственно практичную: сделайте, экспроприруя банки, опираясь на массу и в ее интересах, *то самое*, что *WUMBA** делает в Германии!

(г) Социалист каждой страны должен разъяснять массам ту бесспорную истину, что, если брать слова о «демократическом мире» всерьез, искренне и честно, а не употреблять их как *христианскую* лживую фразу, прикрывающую *империалистический* мир, то рабочие *только* одним

* — Waffen und Munitionbeschaffungsamt — Ведомство снабжения оружием и боевыми припасами. Ред.

способом могли бы действительно *теперь же* действительно осуществить такой мир, именно: *повернув оружие против своего правительства* (т. е. выполняя совет Карла Либкнехта, осужденного за это на каторгу и сказавшего иными словами то, что наша партия в своем манифесте от 1. XI. 1914 г.* назвала превращением империалистской войны в гражданскую войну пролетариата против буржуазии за социализм).

Когда Базельский манифест 24. XI. 1912, подписанный всеми социалистическими партиями и имевший в виду именно *ту самую войну*, которая и наступила, грозил правительствам *«пролетарской революцией»* именно в связи с грядущей войной, когда он ссылался на Парижскую Коммуну, он говорил правду, от которой ныне трусливо отрекаются изменники социализма. Ибо если парижские рабочие в 1871 году могли использовать прекрасное вооружение, данное им в руки Наполеоном III в его цезаристских целях, чтобы сделать попытку, геройскую и чествуемую социалистами всего мира, попытку свержения буржуазии и завоевания власти для осуществления социализма, — то в 1 000 раз более осуществима, возможна и обещала бы надежды на успех подобная попытка теперь, когда гораздо большее число более организованных, более сознательных рабочих нескольких стран имеет в своих руках гораздо лучшее вооружение и когда массы с каждым днем просвещаются и революционизируются ходом войны. И главным препятствием к началу систематической пропаганды и агитации в этом духе во всех странах является теперь вовсе не «усталость масс», на которую ложно есылаются Шейдеманы плюс Каутский и т. п. — «массы» не устали еще стрелять и будут стрелять еще весной в больших размерах, если их классовые враги не столкнутся о дележе Турции, Румынии, Армении, Африки и пр., — главным препятствием является *доверие* части сознательных рабочих к социал-империалистам и социал-пацифистам и разрушение доверия к этим течениям, *идеям*, видам *политики*, должно стать главной задачей дня.

Насколько осуществима с точки зрения *настроения* самых широких масс такая попытка, может *доказать*

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 9—18. Ред.

только приступ, самый решительный, повсеместный, самый энергичный, к подобной агитации и пропаганде, поддержка, самая искренняя и беззаветная, всех революционных проявлений растущего озлобления масс, тех стачек и демонстраций, которые заставляют представителей буржуазии в России прямо признавать, что революция идет, и которые заставили Гельфериха сказать в рейхстаге: «Лучше держать в тюрьме левых социал-демократов, чем видеть трупы на Потсдамской площади», т. е. признать, что у агитации левых *есть почва в массах*.

Во всяком случае, альтернатива, которую социалисты ясно должны ставить перед массами, такова: либо продолжать избивать друг друга ради прибылей капиталистов, сносить дороговизну, голод и иго миллиардных долгов и комедию прикрытого демократическими и реформаторскими посулами империалистского перемирия, либо восстание против буржуазии.

Революционная партия, которая открыто перед всем миром грозила правительствам «пролетарской революцией» в случае наступления именно *такой* войны, которая наступила, эта партия морально убивает себя, если не дает рабочим и массам совета направить все помыслы и все усилия на восстание, когда массы превосходно вооружены, великолепно обучены военному искусству и истомлены сознанием нелепости, преступности той империалистской бойни, которой они до сих пор помогают.

(д) Социалисты должны во главу угла своей работы поставить борьбу с реформизмом, который всегда развращал революционное рабочее движение буржуазными идеями и который принял теперь несколько особую форму. Именно: он «опирается» на реформы, которые должна будет провести буржуазия после войны! он ставит вопрос так, будто, проповедуя, пропагандируя, подготавливая социалистическую революцию пролетариата, мы «*спускаем из виду*» «практическое», «*теряем*» шансы на реформы.

Вся эта постановка вопроса, обычная и у социал-шовинистов и у сторонников Каутского, который мог назвать «авантюрой» уличные демонстрации, в корне ненаучна, фальшива, буржуазно лжива.

За время войны мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу

от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде. Экономические реформы в этом направлении неизбежны.

В области политики империалистская война доказала, что именно с точки зрения империалистов *иногда* гораздо выгоднее иметь союзником маленькую, политически самостоятельную, финансово зависимую нацию, чем рисковать ирландскими или чешскими «инцидентами» (т. е. восстаниями или переходом целых полков на сторону неприятеля) во время войны. Вполне возможно поэтому, что наряду с политикой прямого удушения мелких наций, от которой империализм никогда не сможет отказаться совершенно, он проведет в отдельных случаях политику «добровольного» (т. е. только финансовым удушением вызванного) союза с новыми маленькими национальными государствами или убудюнками государств, вроде Польши.

Отсюда отнюдь не вытекает, что социал-демократы, не изменяя себе, могут «голосовать» за подобные «реформы» империалистов или присоединяться к ним.

Только буржуазные реформисты, на позицию которых по сути дела перешли Каутский, Турати, Мергейм, ставят вопрос так: *или* отказ от революции и тогда реформы *или* никаких реформ.

Весь опыт мировой истории, как и опыт русской революции 1905 года, учит нас обратному: *либо* революционная классовая борьба, побочным продуктом которой *всегда* бывают реформы (в случае неполного успеха революции) *либо* никаких реформ.

Ибо *единственной действительной* силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс, притом не такая, которая остается только на бумаге, как это было с II Интернационалом, а которая ведет к все-сторонней революционной пропаганде, агитации и организации масс самими партиями, идущими во главе, а не в хвосте революции.

Только открыто провозглашая революцию, удаляя из рабочих партий всех противников или «скептических» допускателей ее, только делая *всю* работу партий революционной, социал-демократия в такие «критические» эпохи мировой истории, как теперь, может гарантировать массам *либо* полный успех их дела, в случае поддержки революции очень широкими массами, *либо* реформы,

т. е. уступки буржуазии, в случае неполного успеха революции.

Иначе, при политике Шейдеманов и Каутских, нет *никаких* гарантий, что реформы не будут сведены до ноля или осуществлены при таких полицейски-реакционных ограничениях, которые *исключают* возможность для пролетариата опереться дальше на них в своей повторной борьбе за революцию.

(е) Социалисты должны серьезно принять к исполнению лозунг Карла Либкнехта. Сочувствие *масс* этому имени одна из *гарантий* возможности и надежности революционной работы. Отношение Шейдемана и К^о, Каутского и К^о к этому имени есть образец лицемерия, *на словах* кланяющегося «Либкнехтам всех стран», *на деле* борющегося с тактикой Либкнехта.

Либкнехт порвал не только с Шейдеманами (Реноделями, Плехановыми, Биссолати), но и с *течением* Каутского (Лонге, Аксельрода, Турати).

Либкнехт провозгласил еще в своем письме в *Partei-vorstand** от 2 октября 1914 г.:

«Ich habe erklärt, dass die deutsche Partei, nach meiner innersten Ueberzeugung, von der Haut bis zum Mark *regeneriert* werden muss, wenn sie das Recht nicht verwirken will, sich sozialdemokratisch zu nennen, wenn sie sich die jetzt gründlich verscherzte Achtung der Welt wiedererwerben will» («Классенkampf gegen den Krieg! Material zum «Fall Liebknecht». Seite 22). (Geheim gedruckt in Deutschland: «Als Manuskript gedruckt»)**.

Все партии должны принять этот лозунг Либкнехта, и смешно, конечно, было бы думать о возможности выполнить этот лозунг без исключения из партии Шейдеманов, Ленинов, Реноделей, Самба, Плехановых, Вандервельде и К^о, или без разрыва с политикой уступок направлению Каутского, Турати, Лонге, Мергейма.

* — правление партии. *Ред.*

** — «Я заявил, что германской партии, по моему глубочайшему убеждению, нужна *регенерация* сверху донизу, если она не хочет потерять права называться социал-демократической, если она намерена восстановить свой, в настоящее время основательно потрепанный, престиж в глазах мира» («Классовая борьба против войны! Материалы к «Делу Либкнехта». Стр. 22). (Конспиративно напечатано в Германии: «Напечатано на правах рукописи.») *Ред.*

* * *

10. Мы предлагаем, поэтому, созыв конференции циммервальдцев и ставим следующие предложения этой конференции:

(1) Решительно, безоговорочно отвергнуть, как буржуазный реформизм (на основе вышеизложенных тезисов), социалистический пацифизм определенного направления: Лонге-Мергейма, Каутского, Турати и т. д., который принципиально отвергнут уже в Кинтале и должен быть отвергнут в его конкретной защите названными представителями течений.

(2) Объявить столь же решительный разрыв с социалшовинизмом и в организационном отношении.

(3) Указать рабочему классу его непосредственные и неотложные революционные задачи именно в связи с истощением терпения масс войной и ложью прекраснодушных пацифистских фраз буржуазии.

(4) Открыто признать и осудить полный разрыв со всем духом и всеми решениями Циммервальда и Кинтала как политики итальянской социалистической партии, вставшей именно на путь пацифизма, так и политики швейцарской социал-демократической партии, вотировавшей допустимость косвенных налогов в Цюрихе, 4. XI. 1916, проведенной 7. I. 1917, благодаря союзу «центровика» Р. Гримма с социал-патриотами Грейлихом, Г. Мюллером и К^о, отсрочку на неопределенное время специального партийного съезда, назначенного на 11. II. 1917 для обсуждения военного вопроса, и сносящей ныне молча прямой ультиматум тех же социал-патриотических вождей, открыто грозящих сложить мандаты, если партия отклонит защиту отечества.

Печальный опыт II Интернационала достаточно показал глубокий вред той практики, когда «общие», в общих фразах формулированные революционные решения сопровождаются на деле реформистской практикой, — когда прокламирование интернационализма сопровождается отказом от действительно интернационалистского совместного обсуждения коренных вопросов тактики каждой отдельной партии, составляющей часть интернационального объединения.

Наша партия уже перед Циммервальдом и на конференции в Циммервальде сочла долгом ознакомить

товарищей с нашим бесповоротным осуждением пацифизма, абстрактной проповеди мира, как буржуазного обмана (резолюция нашей партии, розданная в Циммервальде по-немецки в брошюре «Социализм и война»* и по-французски в листке с переводом резолюций). *Циммервальдская левая*, в образовании которой мы принимали участие, организовалась отдельно в том же Циммервальде именно для того, чтобы показать, что мы поддерживаем циммервальдское объединение, *поскольку* оно борется с социал-шовинизмом.

Именно теперь окончательно обнаружилось, по нашему глубокому убеждению, что циммервальдское большинство или циммервальдская правая *вполне* повернула не к борьбе с социал-шовинизмом, а к сдаче всех позиций, к слиянию с ним на платформе пустых пацифистских фраз. И мы считаем своим долгом заявить открыто, что поддержка иллюзий насчет единства Циммервальда и борьбы его за III Интернационал при таких условиях наносит величайший вред рабочему движению. Не как «угрозу» и не как «ультиматум», а как открытое сообщение своего решения мы заявляем, что при неизменности этого положения мы не останемся членами циммервальдского объединения.

*Написано до 25 декабря 1916 г.
(7 января 1917 г.)*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

Печатается по рукописи

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 137—142. Ред.

В. А. КАРПИНСКОМУ ⁹⁰

Дорогие товарищи!

Посылаю *важнейшее* сообщение.

Обсудите сами и передайте потом Бриллианту и Гильбо: вот где решится вопрос, *за* кого они и *кто* они: трусы или способные бороться.

Вся борьба теперь будет перенесена сюда.

Черкните, как они отнеслись и есть ли шансы на издание протеста или открытого письма.

Надо использовать то, что *Нэн* — бесспорный авторитет во французской Швейцарии.

Лучшие приветы Ваш

В воскресенье, 7. I. 1917, состоялось в Цюрихе заседание правления (Partei Vorstand) Швейцарской социалистической партии.

Принято позорное решение — отложить на неопределенное время партийный съезд, назначенный на 11. II. 1917 в Берне специально для обсуждения военного вопроса. Мотивы: надо бороться с дороговизной; рабочие не готовы; в комиссии не получилось единогласия и т. п. прямо издевательские над партией мотивы. (В комиссии уже изготовлены и *конфиденциально напечатаны* два проекта: Аффольтера, Нобса, Шмида, Нэна и Грабера *против* защиты отечества; Г. Мюллера, Пфлюгера, Huber'a и Klöti * *за* защиту отечества.)

* — Губера и Клётт. *Ред.*

Заседание 7. I. было очень бурное. *Гримм* шел во главе правых, т. е. оппортунистов, т. е. националистов, кричал подлейшие фразы против «иностранцев», против *молодых*, обвинял в «расколе» (!!!) и т. п. Против откладывания съезда говорили *твердо* Нэн, Платтен, Нобс, Мюнценберг. Нэн прямо заявил Гримму, что он режет себя как «интернационального секретаря»!

Принятое решение означает полную измену Гримма и *издевку над партией* со стороны оппортунистических вождей, социал-националистов. *Все* циммервальд-кинтальское объединение и действие *фактически* превращено в фразу кучкой вождей (Гримм в том числе), грозящих сложить мандаты (Sic!!*), если пройдет отказ от защиты отечества и решивших *не допускать* этого вопроса до обсуждения «чернью» партий до конца войны. «Grütli-пер»⁹¹ (от 4. I. и от 8. I.) говорит *правду*, давая пощечины *такой* партии.

Вся борьба левых, вся борьба за Циммервальд и Кинталь перенесены теперь на иную почву: борьба против этой шайки вождей, оплевавших партию. Надо всюду собрать левых и обсудить способы борьбы. Спешите!

Не будет ли лучшим способом борьбы (нельзя терять ни минуты) провести сейчас же в La Chaux-de-Fonds** и в Женеве резолюции протеста плюс открытые письма к Нэну и тотчас издать их. Нет сомнения, что «вожди» пустят в ход все пружины, чтобы не пустить протеста в газеты.

В открытом письме рассказать прямо все рассказанное здесь и в упор поставить вопрос (1) опровергает ли Нэн эти факты? (2) считает ли он, что *терпимо* в демократической партии социалистов отменять решение съезда решением правления? — (3) что *терпимо* — прятать от партии голосования и *речи* предателей социализма на заседании 7. I. 1917? — (4) что *терпимо* — мириться с таким председателем Internationale Sozialistische Kommission*** (Гриммом), который левые фразы соединяет с помощью швейцарским националистам, противникам Циммервальда, «защитникам отечества», Пфлюгеру, *Huber'у* и К^о, в деле фактического *срыва* решений Циммерваль-

* — Так!! Ред.

** — Ла Шо-де-Фон. Ред.

*** — Международной социалистической комиссии. Ред.

да? — (5) что терпимо ругать в «Berner Tagwacht»* социал-патриотов немецких, тайком помогая социал-патриотам швейцарским? и т. д.

Повторяю: в газеты не пустят. Это ясно. Напечатать открытое письмо именно к Нэню от имени какой-либо группы есть лучший способ. Если это возможно, спешите и отвечайте без промедления.

*Написано 26 декабря 1916 г.
(8 января 1917 г.)*

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

* — «Бернский Часовой». Ред.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ШАРЛЮ НЭНУ, ЧЛЕНУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В БЕРНЕ

Уважаемый товарищ! Выступление господина национального советника Роберта Гримма 7 января тек. г. на заседании правления партии вместе со всеми социал-националистами и в значительной степени во главе их за резолюцию об отсрочке партийного съезда переполняет чашу терпения и окончательно разоблачает г-на национального советника Р. Гримма.

Председатель Международной социалистической комиссии, выбранной в Циммервальде, председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций, самый «авторитетный» представитель перед всем миром всего циммервальдского объединения, выступает вместе с социал-патриотами и во главе их, как прямой изменник Циммервальду, выступает с предложением сорвать партийный съезд, давно и специально назначенный для решения — в самой свободной и, по условиям места и времени, самой интернационально влиятельной стране Европы — для решения вопроса о защите отечества в империалистской войне!!

Можно ли молчать? можно ли сохранять спокойствие пред лицом такого факта, который навсегда опозорил бы, навсегда превратил бы в комедию все циммервальдское движение, если бы с г-на национального советника Р. Гримма не была сорвана маска?

Швейцарская социалистическая партия — единственная из европейских социалистических партий, которая прямо и официально, на открытом съезде, без помехи военной цензуры и военных властей примкнула к Циммервальду, поддержала его, дала двух членов Международной социа-

листической комиссии, выступила перед всем миром, как главная представительница циммервальдского движения, если не говорить об итальянской партии, поставленной в неизмеримо более трудные условия вследствие гнета военного положения. И вот, в швейцарской социалистической партии, которая на своем съезде в Цюрихе, 4—5. XI. 1916, окончательно решила — после проволочек, вызванных, между прочим, борьбой против откровенных социал-патриотов, только осенью 1916 г. отколовшихся от партии в особый Grütli-Verein*, — решила созвать особый партийный съезд в феврале 1917 г. в Берне для решения военного вопроса и вопроса о защите отечества, — в этой партии нашлись люди, которые решили не допустить этого съезда, сорвать его, не дать рабочим самим, и притом именно во время войны, обсудить и решить вопрос об отношении к военщине и к защите отечества.

И во главе этих людей, политика которых бьет в лицо всему циммервальдскому движению, оказался председатель Международной социалистической комиссии!

Разве это не полная измена Циммервальду? Разве это не *оплевание* всех циммервальдских решений?

Стоит взглянуть хотя бы на некоторые из тех мотивов, которыми официально объясняется отсрочка съезда, чтобы понять все значение этой меры.

«Рабочие, видите ли, не готовы» еще решать этот вопрос!

Во всех манифестах, во всех резолюциях Циммервальда и Кинталя говорится много и много раз о том, что защита отечества в империалистской войне, войне между двумя империалистскими коалициями, войне из-за грабежа колоний и удушения слабых наций есть измена социализму все равно, относится ли это к «великим державам» или к маленьким нациям, сохранившим до поры до времени свою нейтральность. На десятки ладов повторяется эта мысль во всех официальных документах Циммервальда и Кинталя. В сотнях статей и заметок все социалистические газеты Швейцарии и особенно «Berger Tagwacht»**, редактируемая г-ном национальным советником Р. Гриммом, жевала и пережевывала эту мысль. В заявлениях симпатии К. Либкнехту, Хёггунду, Маклину и т. п. сотни

* — Грютли-союз. Ред.

** — «Бернский Часовой». Ред.

раз подчеркивалось общее всем циммервальдцам убеждение, что эти люди *верно* поняли положение и интересы *массы*, что сочувствие именно *массы*, т. е. большинства угнетенных и эксплуатируемых, на *их* стороне, что пролетарии своим классовым инстинктом — всюду, и в «великой» воюющей Германии, и в маленькой нейтральной Швеции — схватывают ту истину, что защита отечества в империалистской войне есть *измена социализму*.

А теперь председатель Международной социалистической комиссии, при восторженном одобрении и горячей поддержке всех *определенных* представителей социал-патриотизма внутри швейцарской социалистической партии, Н. Greulich'a, P. Pflüger'a, Huber'a, Manz-Schäppi* и т. д. и т. п., выступает с лицемерным и лживым доводом, будто съезд партии откладывается, ибо «рабочие не готовы».

Это — возмутительное, непереносное лицемерие и ложь. Всем известно — и газета «Grütliener»** открыто печатает эту горькую правду — что съезд откладывают потому, что названные социал-патриоты *боятся* рабочих, *боятся* рабочего решения против защиты отечества, *грозят* сложить свои мандаты в нац.-рате, если пройдет решение об отказе от защиты отечества. Социал-патриотические «вожди» швейцарской социалистической партии, стоящие и по сию пору, 2¹/₂ года спустя после начала войны, за «защиту отечества», т. е. за *защиту* империалистской буржуазии той или другой коалиции, эти вожди решили *сорвать съезд*, сорвать волю швейцарских социалистических рабочих, не позволить им обсудить во время войны, определить свое отношение к войне, к «защитникам отечества», т. е. к лакеям империалистской буржуазии.

Вот в чем настоящая, всем прекрасно известная, причина отсрочки съезда, вот в чем измена Циммервальду председателя Международной социалистической комиссии, перебежавшего на сторону социал-патриотов швейцарской социалистической партии *против* швейцарских сознательных рабочих!

Вот в чем горькая правда, которую уже высказал откровенно-социал-патриотический «Grütliener», между

* — Г. Грейлиха, П. Пфлюгера, Губера, Манц-Шепши. *Ред.*

** — «Грютльянец». *Ред.*

прочим всегда наилучше осведомленный о том, что думают и делают *грютлианерские* вожди, Грейлих, Пфлюгер, Huber, Manz-Schäppi и К^о, *внутри* социалистической партии, — между прочим, писавший *за три дня* до заседания 7. I. 1917 года:*

Другой «официальный» мотив отсрочки съезда: комиссия, специально выбранная в декабре или даже ноябре 1916 г. для составления резолюций по военному вопросу, «не пришла к единогласию»!

Точно Grimm и К^о не знали раньше, что единогласие *невозможно* по такому вопросу в швейцарской социалистической партии, если в ней остаются, не переходя в социал-патриотическую грютли-партию, такие «вожди», как Грейлих, Пфлюгер, Г. Мюллер, Губер, Манц-Шеппи, Отто Ланг и прочие, *вполне* разделяющие социал-патриотическую точку зрения «Грютли-союза» и лишь *обманывающие* социалистических рабочих своим участием в *социалистической* партии!

Точно летом 1916 года Grimm и К^о не видели ясно, что единогласия нет и быть не может по вопросу о защите отечества, ибо летом 1916 г. были напечатаны *социал-патриотические* тезисы Пфлюгера, Г. Мюллера и др., а Grimm, разумеется, *тысячи раз не мог не видеть* в *National-Rath'e*** социал-патриотических взглядов Грейлиха и К^о, если не большинства членов социал-демократической фракции в *National-Rath'e*!

Grimm и К^о желают обманывать социалистических рабочих Швейцарии. Поэтому, назначая комиссию, они *не опубликовали* имен ее членов. А «Grütlianer» сказал *правду*, опубликовав эти имена и добавив, как само собою разумеющуюся, истину, всем известную истину, что единогласного решения *подобная* комиссия вынести не может!

Чтобы обманывать рабочих, Grimm и К^о *не приняли* постановления *немедленно* опубликовать резолюций комиссии, *скрывая* от рабочих правду. А резолюции давно готовы и *даже конфиденциально напечатаны*!!

Как и следовало ожидать, имена Huber, Pflüger, Klöti, G. Müller*** значатся под резолюцией, *признающей*

* Здесь в рукописи пропуск. *Ред.*

** — Национальном совете. *Ред.*

*** — Губер, Пфлюгер, Клёти, Г. Мюллер. *Ред.*

«защиту отечества», т. е. оправдывающей *измену социализму* во время войны, империалистский характер которой разоблачен уже 1000 раз!! Имена Nobs, Affolter, Schmid, Naine, Graber* значатся под резолюцией, *отвергающей «защиту отечества»*.

Посмотрите же, какую бесстыдную, бессовестную игру с социалистическими рабочими ведут Гримм и социал-патриоты:

Они кричат, что рабочие не готовы, и кричат это как раз тогда, когда *сами же эти вожди скрывают* от рабочих *уже готовые резолюции*, определенно ставящие перед рабочими два круга идей, *две непримиримые политики*, политику социал-патриотическую и политику циммервальдскую!!

Гримм и социал-патриоты — бессовестные обманщики рабочих, ибо они именно и решили сорвать съезд, не публиковать резолюций, не дать рабочим открыто взвесить и обсудить обе политики, и они же кричат о «неподготовленности» рабочих!

Другие «официальные» доводы за отсрочку съезда: надо бороться с дороговизной, надо вести выборную кампанию и т. п.

Эти доводы — просто издевательство над рабочими. Кто же не знает, что мы — социал-демократы не против борьбы за реформы, но в отличие от социал-патриотов, в отличие от оппортунистов и реформистов *мы не ограничиваемся борьбой за реформы, а подчиняем ее борьбе за революцию?* Кто не знает, что именно эта политика изложена неоднократно в манифестах Циммервальда и Кинтала? Мы не против выборов и реформ для ослабления дороговизны, но *на первую очередь* мы ставим открытое заявление перед массами *правды*, именно: что *нельзя* преодолеть дороговизны иначе как экспроприруя банки и крупные предприятия, т. е. совершая социальную революцию.

А к чему зовет пролетариат *каждый* манифест циммервальдского объединения *в ответ на войну? в связи с войной?*

К революционной массовой борьбе, к обращению оружия против врага в собственной стране (см. последнее обраще-

* — Нобс, Аффольтер, Шмид, Нэп, Грабер. *Ред.*

ние Internationale Sozialistische Kommission «an die Arbeiterklasse»*, от конца декабря 1916 г.), т. е. к обращению оружия против *своей* буржуазии, *своего* правительства.

Неужели не ясно отсюда для всякого, сколько-нибудь умеющего думать, человека, что именно политика *отказа* от защиты отечества *связана* с действительно революционной, с действительно социалистической борьбой против дороговизны? с действительно социалистическим, а не буржуазно-реформистским, использованием выборной кампании?

Неужели не ясно, что именно социал-патриотическая политика, политика «защиты отечества» в империалистской войне, есть политика *реформизма*, т. е. буржуазно-реформистской, а не социалистической борьбы с дороговизной, борьбы во время выборной кампании?

Как же можно *«откладывать»* съезд, решающий вопрос о «защите отечества» (т. е. о выборе *между* социал-патриотической и социалистической политикой), «под предлогом» борьбы с дороговизной и т. п.? Этим фальшивым, лживым доводом Гримм и социал-патриоты хотят *затушевать* от рабочих ту правду, что они и борьбу с дороговизной и выборы и пр. хотят проводить в буржуазно-реформистском, а не в циммервальдском духе?

6-го августа 1916 в Цюрихе Гримм выступал перед 115 Arbeitervertrauensleute aus der ganzen Schweiz** и он развил перед ними именно буржуазно-реформистскую и только реформистскую борьбу с дороговизной! Гримм «твердую поступью» идет к *своей цели*: к сближению с социал-патриотами *против* социалистических рабочих, *против* Циммервальда.

Но что особенно отвратительно при этом, так это то, что Гримм *прикрывает* свой переход на сторону социал-патриотов *усиленной* бранью против социал-патриотов *неишвейцарских*. Вот где один из самых глубоких корней измены Гримма, вот где один из самых глубоких источников всей той политики обмана, которую вскрыло 7-ое января 1917 года.

Посмотрите на «*Berner Tagwacht*»: каких только ругательных слов не расточала эта газета по адресу социал-патриотов русских, французских, английских, немецких,

* — Международной социалистической комиссии «к рабочему классу». *Ред.*

** — доверенными лицами от рабочих со всей Швейцарии. *Ред.*

австрийских, одним словом всех... кроме швейцарских! Гримм договорился до того, что назвал немецкого социал-патриота Эберта, члена Parteivorstand'a* германской социал-демократической партии «einen Rausschmeisser in einem Bordell»** («Bernener Tagwacht» №... от...).

Не правда ли, какой храбрец этот Гримм? Какой рыцарский воин этот Гримм? Как мужественно нападает он из Берна на социал-патриотов... в Берлине! Как благородно этот рыцарь *умалчивает* о социал-патриотах... в Берне и в Цюрихе!

Но чем же отличается Эберт в Берлине от Грейлиха, Манц-Шеппи, Пфлюгера в Цюрихе? от Густава Мюллера, Шнеебергера, Дюрра в Берне? *Решительно ничем. Они все — социал-патриоты.* Они все стоят на совершенно одинаковой принципиальной позиции. Они все проводят в массу идеи не социалистические, а «грютлиановские», т. е. реформистские, националистские, буржуазные.

Когда Гримм летом 1916 г. составил свои тезисы по военному вопросу и составил их умышленно длинно и неясно, надеясь обмануть и левых и правых, надеясь «сыграть» на расхождении тех и других, он закончил эти тезисы следующей фразой:

«Органы партии и профессиональных союзов должны войти в соглашение между собой» (именно на случай угрозы войной и необходимости революционных массовых действий).

Но кто стоит во главе профессиональных союзов Швейцарии? Между прочим именно Шнеебергер и Дюрр, которые оба подписывали летом 1916 года газету «Schweizerische Metallarbeiterzeitung»*** как редакторы, вели эту газету в реакционном, реформистском, социал-патриотическом духе, *прямо* заявляя, что они за «защиту отечества», *прямо* восставая против *всей* политики Циммервальда?

А во главе швейцарской социалистической партии, как доказало еще и еще раз 7-ое января 1917 года, стоят социал-патриоты Грейлих, Пфлюгер, Манц-Шеппи, Губер и т. д. и т. п.

Итак, что же мы получаем?

* — правления партии. *Ред.*

** — «вышибалой публичного дома». *Ред.*

*** — «Газета Швейцарских Рабочих Металлистов». *Ред.*

Мы получаем, что Гримм в своих тезах предлагал партии поручить руководство революционных массовых действий *против войны как раз* социал-патриотам, Шнеебергерам, Дюррам, Грейлихам, Пфлюгерам и К^о! Как раз *противникам* таких действий, как раз *реформистам*!!

Теперь, после 7 января 1917 года, вся «тактика» Гримма разоблачена до конца.

Он хочет считаться вождем левых, председателем Интернациональной социалистической комиссии, представителем и руководителем циммервальдистов, он обманывает рабочих какими угодно «рреволюционными» фразами, *на деле прикрывая* ими старую, социал-патриотическую, буржуазно-реформистскую практику партии.

Он клянется и божится, что он сочувствует К. Либкнехту, Хёглунду и т. п., что он *их* сторонник, что он *их* политику проводит.

Но К. Либкнехт в Германии, Хёглунд в маленькой нейтральной Швеции боролись *не с иностранными, а с* своими собственными социал-патриотами, они напали на реформистов и националистов у себя в Берлине, у себя в Стокгольме, а не в других странах. Они спискали себе своим беспощадным разоблачением социал-патриотов почетную ненависть *берлинских и стокгольмских* Грейлихов, Пфлюгеров, Шнеебергеров, Дюрров.

Неужели трудно понять, что когда французские шовинисты хвалят немца Либкнехта, а немецкие англичанина Маклина, то они поступают как мошенники, желая «интернационалистскими» фразами похвалы *чуждому* интернационализму прикрыть *свой* национализм? Неужели трудно понять, что совершенно так же поступает Гримм, когда ругает социал-патриотов всех стран *кроме* Швейцарии, и делает это именно для того, чтобы прикрыть свой переход на сторону швейцарских социал-патриотов?

Гримм обругал германского социал-патриота Эберта «Rausschmeisser in einem Bordell» *за* то, что он украл у немецких рабочих «Vorwärts»*, — *за* то, что он, крича о расколе, *вышиб* и вышибает из партии левых.

Ну, а что делает Гримм у себя дома, в Швейцарии, вместе с печальными героями печального 7-го января 1917?

А Гримм не украл у швейцарских рабочих обещанного им торжественно специального съезда по вопросу о защите отечества? А Гримм, крича о расколе, не подготавливает исключения из партии циммервальдистов?

Не будем же детски наивны, посмотрим же правде прямо в лицо!

На собрании 7-го января 1917 г. новые друзья и покровители Гримма, социал-патриоты, вместе с ним, кричали против раскола, причем особенно обвиняли в раскольничестве организацию молодежи, а один крикнул секретарю партии Платтену, что Платтен «*er sei kein Parteisekretär, er sei Parteiverräter*»*.

Неужели можно молчать, когда такие вещи говорятся и когда «вожди» хотят скрыть их от партии? Неужели швейцарские социалистические рабочие не возмутятся подобными приемами?

В чем вина союза молодежи и Платтена? Только в том, что они искренние сторонники Циммервальда, искренние циммервальдисты, а не карьеристы. Только в том, что они *против* отсрочки съезда. И если сплетники кричат, будто против отсрочки съезда, как и вообще «против его величества Гримма», выступают только циммервальдские левые, как особая фракция, так разве не доказало 7-ое января 1917 г., что это — сплетня? Разве не выступили против Гримма вы, тов. Ш. Нэн, никогда не примыкавший ни прямо ни косвенно, ни формально ни неформально, к циммервальдским левым?

Обвинение в расколе! Вот поистине избитое обвинение, с которым теперь во всех странах выступают как раз социал-патриоты всех стран для прикрытия того, как *они* вышибают из партии Либкнехтов и Хёглюндов.

Написано 26—27 декабря 1916 г.
(8—9 января 1917 г.)

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 4 (27)

Печатается по рукописи

* — «он — не секретарь партии, он — предатель партии». *Ред.*

К РАБОЧИМ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИМ БОРЬБУ ПРОТИВ ВОЙНЫ И ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ, ПЕРЕШЕДШИХ НА СТОРОНУ СВОИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Международное положение становится все более ясным и все более грозным. Империалистский характер войны с особенной наглядностью обнаружен за самое последнее время обеими воюющими коалициями. Пацифистские фразы, фразы о демократическом мире, мире без авнексий и т. д., разоблачаются во всей их пустоте и лживости тем быстрее, чем усерднее пускают их в ход правительства капиталистических стран, буржуазные и социалистические пацифисты. Германия душит несколько малых наций, держа их под железной пятой с совершенно очевидной решимостью не выпускать добычи иначе как в обмен части ее на громадные колониальные владения и прикрывает свою готовность немедленно заключить империалистский мир лицемерными пацифистскими фразами.

Англия и ее союзницы так же крепко держат захваченные ими немецкие колонии, часть Турции и т. д., называя борьбой за «справедливый» мир бесконечное продолжение бойни ради захвата Константинополя, удушение Галиции, раздел Австрии, разорение Германии.

Та истина, которая была в начале войны теоретическим убеждением немногих, становится до осязательности очевидной для все растущего числа сознательных рабочих, именно: что не может быть и речи о серьезной борьбе против войны, о борьбе за уничтожение войн и за создание прочного мира без революционной борьбы руководимых пролетариатом масс каждой страны против своих правительств, без свержения буржуазного господства, без социалистического переворота. И война сама, доводя до неслыханного напряжения силы народов, подводит

человечество к этому единственному выходу из тупика, заставляя делать гигантские шаги вперед по пути государственного капитализма, показывая практически, как должно и как можно вести планомерное общественное хозяйство не в интересах капиталистов, а путем экспроприации их, в интересах гибнущих ныне от голода и прочих бедствий войны масс, под руководством революционного пролетариата.

Чем нагляднее становится эта истина, тем глубже раскрывается пропасть между двумя непримиримыми тенденциями, политиками, направлениями социалистической работы, которые мы указали уже в Циммервальде, выступив там особо в качестве Циммервальдской левой и обратившись тотчас после Циммервальда с манифестом от имени этой левой ко всем социалистическим партиям и ко всем сознательным рабочим. Это — пропасть между попыткой прикрыть обнаружившийся крах официального социализма, переход его представителей на сторону буржуазии и правительств, примирить массы с этой полной изменой социализму, с одной стороны, — и, с другой стороны, между стремлением вскрыть всю глубину этого краха, разоблачить буржуазную политику «социал-патриотов», перешедших от пролетариата к буржуазии, вырвать массы из-под их влияния, создать возможность и организационную основу для действительной борьбы против войны.

Циммервальдская правая, составлявшая большинство в Циммервальде, изо всех сил боролась против мысли о расколе с социал-патриотами, об основании III Интернационала. С тех пор этот раскол стал окончательным фактом в Англии, а в Германии последняя конференция «оппозиции», 7-го января 1917 г., показала всем, кто не закрывает глаз нарочно, что на деле и в этой стране работают в прямо противоположном направлении две, непримиримо враждебные, рабочие партии, одна социалистическая, действующая в значительной степени нелегально и числящая среди своих вождей К. Либкнехта, другая насквозь буржуазная, социал-патриотическая, примиряющая рабочих с войной и с правительством. Нет ни одной страны в мире, где бы не проявилось такое же деление.

В Кинтале циммервальдская правая оказалась уже не в таком большинстве, чтобы продолжать *свою* политику;

эта правая голосовала резолюцию против социал-патриотического Международного социалистического бюро, резолюцию самого резкого осуждения его, и резолюцию против социал-пацифизма, предупреждающую рабочих против лжи пацифистских фраз, какими бы социалистическими украшениями они ни снабжались. Социалистический пацифизм, не выясняющий рабочим иллюзорности надежд на мир *вне* свержения буржуазии и организации социализма, есть лишь перепев буржуазного пацифизма, который внушает рабочим доверие к буржуазии, прикрашивает империалистские правительства и их сделки между собой, отвлекает массы от назревшей, от поставленной событиями на очередь дня социалистической революции.

И что же оказалось? Циммервальдская правая после Кинталея скатилась в ряде крупнейших стран, во Франции, в Германии, в Италии вполне и целиком к этому осужденному и отвергнутому в Кинтале социал-пацифизму! В Италии социалистическая партия молча примирилась с пацифистскими фразами своей парламентской фракции и своего главного оратора Турати, хотя именно теперь выступление с совершенно такими же фразами и Германии и Антанты и представителей буржуазных правительств ряда нейтральных стран, в коих буржуазия неслыханно нажилась и наживается на войне, именно теперь весь обман этих пацифистских фраз вскрылся воочию. Пацифистские фразы на деле оказались прикрытием нового поворота в борьбе за дележ империалистской добычи!

В Германии глава циммервальдской правой, Каутский, выступил с таким же, ничего не говорящим, ни к чему не обязывающим, на деле только внушающим рабочим надежды на буржуазию и веру в иллюзии, пацифистским манифестом, от которого должны были формально отречься действительные социалисты, действительные интернационалисты Германии, группа «Интернационал» и группа «Интернациональных социалистов Германии», проводящие на деле тактику Карла Либкнехта.

Во Франции участники Циммервальда, Мергейм, Бурдерон, и участник Кинталея, Раффэн-Дюжанс, голосуют за пустейшие и, по своему объективному значению, насквозь лживые пацифистские резолюции, настолько *выгодные*, при данном положении дела, империалистской буржуазии, что

за эти резолюции голосовали и Жуо и Ренодель, обвиненные в каждом заявлении Циммервальда и Кинтале в измене социализму!

Это голосование Мергейма вместе с Жуо, Бурдерона и Раффан-Дюжанса вместе с Реноделем не случайность, не единичный эпизод, а самый наглядный символ подготовленного уже повсюду *смятия* социал-патриотов с социал-пацифистами *против* интернациональных социалистов.

Пацифистские фразы в нотах длинного ряда империалистских правительств, такие же пацифистские фразы у Каутского, Турати, Бурдерона и Мергейма, — рука Реноделя, дружелюбно протянутая и тем и другим — таково разоблачение пацифизма в *действительной* политике, как *утешение* народов, как средство *облегчить* правительствам покорность масс в дальнейшей империалистской войне!

И этот полный крах циммервальдской правой с еще большей силой обнаружился в Швейцарии, единственной стране Европы, в которой свободно могли собираться циммервальдцы и в которой они имели свою базу. Социалистическая партия Швейцарии, имевшая свои съезды во время войны без всякой помехи со стороны правительства, имевшая больше всего возможности помогать интернациональному сплочению против войны рабочих немецких, французских и итальянских, формально примкнула к Циммервальду.

А один из вождей этой партии, председатель конференций в Циммервальде и Кинтале, виднейший член и представитель бернской Интернациональной социалистической комиссии национальный советник Р. Гримм в решающем вопросе для пролетарской партии *перешел на сторону* социал-патриотов *своей страны*, проведя в заседании *Partei-Vorstand'a** швейцарской социалистической партии 7 января 1917 года решение об *отсрочке* на неопределенное время съезда партии, специально созываемого для решения вопроса о защите отечества и об отношении к осуждавшим социал-пацифизм решениям Кинтале!

В воззвании, подписанном Internationale Sozialistische Kommission и помеченном декабрем 1916 г., Гримм называет лицемерными пацифистские фразы правительств и

* — правления партии. *Ред.*

ни слова не говорит о социалистическом пацифизме, объединившем Мергейма и Жуо, Раффэн-Дюжанса и Реноделя. В этом воззвании Гримм призывает социалистические меньшинства к борьбе против правительств и их социал-патриотических наемников, а в то же самое время вместе с «социал-патриотическими наемниками» внутри швейцарской партии проводит похороны партсъезда, так справедливо возмущающие всех сознательных и искренних интернационалистов рабочих Швейцарии.

Никакие отговорки не могут скрыть того факта, что решение *Partei-Vorstand'a* от 7 января 1917 г. имеет значение именно полной победы швейцарских социал-патриотов *над* швейцарскими социалистическими рабочими, швейцарских противников Циммервальда *над* Циммервальдом.

Газета последовательных и откровенных слуг буржуазии среди рабочего движения, «*Grütliener*»*, сказала всем известную правду, когда заявила, что социал-патриоты типа Грейлиха, Пфлюгера, к ним можно и должно прибавить Зейделя, Huber'a, Lang'a, Schneeberger'a, Dürr'a** и т. д., хотя не допустить съезда, не допустить решения рабочими вопроса о защите отечества, грозят *сложением* мандатов в случае созыва съезда и решения его в духе Циммервальда.

Гримм говорил возмутительную нетерпимую неправду и на заседании *Partei-Vorstand'a* и в своей газете «*Berner Tagwacht*»*** от 8.1.1917, когда оправдывал отсрочку съезда неподготовленностью рабочих, необходимостью кампании против дороговизны, согласием самих «левых» на отсрочку и т. п.

На деле именно левые, т. е. искренние циммервальдцы, желая с одной стороны провести меньшее из зол, а с другой стороны разоблачить истинные намерения социал-патриотов и их нового друга Гримма, предлагали отсрочку до *марта*, голосовали за отсрочку до *мая*, предлагали назначить кантональным правлениям срок до *июля*, но все эти предложения были отклонены «защитниками отечества» с председателем Циммервальдской и Кинтальской конференций, Р. Гриммом во главе их!!

* — «Грютлианец». *Ред.*

** — Губера, Лауга, Шнеебергера, Дюрра. *Ред.*

*** — «Бернский Часовой». *Ред.*

На деле вопрос стоял именно так: терпеть ли, чтобы Бернская Internationale Sozialistische Kommission и газета Гримма осыпала бранью *иностранных* социал-патриотов и *прикрывала* сначала своим молчанием, а потом и перебежкой Р. Гримма *швейцарских* социал-патриотов, или вести честную интернационалистскую политику, бороться в первую голову с социал-патриотами *своей* страны.

На деле вопрос стоял так: прикрывать ли революционной фразой господство социал-патриотов и реформистов внутри швейцарской партии или выступить против них с *революционной* программой и тактикой как в вопросе о борьбе с дороговизной, так и в вопросе о борьбе против войны, о постановке на очередь дня борьбы за социалистическую революцию.

На деле вопрос стоял так: терпеть ли, чтобы в Циммервальде повторились *худшие* традиции II Интернационала, потерпевшего позорный крах, чтобы от рабочих масс скрывали то, что решают и говорят их вожди в Parteivorstand'e, чтобы революционная фраза прикрывала социал-патриотическую и реформистскую скверну, или быть интернационалистами *на деле*.

На деле вопрос стоял именно так: отстаивать *ли* и в Швейцарии, партия которой имеет первостепенное значение для всего циммервальдского объединения, ясное, принципиальное, политически честное деление между социал-патриотами и интернационалистами, между буржуазными реформистами и революционерами, между советниками пролетариата, помогающими ему совершить социалистическую революцию, и агентами или «наемниками» буржуазии, желающими реформами и обещаниями реформ отвлечь рабочих от революции, между грютлианцами и социалистической партией, — *или* внести смуту и разврат в сознание рабочих, проводя внутри социалистической партии именно «грютлианскую» политику грютлианцев, социал-патриотов из рядов самой социалистической партии.

Пусть швейцарские социал-патриоты, эти «грютлианцы», желающие изнутри партии проводить политику грютли, т. е. политику своей национальной буржуазии, пусть они ругают иностранцев, пусть защищают «неприкосновенность» швейцарской партии для критики со стороны других партий, пусть отстаивают старую, буржуазно-рефор-

мистскую политику, как раз такую, которая привела к краху немецкой и других партий 4 августа 1914 г., — мы, сторонники Циммервальда не на словах, а на деле, мы понимаем под интернационализмом иное.

Мы не согласны молча смотреть на окончательно обнаружившиеся и самим председателем Циммервальдской и Кинтальской конференций освященные стремления оставить все по-старому в гнилом европейском социализме и посредством лицемерного солидаризирования с К. Либкнехтом *обойти* действительный лозунг этого вождя интернациональных рабочих, его призыв работать над «регенерацией сверху донизу» старых партий. Мы уверены, что мы имеем на своей стороне всех сознательных рабочих, во всем мире восторженно приветствовавших К. Либкнехта и его тактику.

Мы выступаем открыто с разоблачением циммервальдской правой, перешедшей на сторону буржуазно-реформистского пацифизма.

Мы выступаем открыто с разоблачением измены Циммервальду со стороны Р. Гримма и требуем созыва конференции для смещения его с его должности члена Internationale Sozialistische Kommission.

Слово Циммервальд является лозунгом интернационального социализма и революционной борьбы. Это слово не должно служить прикрытием социал-патриотизма и буржуазного реформизма.

За истинный интернационализм, требующий борьбы с социал-патриотами *прежде всего* своей собственной страны! За истинную революционную тактику, невозможную при соглашениях с социал-патриотами *против* соц. и революционных рабочих!

Написано в конце декабря (ст. ст.) 1916 г.

Впервые напечатано в 1934 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 5 (28)

Печатается по рукописи

ДОКЛАД О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА ⁹²

Юные друзья и товарищи!

Сегодня двенадцатая годовщина «Кровавого Воскресенья», которое с полным правом рассматривается, как начало русской революции.

Тысячи рабочих, — и притом не социал-демократических, а верующих, верноподданных людей, стекаются под предводительством священника Гапона со всех частей города к центру столицы, к площади перед Зимним дворцом, чтобы передать царю свою петицию. Рабочие идут с иконами, и их тогдашний вождь Гапон письменно уверял царя, что он гарантирует ему личную безопасность и просит его выйти к народу.

Вызываются войска. Уланы и казаки бросаются на толпу с холодным оружием, стреляют в безоружных рабочих, которые на коленях умоляли казаков, чтобы их пропустили к царю. По полицейским донесениям, тогда было более тысячи убито, более двух тысяч ранено. Возмущение рабочих было неопишимо.

Вот самая общая картина 22 января 1905 года — «Кровавого Воскресенья».

Чтобы сделать вам нагляднее историческое значение этого события, я прочту вам несколько мест из петиции рабочих. Петиция начинается следующим образом:

«Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к Тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением. Но все это было отвергнуто, все показалось фабрикантам

незаконным. Мы здесь, многие тысячи, как и весь русский народ, не имеем никаких человеческих прав. Благодаря Твоим чиновникам, мы стали рабами».

Петиция перечисляет следующие требования: амнистия, общественные свободы, нормальная заработная плата, постепенная передача земли народу, созыв учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права и заканчивается словами: «Государы! Не откажи в помощи Твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой; если нет, тогда мы готовы умереть тут же. У нас только два пути: свобода и счастье или могила».

Испытываешь странное чувство, когда читаешь *теперь* эту петицию необразованных, неграмотных рабочих, руководимых патриархальным священником. Невольно напрашивается параллель между этой наивной петицией и современными мирными резолюциями социал-пацифистов, т. е. людей, которые хотят быть социалистами, а на деле являются лишь только буржуазными фразерами. Несознательные рабочие дореволюционной России не знали, что царь является главой *господствующего класса*, именно класса крупных землевладельцев, которые уже тысячами нитей связаны с крупной буржуазией и готовы защищать всеми средствами насилия свою монополию, привилегии и барыши. Современные социал-пацифисты, которые, — без всяких шуток! — хотят казаться «высокообразованными» людьми, не знают, что ожидать «демократического» мира от буржуазных правительств, которые ведут империалистскую хищническую войну, так же глупо, как глупа мысль, будто кровавого царя можно мирными петициями склонить к демократическим реформам.

Но при всем том большое различие между ними заключается в том, что современные социал-пацифисты в большой степени — лицемеры, которые кроткими внушениями стремятся отвлечь народ от революционной борьбы, в то время, как необразованные русские рабочие дореволюционной России доказали делом, что они — прямые люди, впервые пробудившиеся к политическому сознанию.

И вот именно в этом пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной

борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 года.

«В России еще нет революционного народа», — так писал *за два дня* до «Кровавого Воскресенья» господин Петр Струве, тогдашний вождь русских либералов, который издавал тогда нелегальный, свободный, заграничный орган. Таким абсурдом казалась этому «высокообразованному», высокомерному и архиглупому вождю буржуазных реформистов идея, что безграмотная крестьянская страна может родить революционный народ! Так глубоко было убеждение тогдашних, — так же, как и теперешних, — реформистов в невозможности действительной революции!

До 22-го (по старому стилю 9-го) января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей — тогдашние реформисты (точь-в-точь как теперешние), издеваясь, называли нас «сектой». Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листков, которые издавались главным образом за границей и контрабандным путем, с невероятными трудностями, ценой многих жертв пересылались в Россию, — таковы были революционные партии в России и в первую очередь революционная социал-демократия до 22-го января 1905 года. Это обстоятельство формально давало ограниченным и надменным реформистам право утверждать, что в России еще нет революционного народа.

Однако, в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская борьба вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти — ста-миллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа.

Необходимо изучить этот переход, понять его возможность, его, так сказать, методы и пути.

Самым главным средством этого перехода была *массовая стачка*. Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которой она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения, — все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий.

Русская революция является в мировой истории *первой*, но она будет, без сомнения, не последней, — великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль. Можно даже утверждать, что нельзя понять событий русской революции и смены ее политических форм, если не изучить по *статистике забастовок основы* этих событий и этой смены форм.

Я очень хорошо знаю, насколько не подходят к устному докладу сухие статистические цифры, насколько они способны отпугнуть слушателя. Но все-таки я не могу не привести несколько округленных цифр, чтобы у вас была возможность оценить действительную объективную основу всего движения. Средняя годовая цифра бастующих в России в течение 10 лет до революции равнялась 43 тысячам. Следовательно, общее количество бастующих за все десятилетие до революции составляло 430 тысяч. В январе 1905 года, в первый месяц революции, число бастующих составило 440 тысяч. Значит, *за один* только месяц *больше*, чем за все предыдущее десятилетие!

Ни в какой капиталистической стране мира, даже в самых передовых странах вроде Англии, Соединенных

Штатов Америки, Германии, мир не видал такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 году. Общее количество бастующих равнялось 2 миллионам 800 тысячам, в два раза больше общего количества фабричных рабочих! Это, конечно, не доказывает, что городские фабричные рабочие в России были образованнее или сильнее или более приспособлены к борьбе, чем их братья в Западной Европе. Верно как раз обратное.

Но это показывает, насколько великой может быть дремлющая энергия пролетариата. Это говорит о том, что в революционную эпоху, — я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории, — пролетариат *может* развить энергию борьбы *во сто раз* большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!

История русской революции показывает нам, что именно авангард, отборные элементы наемных рабочих вели борьбу с величайшим упорством и с величайшим самопожертвованием. Чем крупнее были заводы, тем упорнее протекали забастовки, тем чаще повторялись они в одном и том же году. Чем больше был город, тем значительнее была роль пролетариата в борьбе. Три крупных города, в которых живут самые сознательные и самые многочисленные рабочие, Петербург, Рига и Варшава, дают несравненно большее количество бастующих по отношению к общему числу рабочих, чем все другие города, не говоря уже о деревне.

Металлисты представляют в России, — вероятно так же, как и в других капиталистических странах, — передовой отряд пролетариата. И тут мы наблюдаем следующий поучительный факт: каждая сотня фабричных рабочих России вообще дала в 1905 году 160 бастующих. Между тем каждая сотня *металлистов* дала в том же году 320 бастующих! По подсчетам каждый русский фабричный рабочий в 1905 году терял вследствие забастовки 10 рублей в среднем, — около 26 франков по довоенному курсу, — так сказать, жертвовал их для борьбы. Если же взять только одних металлистов, мы получим сумму в

три раза бóльшую! Впереди шли самые лучшие элементы рабочего класса, увлекая за собою колеблющихся, пробуждая спящих и подбадривая слабых.

Исключительно своеобразным было сплетение экономических и политических забастовок во время революции. Не подлежит сомнению, что только самая тесная связь этих двух форм стачек гарантировала большую силу движения. Широкие массы эксплуатируемых нельзя было бы никоим образом вовлечь в революционное движение, если бы эти массы не видели перед собою ежедневно примеров, как наемные рабочие различных отраслей промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению своего положения. Благодаря этой борьбе новый дух повеял во всей массе русского народа. Только теперь крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама; только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание.

Если буржуазные господа и их некритические подголоски, социалистические реформисты, говорят с таким чванством о «воспитании» масс, то под воспитанием они обыкновенно понимают нечто школьное, педантическое, деморализующее массы, прививающее им буржуазные предрассудки.

Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю. И потому даже реакционеры должны были признать, что 1905 год, год борьбы, «сумасшедший год», окончательно похоронил патриархальную Россию.

Рассмотрим ближе соотношение между металлистами и текстильщиками в России во время стачечной борьбы в 1905 году. Металлисты являются наилучше оплачиваемыми, наиболее сознательными, наиболее культурными пролетариями. Текстильные рабочие, количество которых в России в 1905 году более чем в два с половиной раза превышало количество металлистов, представляют самую отсталую, хуже всех других оплачиваемую массу,

которая часто еще не порвала окончательно своей связи со своей крестьянской родней в деревне. И тут мы встречаемся со следующим очень важным обстоятельством.

Забастовки металлистов в течение всего 1905 года дают перевес политической забастовки над экономической, хотя в начале года это преобладание далеко еще не так велико, как в конце года. Наоборот, у текстильщиков мы наблюдаем в начале 1905 года колоссальное преобладание экономических забастовок, которое только в конце года сменяется преобладанием политической забастовки. Отсюда с полной ясностью вытекает, что только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть наиболее отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов.

Конечно, для этого было необходимо, чтобы передовой отряд рабочих не понимал под классовой борьбой борьбу за интересы небольшого верхнего слоя, как это слишком часто старались внушить рабочим реформисты, но чтобы пролетарии выступали действительно в качестве авангарда большинства эксплуатируемых, вовлекали это большинство в борьбу, как это имело место в России в 1905 году и как это должно произойти, и, вне всякого сомнения, произойдет в грядущей пролетарской революции в Европе.

Начало 1905 года принесло первую большую волну стачечного движения во всей стране. Уже весной этого года мы наблюдаем пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического *крестьянского движения* в России. Насколько важное значение имеет этот поворотный для истории факт, может понять только тот, кто вспомнит, что крестьянство в России только в 1861 году освободилось от самой тягостной крепостной зависимости, что крестьяне в своем большинстве неграмотны, живут в неопишуемой нужде, подавленные помещиками, одурманенные попами, изолированные друг от друга громадными расстояниями и почти полным бездорожьем.

В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами. С того момента и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами,

во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть.

Это удалось только революционной борьбе пролетариата. Только волны массовой стачки, прокатившиеся по всей стране, в связи с жестокими уроками империалистской русско-японской войны, пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна. Слово «забастовщик» приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом «студент». Но поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам вышел из народа, сам принадлежал к числу эксплуатируемых; будучи выслан из Петербурга, он очень часто возвращался в деревню и рассказывал своим деревенским товарищам о пожаре, который охватывал города и должен был уничтожить как капиталистов, так и дворян. В русской деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников.

Крестьяне собирались группами, обсуждали свое положение и мало-по-малу втягивались в борьбу: толпами шли они против крупных землевладельцев, жгли их дворцы и усадьбы или отбирали их запасы, захватывали хлеб и другие жизненные припасы, убивали полицейских, требовали передачи народу земли громадных дворянских поместий.

Весной 1905 года крестьянское движение было только в зачатке, оно охватило лишь меньшинство уездов, приблизительно седьмую их часть.

Но соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно,

чтобы поколебать самую «прочную» и последнюю опору царизма. Я имею в виду *армию*.

Начинается полоса *военных восстаний* во флоте и армии. Каждый подъем волны стачечного и крестьянского движения во время революции сопровождается солдатскими восстаниями во всех концах России. Самым известным среди них является восстание на черноморском броненосце «Князь Потемкин», который, попав в руки восставших, участвовал в революции в Одессе и после поражения революции и неудачных попыток захвата других портов (напр., Феодосии в Крыму) сдался в руки румынских властей в Констанце.

Позвольте мне подробно рассказать вам один маленький эпизод из этого восстания Черноморского флота, чтобы у вас получилась конкретная картина событий на высшей точке их развития:

«Устраивались собрания революционных рабочих и матросов; они происходили все чаще. Так как военных не пускали на рабочие митинги, рабочие массами начали посещать военные митинги. Собирались тысячами. Идея совместного выступления нашла живой отклик. В более сознательных ротах избирались депутаты.

Тогда военное начальство решило принять меры. Попытки отдельных офицеров произносить на митингах «патриотические» речи давали самые плачевные результаты: привыкшие к дискуссиям матросы обращали своих начальников в позорное бегство. Ввиду таких неудач было решено запретить митинги вообще. Утром 24 ноября 1905 года у ворот флотских казарм была выставлена боевая рота в полном боевом снаряжении. Контр-адмирал Писаревский отдал во всеулышание приказ: «Не выпускать никого из казарм! В случае неподчинения стрелять». Из роты, которой был отдан этот приказ, вышел матрос Петров, зарядил на глазах у всех свою винтовку, одним выстрелом убил штабс-капитана Штейна из Белостокского полка, а вторым выстрелом ранил контр-адмирала Писаревского. Раздалась команда офицера: «Арестуйте его!». Никто не двинулся с места. Петров бросил свое ружье на землю. «Чего стоите? Берите меня!» Он был арестован. Стекавшиеся со всех сторон матросы бурно требовали его освобождения, заявляя, что они за него ручаются. Возбуждение достигло апогея.

— Петров, не правда ли, выстрел произошел случайно? — спросил офицер, чтобы найти выход из создавшегося положения.

— С какой стати случайно! Я вышел вперед, зарядил и прицелился, разве это случайно?

— Они требуют твоего освобождения...

И Петров был освобожден. Но матросы этим не удовлетворились, все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отведены в канцелярию... Делегаты матросов в количестве около 40 человек совещались всю ночь. Решили офицеров освободить, но больше их в казармы не выпускать.»....

Эта небольшая сценка наглядно показывает вам, как разыгрывались события в большинстве военных восстаний. Революционное брожение в народе не могло не охватить и войско. Характерно, что вождей движения давали *те элементы* военного флота и армии, которые рекрутировались главным образом из среды промышленных рабочих и для которых требовалась наибольшая техническая подготовка, напр., саперы. Но широкие массы были еще слишком наивны, слишком мирно, слишком благодушно, слишком по-христиански настроены. Они вспыхивали довольно легко, любой случай несправедливости, слишком грубое обращение офицеров, плохое питание и т. п. могло вызвать возмущение. Но не хватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: не хватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции.

Широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но так же легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших, и затем следовало самое жестокое подавление и казни вождей.

Особенно интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно.

История 1905 года дает нам совершенно обратную картину. Офицеры, за небольшими исключениями, были тогда настроены или буржуазно-либерально, реформистски, или же прямо контрреволюционно. Рабочие и крестьяне в военной форме были душой восстаний; движение стало народным. Впервые в истории России оно захватило

большинство эксплуатируемых. Чего в нем нехватало, так это, с одной стороны, выдержки, решительности масс, которые слишком страдали болезнью доверчивости, с другой стороны, нехватало организации революционных социал-демократических рабочих в военных мундирах: у них не было умения взять руководство в свои руки, стать во главе революционной армии и перейти в наступление против правительственной власти.

Кстати сказать, — может быть медленнее, чем нам хотелось бы, но зато верно, — эти два недостатка будут уничтожены не только общим развитием капитализма, но и теперешней войной...

Во всяком случае, история русской революции, как и история Парижской Коммуны 1871 года, даст нам непреложный урок, что милитаризм никогда и ни в коем случае не может быть побежден и уничтожен каким-либо иным способом, как только победоносной борьбой одной части народной армии против другой ее части. Недостаточно только громить, проклинать, «отрицать» милитаризм, критиковать и доказывать его вред, глупо мирно отказываться от военной службы, — задача заключается в том, чтобы сохранять в напряжении революционное сознание пролетариата и притом не только вообще, а конкретно готовить его лучшие элементы к тому, чтобы в момент глубочайшего брожения в народе они стали во главе революционной армии.

Этому же учит нас ежедневный опыт любого капиталистического государства. Каждый «небольшой» кризис, переживаемый таким государством, показывает нам в миниатюре элементы и зародыши боев, которые в период большого кризиса должны повториться неминуемо в большом масштабе. И чем другим является, напр., любая стачка, как не маленьким кризисом капиталистического общества? Разве не прав был прусский министр внутренних дел, господин фон Путткамер, произнося свое известное изречение: «В каждой забастовке таится гидра революции». Не показывают ли нам вызовы солдат во время забастовок во всех, даже — с позволения сказать — самых мирных, самых «демократических» капиталистических странах, как будет обстоять дело во время действительно *больших* кризисов.

Но возвращаюсь опять к истории русской революции.

Я попытался изобразить вам, как рабочие стачки встряхнули всю страну и самые широкие, самые отсталые слои эксплуатируемых, как началось крестьянское движение, как оно сопровождалось военными восстаниями.

Осенью 1905 года все движение достигло своего апогея. 19 (6) августа появился царский манифест о создании представительного учреждения. Так называемая *булыгинская Дума* должна была быть создана на основании избирательного закона, который предполагал курьезно малое количество избирателей и не предоставлял этому своеобразному «парламенту» никаких законодательных, а только *совещательные*, консультативные права!

Буржуазия, либералы, оппортунисты готовы были подхватить обеими руками этот «дар» напуганного царя. Подобно всем реформистам, наши реформисты 1905 года не могли понять, что бывают исторические ситуации, когда реформы, в особенности же обещания реформ, преследуют *исключительно* одну цель: приостановить брожение народа, заставить революционный класс прекратить или по крайней мере ослабить борьбу.

Российская революционная социал-демократия хорошо поняла истинный характер этого октроирования, этого дарования призрачной конституции в августе 1905 года. И потому она, ни минуты не медля, бросила лозунг: *Долой совещательную Думу! Бойкот Думе! Долой царское правительство!* Продолжение революционной борьбы с целью низвержения этого правительства! Не царь, а временное революционное правительство должно создать первое истинное народное представительство в России!

История доказала правоту революционных социал-демократов тем, что *булыгинская Дума* никогда не была созвана. Ее смел революционный вихрь, прежде чем она была созвана; этот вихрь заставил царя издать новый избирательный закон, значительно увеличивший количество избирателей, и признать законодательный характер Думы.

Октябрь и декабрь 1905 года знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше. Количество бастующих, которое в январе 1905 года, как я уже сообщал вам, составляло 440 тысяч, в октябре 1905 года превысило полмиллиона (заметьте,

в течение одного только месяца!). Но к этому количеству, которое охватывает *только* фабричных рабочих, надо присоединить еще несколько сот тысяч железнодорожных рабочих, почтово-телеграфных служащих и т. п.

Российская всеобщая железнодорожная забастовка приостановила железнодорожное движение и самым решительным образом парализовала силу правительства. Открылись двери университетов, и аудитории, которые в мирное время предназначались исключительно для того, чтобы дурманить молодые головы профессорской кафедральной мудростью и превращать их в покорных слуг буржуазии и царзма, служили теперь местами собраний для тысяч и тысяч рабочих, ремесленников, служащих, которые открыто и свободно обсуждали политические вопросы.

Была завоевана свобода печати. Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры. Впервые в русской истории свободно появились в Петербурге и других городах революционные газеты. В одном Петербурге выходило три ежедневных социал-демократических газеты с тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров.

Пролетариат шел во главе движения. Он поставил себе задачей завоевание 8-часового рабочего дня революционным путем. Боевым лозунгом петербургского пролетариата было тогда: *«8-часовой день и оружие!»*. Для все более возраставшей массы рабочих становилось очевидным, что судьбы революции может решить и решит только вооруженная борьба.

В огне борьбы образовалась своеобразная массовая организация: знаменитые *Советы рабочих депутатов*, собрания делегатов от всех фабрик. Эти *Советы рабочих депутатов* в нескольких городах России все более и более начинали играть роль временного революционного правительства, роль органов и руководителей восстаний. Были сделаны попытки организовать Советы солдатских и матросских депутатов и соединить их с Советами рабочих депутатов.

Некоторые города России переживали в те дни период различных местных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой

государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы» слишком слабыми, слишком изолированными.

Крестьянское движение осенью 1905 года достигло еще больших размеров. *Больше трети* уездов во всей стране было тогда охвачено так называемыми «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа.

К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции.

Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России *больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.)* населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют. Напр., мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда — это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций — мусульманский союз.

Чтобы дать собранию, в особенности молодежи, пример того, как в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением, я приведу вам один небольшой пример.

В декабре 1905 года в сотнях школ польские школьники сожгли все русские книги, картины и царские портреты, избили и прогнали из школ русских учителей и русских товарищей с криками: «Пошли вон, в Россию!». Требования польских учеников средних школ были, между прочим, следующие: 1) все средние школы должны быть подчинены Совету рабочих депутатов; 2) созыв объединенных ученических и рабочих собраний в школьных помещениях; 3) разрешение носить в гимназиях красные

блузы в знак принадлежности к грядущей пролетарской республике» и т. д.

Чем выше поднимались волны движения, тем с большей энергией и решительностью вооружалась реакция для борьбы против революции. В российской революции 1905 года оправдалось то, что писал К. Каутский в 1902 году в своей книге «Социальная революция» (он был тогда, кстати сказать, еще революционным марксистом, а не защитником социал-патриотов и оппортунистов, как в настоящее время). Он писал следующее:

...«Грядущая революция... менее будет похожа на внезапное восстание против правительства и более на затяжную *гражданскую войну*».

Так и случилось! Несомненно, так это и будет в грядущей европейской революции!

Ненависть царизма направилась в особенности против евреев. С одной стороны, евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами. С другой стороны, царизм умел отлично использовать гнуснейшие предрассудки самых невежественных слоев населения против евреев, чтобы организовать *погромы*, если не руководить ими непосредственно, — в 100 городах за это время насчитывается более 4 000 убитых, более 10 000 изувеченных, — эти чудовищные избиения мирных евреев, их жен и детей, вызвавшие такое отвращение во всем цивилизованном мире. Я имею в виду, конечно, отвращение действительно демократических элементов цивилизованного мира, а такими являются *исключительно* социалистические рабочие, пролетарии.

Буржуазия, даже самых свободных, даже республиканских стран Западной Европы, умсет великолепно сочетать свои лицемерные фразы о «русских зверствах» с самыми бесстыдными денежными сделками, особенно с финансовой поддержкой царизма и империалистской эксплуатацией России посредством экспорта капитала и т. п.

Своей вершины революция 1905 года достигла в декабрьском восстании в Москве. Небольшое число восставших, именно организованных и вооруженных рабочих — их было не больше *восьми тысяч* — оказывали в течение 9 дней сопротивление царскому правительству, которое не могло доверять московскому гарнизону, а, напротив, должно было держать его взаперти, и только благодаря прибытию Семеновского полка из Петербурга было в состоянии подавить восстание.

Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним. Напр., в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание «путчем». «Ленинская группа — пишет этот «высокоученый» господин профессор — и часть эсеров давно уже подготавливала это *бессмысленное* восстание».

Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. В январе 1905 года в России было только 123 тысячи чисто политических стачечников, в октябре — 330 тысяч, *в декабре был достигнут максимум*, именно 370 тысяч чисто политических стачечников в течение одного месяца! Припомним нарастание революции, восстания крестьян и солдат, и мы тотчас же придем к убеждению: суждение буржуазной «науки» о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага.

В действительности все развитие русской революции с неизбежностью толкало к вооруженному решающему бою между царским правительством и авангардом сознательного в классовом отношении пролетариата.

В своих вышеизложенных соображениях я уже указал, в чем заключалась слабость русской революции, которая привела к ее временному поражению.

С подавления декабрьского восстания начинается нисходящая линия революции. И в этом периоде есть чрезвычайно интересные моменты; стоит только вспомнить двукратную попытку самых боевых элементов рабочего

класса прекратить отступление революции и подготовить новое наступление.

Но мое время почти уже истекло, и я не хочу злоупотреблять терпением своих слушателей. А самое важное для понимания русской революции: ее классовый характер и ее движущие силы, ее средства борьбы, я, — как мне кажется, — уже обрисовал, поскольку вообще возможно исчерпать такую гигантскую тему в кратком докладе.

Еще только несколько кратких замечаний относительно мирового значения русской революции.

Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. И потому мы видим, что российская революция достигла не только того, что она окончательно пробудила от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом.

Она достигла не только этого. Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен миллионов людей*, неоспоримо.

Косвенным путем русская революция оказала свое влияние и на страны, расположенные на западе. Не следует забывать, что, как только 30 октября 1905 года в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии.

Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда товарищ Эллиенбоген — тогда он еще не был социал-патриотом, тогда он был еще товарищем — делал свой доклад о политической стачке, перед ним на стол была положена эта телеграмма. Прения были сейчас же прекращены. Наше место на улице! — вот какой клич прокатился в зале заседаний делегатов австрийской социал-демократии. И ближайшие дни увидели крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге. Победа всеобщего избирательного права в Австрии была решена.

Очень часто встречаются западноевропейцы, которые рассуждают о русской революции таким образом, как будто события, отношения и средства борьбы в этой отсталой стране имеют очень мало сходного с западноевропейскими отношениями и потому вряд ли могут иметь какое-либо практическое значение.

Нет ничего более ошибочного, чем такое мнение.

Несомненно, формы и поводы грядущих боев в грядущей европейской революции будут во многих отношениях отличаться от форм русской революции.

Но, несмотря на это, русская революция — именно благодаря своему пролетарскому характеру в том особом значении этого слова, о котором я уже говорил, — остается *прологом* грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступают в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых.

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода.

Подобно тому, как в России в 1905 году под руководством пролетариата началось народное восстание против царского правительства, с целью завоевания демократической республики, так ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата против власти финансового капитала, против крупных банков, против капиталистов, и эти потрясения не могут закончиться иначе, как только экспроприацией буржуазии, победой социализма.

Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции.

*Написано на немецком языке
до 9 (22) января 1917 г.*

*Впервые напечатано 22 января 1925 г.
в газете «Правда» № 18
Подпись: В. И. Ленин*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

ДВЕНАДЦАТЬ КРАТКИХ ТЕЗИСОВ О ЗАЩИТЕ Г. ГРЕЙЛИХОМ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА ⁹³

1. Г. Грейлих заявляет в начале своей первой статьи, что теперь существуют (вероятно, он говорит о *мнимых*) «социалисты», которые «доверяют юнкерским и буржуазным правительствам».

Это обвинение *одного* направления современного «социализма», а именно социал-патриотизма, конечно, правильно. Но что доказывают все четыре статьи т. Г. Грейлиха, как не то, что он также *слепо* «доверяет» «буржуазному правительству» Швейцарии? Он забывает даже, что «буржуазное правительство» Швейцарии, благодаря многочисленным связям швейцарского банкового капитала, является не только «буржуазным правительством», но и *империалистским* буржуазным правительством.

2. Г. Грейлих признает в первой статье, что во всей международной социал-демократии существует *два* главных течения. Одно из них (конечно, *социал-патриотическое*) он определяет совершенно правильно, клеймя его приверженцев, как «агентов» буржуазных правительств.

Но Грейлих странным образом забывает, что, во-первых, швейцарские социал-патриоты также являются агентами швейцарского буржуазного правительства; во-вторых, что, как Швейцария вообще не может быть вырвана из сети связей мирового рынка, так современная, высокоразвитая и в высшей степени богатая буржуазная Швейцария не может быть вырвана из сети империалистских мировых отношений; в-третьих, что хорошо было бы рассмотреть аргументы за и против защиты отечества именно во всей международной социал-демократии и особенно в связи с этими самыми империалистскими, финансово-капиталистическими мировыми взаимоотношениями; в-четвертых,

что невозможно примирить эти два главных течения во всей международной социал-демократии и что, поэтому, швейцарская партия должна *сделать выбор*, с каким направлением она хочет пойти.

3. Г. Грейлих заявляет во второй статье: «Швейцария не может вести наступательной войны».

Странным образом Грейлих забывает о том неоспоримом и очевидном факте, что в *обоих* возможных случаях, — именно, как при союзе Швейцарии с Германией против Англии, так и при союзе с Англией против Германии, — в *обоих* случаях Швейцария примет участие в империалистской войне, в войне грабительской, в войне наступательной.

Буржуазная Швейцария не может ни в коем случае ни изменить характера теперешней войны, ни вообще вести антиимпериалистскую войну.

Допустимо ли, что Грейлих покидает «область фактов» (см. его четвертую статью) и вместо того, чтобы говорить об *этой* войне, говорит о какой-то фантастической войне?

4. Г. Грейлих заявляет во второй статье:

«Нейтралитет и защита отечества являются для Швейцарии тождественными. Кто отвергает защиту отечества, тот угрожает нейтралитету. Это надо уяснить себе».

Два скромных вопроса т. Грейлиху:

Во-первых, не следует ли уяснить себе, что доверие к провозглашениям нейтралитета и к намерениям сохранить его в данной войне означает не только слепое доверие к *своему* «буржуазному правительству» и *другим* «буржуазным правительствам», но и является прямо смешным?

Во-вторых, не следует ли уяснить себе, что в действительности дело обстоит следующим образом:

Кто в этой войне признает защиту отечества, превращается в пособника «своей» национальной буржуазии, которая и в Швейцарии является насквозь империалистской, так как она в финансовом отношении связана с великими державами и вовлечена в империалистскую мировую политику.

Кто в этой войне отвергает защиту отечества, тот разрушает доверие пролетариата к буржуазии и *помогает* международному пролетариату вести борьбу *против* господства буржуазии.

5. Г. Грейлих заявляет в конце второй статьи:

«Уничтожив швейцарскую милицию, мы еще не устраним войны между великими державами».

Почему т. Грейлих забывает, что социал-демократы мыслят уничтожение *всякой* армии (а следовательно, и милиции) не иначе как *после* победоносной социальной революции? что именно теперь необходимо в союзе с интернационалистски-революционными меньшинствами *всех* великих держав бороться за социальную революцию?

От *кого* ожидает Грейлих уничтожения «войн между великими державами»? Неужели от милиции маленького буржуазного государства с четырьмя миллионами населения?

Мы, социал-демократы, ожидаем уничтожения «войн между великими державами» от революционных действий пролетариата *всех* великих и *малых* держав.

6. В третьей статье Грейлих утверждает, что швейцарские рабочие должны «защищать» «демократию»!!

Неужели т. Грейлиху на самом деле неизвестно, что в этой войне *ни одно* государство Европы не защищает демократию и не может ее *защищать*? Наоборот, участие в этой империалистской войне означает для *всех* государств, *великих и малых*, *удушение* демократии, победу реакции над демократией. Неужели Грейлих действительно не знает тысячи примеров этому в Англии, Германии, Франции и т. д.? Или т. Грейлих действительно так сильно «доверяет» швейцарскому, т. е. своему, «буржуазному правительству», что считает всех директоров банков и миллионеров Швейцарии настоящими Вильгельмами Теллями?

Не участие в империалистской войне, не участие в мобилизациях якобы для защиты нейтралитета, но революционная борьба против *всех* буржуазных правительств — это и только это может привести к социализму, а без социализма нет никакой *гарантии* для демократии!

7. Тов. Грейлих пишет в третьей статье:

«Уж не ожидает ли Швейцария от пролетариата, что он «будет драться сам с собою в империалистских боях»?»

Этот вопрос доказывает, что т. Грейлих обеими ногами стоит на национальной почве, но, к сожалению, в теперешней войне такой почвы для Швейцарии *не существует*.

Не Швейцария «ожидает» этого от пролетариата, а капитализм, который во всех цивилизованных странах,

в Швейцарии так же, как и в других, превратился в *империалистский* капитализм. Господство буржуазии «ожидает» теперь от пролетариата *всех* стран, что он «будет драться сам с собою в империалистских боях», — вот, что забывает Грейлих. Для того, чтобы защитить себя от такого положения, нет теперь никакого иного средства, кроме интернациональной революционной классовой борьбы против буржуазии!

Почему Грейлих забывает, что уже Базельский манифест Интернационала в 1912 г. прямо признал, во-первых, что *империалистский* капитализм определяет основной характер будущей войны; во-вторых, что там же говорится о *пролетарской революции именно* в связи как раз с *этой* войной?

8. Грейлих пишет в третьей статье:

Революционная массовая борьба «вместо использования демократических прав» является «весьма неопределенным понятием».

Это доказывает, что Грейлих признает исключительно буржуазно-реформистский путь, а *революцию* он отвергает или игнорирует. Это подобает грютлянцу, но ни в коем случае не социал-демократу.

Революции без «революционной массовой борьбы» невозможны. Таких революций никогда не бывало. Революции неминуемы и в Европе в начавшуюся теперь империалистскую эпоху.

9. В четвертой статье т. Грейлих прямо заявляет, что, «само собой разумеется», он сложит свои полномочия в Национальном совете, если партия *принципиально* отклонит защиту отечества. К этому он добавляет, что такое отклонение будет означать «нарушение нашего единства».

Такое заявление является ясным, неустрашимым никакими истолкованиями, ультиматумом, предъявляемым партии социал-патриотическими членами Национального совета. Или партия должна признать социал-патриотические воззрения, или «мы» (Грейлих, Мюллер и т. д.) слагаем свои полномочия.

Но, по правде сказать, о каком «единстве» можно говорить? Конечно, ни о каком другом, как только об «единстве» социал-патриотических вождей с их мандатами в Национальном совете?!

Принципиальное пролетарское единство означает нечто совершенно иное: социал-патриоты, т. е. «защитники отечества», должны быть «едины» с социал-патриотическим, насквозь буржуазным грютлианским союзом. Отвергающие защиту отечества, социал-демократы, должны быть «едины» с социалистическим пролетариатом. Это совершенно ясно.

Мы твердо надеемся, что т. Грейлих не захочет сражаться и не станет доказывать (несмотря на опыт Англии, Германии, Швеции и т. д.), что «единство» социал-патриотов, «агентов» буржуазных правительств, с социалистическим пролетариатом не может привести ни к чему иному, как к явной дезорганизации, деморализации, лицемерию и лжи.

10. «Клятва» членов Национального совета защищать независимость страны, по мнению Грейлиха, «несовместима» с отказом от защиты страны.

Хорошо! Но разве какая-нибудь революционная деятельность «совместима» с «клятвами» охранять законы капиталистических государств? Грютлианцы, т. е. слуги буржуазии, принципиально признают только законные пути. До сих пор еще не было ни одного социал-демократа, который отвергал бы революции или признавал бы только такие, которые «совместимы» с «клятвами» охранять буржуазные законы.

11. Грейлих отрицает, что Швейцария является «буржуазным классовым государством» «в абсолютном смысле этого слова». Он определяет социализм (в конце четвертой статьи) таким образом, что у него совершенно исчезают и социальная революция и всякое революционное действие. Социальная революция — это «утопия», таков краткий смысл всех длинных речей или статей Грейлиха.

Хорошо! Но ведь это самое яркое грютлианство, а не социализм. Это буржуазный реформизм, а не социализм.

Почему т. Грейлих не внесет прямого предложения вычеркнуть из Базельского манифеста 1912 г. слова о «пролетарской революции»? или слова о «революционных массовых действиях» из аарауского решения в 1915 г.? или сжечь все циммервальдские и кинтальские резолюции?

12. Тов. Грейлих стоит обеими ногами на национальной почве, — на буржуазно-реформистской, грютлианской почве.

Он упорно игнорирует империалистский характер теперешней войны, равно как и империалистские связи современной швейцарской буржуазии. Он игнорирует раскол социалистов всего мира на социал-патриотов и на революционных интернационалистов.

Он забывает, что в действительности перед швейцарским пролетариатом *только* два пути:

Первый путь. Помогать своей национальной буржуазии вооружаться, поддерживать мобилизации в целях, якобы, защиты нейтралитета и ежедневно подвергаться опасности быть втянутым в империалистскую войну. В случае «победы» в такой войне — голодать, зарегистрировать 100 000 убитых, положить в карманы швейцарской буржуазии новые миллиарды военных прибылей, обеспечить ей новое прибыльное вложение капитала за границей и попасть в новую финансовую зависимость от своих империалистских «союзников» — великих держав.

Второй путь. В тесном союзе с интернационалистическими революционными меньшинствами всех великих держав вести решительную борьбу против всех «буржуазных правительств» и прежде всего — против *своего* «буржуазного правительства», не оказывать никакого «доверия» как своему буржуазному правительству вообще, так и его речам об охране нейтралитета, и вежливо пригласить социал-патриотов перебраться в грюлианский союз.

В случае победы навсегда избавиться от дороговизны, голода и войн, вместе с французскими, немецкими и др. рабочими вызвать социалистическую революцию.

Оба пути трудны, оба требуют жертв.

Швейцарский пролетариат должен выбирать, кочет ли он принести эти жертвы империалистской буржуазии Швейцарии и одной из великодержавных коалиций или же делу освобождения человечества от капитализма, от голода, от войн.

Пролетариат должен выбирать.

Написано на немецком языке между
13 и 17 (26 и 30) января 1917 г.

Напечатано 31 января и 1 февраля
1917 г. в газете «Volksrecht»

№ № 26 и 27
Подпись: — е —

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

На русском языке впервые напечатано
в 1931 г. в Ленинском сборнике XVII

ЗАЩИТА НЕЙТРАЛИТЕТА

Признание того положения, что теперешняя война является империалистской, т. е. войной между двумя крупными хищниками за господство над миром и его разграбление, еще не доказывает, что необходимо отвергнуть защиту швейцарского отечества. Мы, швейцарцы, защищаем именно наш нейтралитет, мы заняли наши границы войсками именно для того, чтоб избежать участия в этой хищнической войне!

Так говорят социал-патриоты, грютлианцы, в социалистической партии и вне ее.

Этот аргумент основывается на следующих, молчаливо принимаемых или незаметно подсовываемых, посылках:

Некритическое повторение того, что говорит буржуазия и что она должна говорить для сохранения своего классового господства.

Полное доверие к буржуазии и полное недоверие по отношению к пролетариату.

Игнорирование действительного, не измышленного, международного положения, которое сложилось на почве империалистских отношений между всеми европейскими странами и империалистской «связанности» швейцарского капиталистического класса.

Разве румынская и болгарская буржуазия не уверяли в течение целых месяцев самым торжественным образом, что их военные приготовления диктуются, якобы, «только» защитой нейтралитета?

Существуют ли серьезные, научные основания для проведения в этом вопросе *принципиального* различия между буржуазией упомянутых стран и швейцарской?

Конечно, нет! Когда указывают на то, что в Румынии и Болгарии буржуазия одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям, а что по отношению к швейцарской буржуазии этого нельзя установить, то это, ведь, нельзя считать *принципиальным* различием. Империалистские интересы проявляются, как всем известно, не только в территориальных приобретениях, но и в *финансовых*. Не надо упускать из виду, что швейцарская буржуазия экспортирует капитал, по меньшей мере, в 3 миллиарда франков, т. е. империалистски эксплуатирует отсталые народы. Таков факт. Фактом является и то, что швейцарский банковый капитал теснейшим образом связан и переплетен с банковым капиталом великих держав, что «Fremdenindustrie»* в Швейцарии и т. д. знаменует постоянный *раздел* империалистского богатства между великими державами и Швейцарией. К тому же Швейцария стоит на гораздо более высокой ступени развития капитализма, чем Румыния и Болгария; о каком-либо «национальном» народном движении в Швейцарии абсолютно не может быть и речи: эта эпоха исторического развития закончилась для Швейцарии уже много веков назад, чего нельзя сказать ни об одном из вышеназванных балканских государств.

Итак, буржуа подобает стремиться к тому, чтобы внушить народу, эксплуатируемому, доверие к буржуазии и стараться прикрыть подходящими фразами *действительную* империалистскую политику «своей» буржуазии.

Социалисту же подобает совершенно иное. А именно: беспощадно, не допуская никаких иллюзий, разоблачать действительную политику «своей» буржуазии. Такое продолжение этой действительной политики швейцарской буржуазии, как *продажи* своего народа той или иной империалистской коалиции держав, было бы много вероятнее и много «естественнее» (т. е. более соответствовало бы природе этой буржуазии), чем защита демократии в истинном значении этого слова, в противоречии с интересами прибыли.

* — «Промышленность по обслуживанию иностранцев». Ред.

«Каждому свое»: пусть грютлианцы, в качестве слуг и агентов буржуазии, обманывают народ фразами о «защите нейтралитета».

А социалисты, борцы против буржуазии, должны открыть народу глаза на весьма реальную, доказываемую всей историей швейцарской буржуазной политики, опасность быть *проданным* «своей» буржуазией!

*Написано на немецком языке
в январе 1917 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

На улице пацифистов нечто вроде праздника. Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: «мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороговизне; не довольно ли? больше, пожалуй, все равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца»...

Как же им не ликовать, когда «сам» Вильсон «перефразирует» пацифистское заявление итальянской социалистической партии, только что принявшей в Кинтале официальную и торжественную резолюцию о полнейшей несостоятельности социал-пацифизма?

Удивительно ли, что Турати торжествует в «Avanti!»* по поводу этой перефразировки Вильсоном *их*, итальянских «тоже-социалистических» пацифистских фраз? Удивительно ли, что французские социал-пацифисты и каутскианцы в своем «Le Populaire»⁹⁴ любовно «объединяются» с Турати и с Каутским, который выступил в немецкой социал-демократической печати с пятью особенно глупыми пацифистскими статьями, тоже, конечно, «перефразирующими» поставленную событиями на очередь дня болтовню о добреньком демократическом мире.

А эта болтовня в настоящее время действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная *объективная* почва. Таковую почву создал поворот в мировой политике *от империалистской войны*, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома, Легинами, Шейдсманами и пр., к *империалистскому миру*,

* — «Вперед!». Ред.

который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.

Этот поворот наступил.

Нельзя знать в данный момент, — и сами руководители империалистской политики, финансовые короли и коронованные разбойники не в состоянии определить этого с точностью — когда именно придет этот империалистский мир, какие до тех пор произойдут изменения на войне, каковы будут детали этого мира. Но это и неважно. Важен *факт* поворота к миру, важен *основной характер* этого мира, а эти два обстоятельства достаточно уже выяснены предыдущим развитием событий.

За 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все или почти все возможные союзники из числа ближайших «соседей», представляющих серьезную величину, втянуты в бойню, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены. Финансовый капитал нажил миллиарды: гора военных долгов показывает размеры дани, которую пролетариат и неимущие массы «должны» теперь выплачивать десятилетиями международной буржуазии за то, что она всемилостивейше позволила им перебить миллионы своих братьев по наемному рабству в войне за дележ империалистской добычи.

Содрать при помощи *данной* войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя — в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает, — в этом источник роста нейтрального пацифизма, а не в благородных гуманитарных чувствах, как думают наивные, жалкие, смешные Турати, Каутский и К^о.

А к тому же растет недовольство и возмущение масс. Мы привели в предыдущем номере свидетельства Гучкова и Гельфериха⁹⁵, показывающие, что оба они *боятся* революции. Не пора ли кончать первую империалистскую бойню?

Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются таким образом воздействием классового

инстинкта и классового расчета обожравшейся военными прибылями буржуазии.

Политический поворот на почве этого экономического поворота идет по двум главным линиям: победившая Германия *откалывает* от своего главного врага, Англии, ее союзников, с одной стороны, тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары, а с другой стороны, тем, что награбивший очень и очень много германский империализм в состоянии дать союзникам Англии полууступочки.

Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки *заключен*. Изменена только *форма* политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?».

«Конечно, не расчет» — должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно сказана была такая вещь. «Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким, путем? Я обращаюсь открыто ко всему человечеству с предложением осчастливить его благами мира. Под сурдинку я мигну французам, что я готов отдать назад всю или почти всю Францию и Бельгию за «божедские» уступки их колоний в Африке, — а итальянцам, что они могут рассчитывать на «кусочек» итальянских земель Австрии плюс кусочки на Балканах. Я в силах добиться того, что мои предложения и планы станут известны народам: смогут ли тогда англичане удерживать дальше своих западноевропейских союзников? А мы с тобой разделим Румынию, Галицию, Армению — Константинополя же тебе, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать! Польши, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать!»

Был ли такой разговор, знать нельзя. Да это и не существенно. Существенно то, что дела пошли *именно* так.

Если царь не согласился на доводы германских дипломатов, то «*доводы*» армии Макензена в Румынии должны были подействовать повнушительнее.

А о плане дележа Румынии между Россией и «четверным союзом» (т. е. союзниками Германии, Австрией и Болгарией) говорят уже *открыто* в германской империалистской печати! А болтливый Эрве уже пробалтывается: мы не сможем заставить народ воевать, если он узнает, что мы *сейчас же* можем получить назад Бельгию и Францию. И пацифистские дурачки из нейтральной буржуазии уже пущены «в дело»: им развязал рот Вильгельм! А пацифистские... мудрецы из социалистов, Турати в Италии, Каутский в Германии и пр. и пр. лезут из кожи, прилагая свою гуманность, свое человеколюбие, свою неземную добродетель (и свой высокий ум) к *прикрашиванию* грядущего империалистского мира!

Как хорошо вообще устроено все в этом лучшем из миров! Запутались мы, финансовые короли и коронованные разбойники, в политике империалистского грабежа, пришлось воевать — ну, что ж? мы наживемся на войне не хуже, чем на мире, даже гораздо лучше! А лакейской челяди для провозглашения нашей войны «освободительною», всех этих Плехановых, Альбертов Тома, Легинов, Шейдеманов и К°, у нас сколько угодно! Приходит пора заключить империалистский мир? — ну что ж? Военные долги, ведь это же обязательства, гарантирующие наше священное право на взимание стократной дани с народов? А простаков для *прикрашивания* этого империалистского мира, для надувания народов сладенькими речами, у нас сколько угодно, возьмите хоть Турати, Каутского и прочих «*вождей*» всемирного социализма!

В том-то и состоит трагикомедия выступлений Турати и Каутского, что они *не понимают той действительной*, объективной, политической роли, которую они играют, роли попигов, *утешающих* народы, вместо того, чтобы поднимать их на революцию, роли *буржуазных адвокатов*, которые пышными фразами о всяких хороших вещах вообще и о демократическом мире в особенности затушевывают, прикрывают, *прикрашивают*, приодевают отвратительную наготу торгующего народами и кромсающего страны империалистского мира.

В том-то и состоит *принципиальное единство* социал-шовинистов (Плехановых и Шейдеманов) и социал-пацифистов (Турати и Каутского), что и те и другие *объективно* представляют из себя *услужующих* империализма: одни «служат» ему, прикрашивая империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», другие служат *тому же* империализму, прикрашивая фразами о демократическом мире назревающий и подготовляемый империалистский мир.

Империалистской буржуазии нужны лакеи обоих видов или оттенков: Плехановы — чтобы криками «долгой завоевателей» поощрять продолжение бойни, Каутские — чтобы сладеньким воспеванием мира утешать и успокаивать слишком озлобленные массы.

Поэтому и общее объединение социал-шовинистов всех стран с социал-пацифистами, — тот общий «заговор против социализма», о котором говорит одно обращение Международной социалистической комиссии в Берне⁹⁶, та «всеобщая амнистия», о которой не раз говорили мы, — не будет случайностью, а лишь проявлением принципиального единства *обоих этих* направлений мирового тоже-«социализма». Не случайно, что Плеханов в одно и то же время иступленно кричит об «измене» Шейдеманов и намекает на мир и единство с этими господами, когда придет тому время.

Но — возразит, пожалуй, читатель — разве можно забывать, что империалистский мир «все же лучше» империалистской войны? что если не вся, то «по возможности», «частями» программа демократического мира может быть осуществлена? что независимая Польша лучше, чем русская Польша? что присоединение итальянских земель Австрии к Италии есть шаг вперед?

Подобными соображениями и прикрывают себя защитники Турати и Каутского, не замечая, что из революционных марксистов они превращаются тем в дюжинных буржуазных реформистов.

Разве можно, не сойдя с ума, отрицать, что бисмарковская Германия и ее социальные законы «лучше» Германии до 1848 года? Столыпинские реформы «лучше» России до 1905 года? Разве на этом основании немецкие социал-демократы (они были еще тогда социал-демократами) голосовали за бисмарковские реформы? Разве столыпинские реформы прикрашивались или хотя бы поддерживались

русскими социал-демократами, кроме, конечно, гг. Потресо́ва, Масло́ва и К^о, от коих теперь отвертывается с презрением даже член *их собственной партии* Мартов?

История не стоит на месте и во время контрреволюций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914—1916 годов, которая была *продолжением* империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60—70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции, и который в начале XX века перерос в *монополистический* капитализм, т. е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг *вперед* не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*. Силу национального сцепления, значение национальных симпатий обнаружило в эту войну поведение, напр., ирландцев в одной империалистской коалиции, чехов в другой. Сознательные вожди империализма говорят себе: мы не можем, конечно, осуществить свои цели без удушения мелких народов, но ведь есть два способа удушения. Бывают случаи, когда надежнее — и выгоднее — получить искренних, добросовестных «защитников отечества» в империалистской войне путем создания *политически независимых* государств, о *финансовой зависимости* которых «мы» уже позаботимся! Выгоднее быть союзником (при серьезной войне империалистских держав) независимой Болгарии, чем господином зависимой Ирландии! Довершение недоделанного в области национальных реформ может иногда внутренне укрепить империалистскую коалицию — это правильно учитывает, напр., один из особенно подлых холопов германского империализма, К. Реннер — разумеется, горой стоящий за «единство» социал-демократических партий вообще и за единство с Шейдеманом и Каутским в особенности.

Объективный ход вещей берет свое, и как душители революций 1848 и 1905 годов были, в известном смысле, их душеприказчиками, так дирижеры империалистской бойни *вынуждены* проводить известные государственно-капиталистические, известные национальные реформы. А к тому же надо уступочками *успокоить* массы, озлобленные войной и дороговизной: почему не обещать (и не провести частично — это ведь ни к чему не обязывает!) «сокращения вооружений»? Все равно ведь война

есть такая «отрасль промышленности», которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то бишь достаточно обильное и взрослое «пушечное мясо». А через десятилетия, мы надеемся, в недрах «единой» международной социал-демократии подрастут новые Плехановы, новые Шейдеманы, новые сладенькие примиренцы Каутские...

Буржуазные реформисты и пацифисты суть люди, которым, по общему правилу, в той или иной форме, *платят* за то, чтобы они укрепляли господство капитализма посредством починочек его, чтобы они усыпляли народные массы и отвлекали их от революционной борьбы. Когда такие «вожди» социализма, как Турати и Каутский, посредством ли прямых заявлений (одним из них «обмолвился» Турати в своей печально-знаменитой речи 17 декабря 1916 г.) или *посредством умолчаний* (на них такой мастер Каутский) внушают массам мысль о возможности демократического мира, вырастающего из теперешней империалистской войны, *при сохранении* буржуазных правительств, без революционного восстания против всей сети империалистских мировых соотношений, — тогда мы обязаны заявить, что подобная проповедь есть обман народа, что она не имеет ничего общего с социализмом, что она сводится к подкрашиванию *империалистского* мира.

Мы *за* демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам, как лгут — конечно, из самых благих намерений и с самыми добродетельными побуждениями! — Турати и Каутский. Мы будем говорить *правду*: что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии, России не свергнет буржуазные правительства. Мы считаем величайшей нелепостью, если бы революционные социал-демократы стали отрекаться от борьбы за реформы вообще, в том числе и за «государственное строительство». Но именно теперь Европа переживает такой момент, когда, больше чем обыкновенно, следует памятовать истину, что *реформы суть побочный результат революционной классовой борьбы*. Ибо на очередь дня — не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей — поставлено решение великих исторических вопросов прямым насильем масс, создающим новые устои, а не сделками на почве сгнившего и отмирающего старого.

Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз! — из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны «честным трудом» отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914-го года: превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм!* Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны! Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше, чем полусотни миллионов человек из *одного* центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной.

Но чтобы руководить массами, сознательные рабочие должны понять полную гнилость таких вождей социализма, как Турати, Каутский и К^о. Эти господа мнят себя революционными социал-демократами и глубоко возмущаются, когда им говорят, что их место в партии гг. Биссолати, Шейдемана, Легина и К^о. Но у Турати и Каутского нет никакого понимания того, что только революция масс способна решить поставленные на очередь дня великие вопросы, у них нет ни капли веры в революцию, ни капли внимания и интереса к тому, как зреет она в сознании и настроении масс именно в связи с войной. Их внимание целиком поглощено реформами, сделками между частями господствующих классов, к ним они обращаются, их «уговаривают», к ним хотят приспособить рабочее движение.

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 9—18. Ред.

А все дело теперь именно в том, чтобы сознательный авангард пролетариата устремил свои помыслы и собрал свои силы для революционной борьбы за свержение своих правительств. Таких революций не бывает, какие «готовы» признать и Турати и Каутский, — именно таких, чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы. Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление *этого* потока должны направить все свои силы революционные социал-демократы. От силы революционного движения, в случае его малого успеха, будет зависеть то, какая доля из «обещанных» реформ осуществится на деле и принесет хоть сколько-нибудь пользы дальнейшей борьбе рабочего класса. От силы революционного движения, в случае его успеха, будет зависеть победа социализма в Европе и осуществление не империалистского перемирия между борьбой Германии против России и Англии и борьбой России с Германией против Англии или борьбой Соединенных Штатов против Германии и Англии и т. п., а действительно прочного и действительно демократического мира.

«Социал-Демократ» № 58,
31 января 1917 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

СТАТИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ ⁹⁷

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию читателя очерки частью не были еще в печати, частью являются перепечаткой статей, появившихся до войны в отдельных периодических изданиях. Вопрос, которому посвящены очерки, — о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального — вызывает теперь, естественно, особый интерес. Чаще всего и больше всего недостатком рассуждений по этому вопросу является отсутствие исторической точки зрения и конкретности. Очень обычен провоз всяческой контрабанды под флагом общих фраз. Мы думаем поэтому, что немного статистики окажется весьма излишним. Сличение того, что было сказано нами до войны, с ее уроками кажется нам бесполезным. Очерки связаны единством теории и точки зрения.

Январь 1917 г.

Автор

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Факты — упрямая вещь, говорит английская пословица. Эта пословица особенно часто вспоминается, когда видишь, как иной писатель соловьем разливается по вопросу о величии «принципа национальности» в его разных значениях и соотношениях, причем применяется этот «принцип» по большей части столь же удачно, как удачны и уместны были восклицания известного героя народной сказки: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии.

Точные факты, бесспорные факты — вот что особенно невыносимо для этого рода писателей и вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом. Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже. Например, когда писатель, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильнее отнести это к политическому шарлатанству? Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига.

Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических

явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется.

Исходя из этих соображений, мы решили начать со статистики, вполне сознавая, конечно, какую глубокую антипатию вызывает статистика у некоторых читателей, предпочитающих «низким истинам» «нас возвышающий обман», и у некоторых писателей, любящих провозить под флагом «общих» рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме, патриотизме и т. п. политическую контрабанду.

ГЛАВА I

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

I

Чтобы обозреть действительно *всю* совокупность данных о национальных движениях, надо взять *все* население земли. Два признака при этом должны быть как можно точнее установлены и как можно полнее прослежены: во-первых, чистота или пестрота национального состава отдельных государств; во-вторых, деление государств (или государственно-подобных образований в тех случаях, когда возникает сомнение, можно ли говорить собственно о государстве) на политически самостоятельные и политически зависимые.

Возьмем новейшие данные, опубликованные в 1916 году, и будем опираться на два источника: один — немецкий, «Географически-статистические таблицы» Отто Гюбнера, и один английский, «Политический Ежегодник» («The Statesman's Year-Book»). Первый источник придется взять за основу, так как он гораздо полнее по интересующему нас вопросу, вторым же будем пользоваться для проверки и некоторых, большей частью частных, исправлений.

Начнем наш обзор с политически самостоятельных и наиболее «чистых», в смысле цельности национального состава, государств. На первое место выдвигается здесь сразу группа государств Западной Европы, т. е. лежащих к западу от России и Австрии.

Мы имеем здесь всего 17 государств, из которых однако пять, будучи очень чистыми по национальному составу, являются прямо игрушечными по своему ничтожному

размеру. Это — Люксембург, Монако, Марино, Лихтенштейн и Андорра, население которых, взятое вместе, составляет всего-навсего 310 тысяч человек. Несомненно, гораздо правильнее будет в число государств их вовсе не включать. Из остающихся 12 государств семь — совершенно чистого национального состава: в Италии, Голландии, Португалии, Швеции, Норвегии 99% населения каждого государства принадлежит к одной национальности; в Испании и Дании — по 96% населения. Затем три государства почти чистого национального состава: Франция, Англия, Германия. Во Франции всего 1,3% населения итальянцы, аннектированные Наполеоном III с нарушением и подделкой воли населения. В Англии аннексией является Ирландия, население которой, 4,4 млн., составляет менее одной десятой всего населения (46,8 млн.). В Германии из 64,9 млн. населения национально-чуждым и почти сплошь настолько же национально-угнетенным элементом, как ирландцы в Англии, являются поляки (5,47%), датчане (0,25%) и эльзас-лотарингцы (1,87 млн.), причем однако из последних некоторая (неизвестно в точности, какая именно) часть несомненно не только по языку, но и по экономическим интересам и по симпатиям тяготеет к Германии. В общем, около 5 млн. населения Германии принадлежит к чуждым, неполноправным и даже угнетенным нациям.

Только два маленькие государства Западной Европы имеют смешанный национальный состав: Швейцария, население которой, немного не достигающее четырех миллионов, состоит на 69% из немцев, на 21% из французов и на 8% из итальянцев, — и Бельгия (население поменьше 8 млн.; приблизительно около 53%, вероятно, фламандцев и около 47% французов). Необходимо заметить однако, что, как ни велика пестрота национального состава этих государств, об угнетении наций здесь говорить нельзя. По конституциям обоих государств все нации равноправны; в Швейцарии это равноправие и в действительности проведено полностью; в Бельгии неравноправие есть по отношению к фламандцам, хотя они и составляют большинство населения, но это неравноправие ничтожно по сравнению, напр., с тем, что переживали поляки в Германии или ирландцы в Англии, не говоря уже о том, что наблюдается обычно в странах, не принадлежащих к рассматриваемой группе государств. Поэтому, между

прочим, термин «государство национальностей», пошедший особенно в ход с легкой руки оппортунистов в национальном вопросе, австрийских писателей К. Реннера и О. Бауэра, является правильным лишь в очень ограниченном смысле, именно если, с одной стороны, не забывать особого исторического места большинства государств такого типа (об этом нам придется еще говорить ниже), а с другой стороны не допускать прикрытия этим термином коренного различия между действительным равноправием наций и угнетением наций.

Соединяя вместе рассмотренные страны, мы получаем одну группу в 12 западноевропейских государств с общим населением в 242 млн. человек. Из этих 242-х миллионов лишь около $9\frac{1}{2}$ млн., т. е. всего 4%, представляют из себя угнетенные нации (в Англии и Германии). Если подытожить все части населения во всех этих государствах, не принадлежащие к главной государственной национальности, то получим около 15 млн., т. е. 6%.

В общем и целом, следовательно, данная группа государств характеризуется следующими признаками: это — наиболее передовые капиталистические страны, всего более развитые и в экономическом и в политическом отношении. Культурный уровень равным образом наиболее высокий. В национальном отношении большинство этих государств совершенно чистого или почти совершенно чистого национального состава. Национальное неравноправие, как особое политическое явление, играет совершенно незначительную роль. Перед нами — тип того «национального государства», о котором так часто говорят, забывая в большинстве случаев исторически-условный и преходящий характер этого типа в общем капиталистическом развитии человечества. Но об этом подробнее мы скажем в своем месте.

Спрашивается, ограничивается ли этот тип государствами Западной Европы? Очевидно, нет. Все основные признаки этого типа, экономические (высокое и особенно быстрое развитие капитализма), политические (представительный строй), культурные, национальные, наблюдаются также в передовых государствах Америки и Азии: в Соед. Штатах и в Японии. Национальный состав последней — давно установившийся и совершенно чистый; население состоит более чем на 99% из японцев. В Соед. Штатах

только 11,1% населения составляют негры (а также мулаты и индейцы), которых следует отнести к угнетенной нации, поскольку равенство, отвоеванное гражданской войной 1861—1865 годов и обеспеченное конституцией республики, на деле в главных местах жительства негров (на юге) и во многих отношениях все более ограничивалось в связи с переходом от прогрессивного, домонополистического, капитализма 1860—1870-х годов к реакционному, монополистическому капитализму (империализму) новейшей эпохи, который в Америке отграничивается особенно ясно испано-американской империалистической (т. е. вызванной дележом добычи между двумя разбойниками) войной 1898-го года.

Из 88,7% белого населения Соед. Штатов 74,3% составляют американцы и только 14,4% рожденные за границей, т. е. переселившиеся из других стран. Как известно, особо благоприятные условия развития капитализма в Америке и особая быстрота этого развития сделали то, что нигде в мире не перемалываются так быстро и так радикально, как здесь, громадные национальные различия в единую «американскую» нацию.

Присоединяя Соед. Штаты и Японию к выше перечисленным западноевропейским странам, получаем 14 государств с общим населением в 394 млн. человек, из которых национально неравноправны около 26 млн., т. е. 7%. Забегая вперед, заметим, что большинство именно этих 14-ти передовых государств в период конца XIX и начала XX веков, т. е. как раз в период превращения капитализма в империализм, устремилось особенно усиленно вперед по пути колониальной политики, в результате которой эти государства «располагают» теперь свыше чем полумиллиардом населения в зависимых, колониальных странах.

II

Группа государств Восточной Европы — Россия, Австрия, Турция (эту последнюю географически правильнее теперь считать азиатским государством, а экономически «полукolonией») и 6 маленьких балканских государств: Румыния, Болгария, Греция, Сербия, Черногория и Албания — показывает нам сразу же картину, в корне отличающуюся от той, которую мы видели в Европе.

щуюся от предыдущей. Ни одного государства с чистым национальным составом! Только маленькие государства на Балканах можно назвать национальными государствами, причем однако нельзя забывать, что и в них чуженациональное население составляет от 5 до 10%, что громадные (по сравнению со всем числом представителей данной нации) количества румын и сербов живут вне пределов «своего» государства, что вообще «государственное строительство» на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось даже «вчера», можно сказать, войнами 1911—1912 годов. Ни одного *такого* национального государства, как Испания, Швеция и т. п., нет среди мелких балканских государств. А в больших государствах Восточной Европы, во всех трех, процент населения «своей» и притом главной национальности составляет лишь 43%. Больше половины населения, 57%, в каждом из этих трех больших государств, принадлежат к «чуженациональному» (инородческому, выражаясь истинно-русским языком) населению. Статистически разница между западноевропейской и восточноевропейской группой государств выражается следующим образом:

В первой группе мы имеем 10 чистых или почти чистых национальных государств с населением в 231 миллион; только 2 «пестрых» в национальном отношении государства, но без угнетения наций, при конституционном и фактически проводимом равноправии их, с населением в $11\frac{1}{2}$ млн.

Во второй группе 6 государств почти-чистых с населением в 23 млн.; три государства «пестрые» или «смешанные», без равноправия наций, с населением в 249 миллионов.

В общем и целом, процент инонационального населения (т. е. не принадлежащего к главной нации* каждого отдельного государства) составляет в Западной Европе 6%, а если прибавить Соед. Штаты и Японию, то 7%. В Восточной же Европе этот процент — 53%!

Впервые напечатано в 1935 г.
в журнале «Большевик» № 2

Печатается по рукописи

* В России великоруссы, в Австрии немцы и венгры, в Турции — турки.

МНИМОЕ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ БОЛОТО?

Тов. Р. Гримм утверждает в своей статье о большинстве и меньшинстве («Berger Tagwacht»* и «Neues Leben»**), что «и у нас выдуманно» «болото, мнимый партийный центр».

Мы докажем, что как раз позиция, занятая Гриммом в вышеуказанной статье, представляет типичную точку зрения центра.

Гримм, полемизируя с большинством, пишет:

«Ни одна из партий, стоящих на платформе Циммервальда и Кинталея, не выдвигала лозунга отказа от военной службы и одновременного обязательства для своих членов проводить его в жизнь. Сам Либкнехт надел военную форму и вступил в ряды армии. Итальянская партия ограничилась отклонением военных кредитов и гражданского мира. Меньшинство во Франции поступило так же».

Мы с удивлением протираем себе глаза. Мы снова перечитываем этот важный абзац в статье Гримма и советуем читателю поразмыслить над ним.

Невероятно, но это так! Чтобы доказать, что центр у нас выдуман, представитель этого нашего центра, Гримм, валит в одну кучу левых интернационалистов (Либкнехт) и правых циммервальдцев или центр!!!

Неужели Гримм действительно рассчитывает обмануть швейцарских рабочих и убедить их, что Либкнехт и

* — «Бернский Часовой». Ред.

** — «Новая Жизнь». Ред.

итальянская партия принадлежат к одному и тому же направлению? что между ними нет *как раз той* разницы, которая разделяет левых и центр?

Приведем *наши* доводы:

Во-первых, выслушаем свидетеля, который не принадлежит ни к центру, ни к левым. Германский социал-империалист Эрнст Гейльман писал 12 августа 1916 г. в «Glocke»⁹⁸, стр. 772: ... «Die Arbeitsgemeinschaft*, или циммервальдская правая, теоретиком которой является Каутский, а политическими вождями Гааге и Ледебур»... Может ли Grimm оспаривать, что Каутский-Гааге-Ледебур являются типичными представителями центра?

Во-вторых. Может ли, для Grimm оставаться неизвестным, что циммервальдская правая или центр выступает в современном социализме *против* немедленного разрыва с МСБ, Международным социалистическим бюро в Гааге, *бюро социал-патриотов*? что левая стоит за этот разрыв? что представители группы «Интернационал» в Кинтале — а к ней как раз и принадлежит Либкнехт — боролись против союза МСБ и за разрыв с ним?

В-третьих. Разве Grimm вабыл, что социал-пацифизм, прямо осужденный кинтальской революцией, стал именно сейчас платформой центра во Франции, Германии и Италии? что вся итальянская партия, которая не протестовала ни против многочисленных социал-пацифистских резолюций и заявлений своей парламентской группы, ни против позорной речи Турати 17 декабря, стоит на платформе социал-пацифизма? что обе левые группы в Германии, как I.S.D. (Интернациональные социалисты Германии), так и «Интернационал» (или группа «Спартак», к которой как раз и принадлежит Либкнехт) *прямо отвергли* социал-пацифизм центра? При этом не следует забывать, что злореднейшие социал-империалисты и социал-патриоты Франции, во главе с Самба, Реноделем и Жуо, *также* голосовали за социал-пацифистские резолюции и что таким путем особенно наглядно было вскрыто действительное, объективное значение социал-пацифизма.

* — Трудовое содружество. Ред.

В-четвертых... но довольно! Гримм стоит как раз на точке зрения центра, когда он подает швейцарской партии совет «удовольствоваться» отклонением кредитов и гражданского мира, как это сделала итальянская партия. Гримм критикует предложения большинства именно с точки зрения центра, потому что это большинство хочет приблизиться к точке зрения *Либкнехта*.

Гримм выступает в защиту ясности, прямоты и честности. Хорошо! Разве эти отличные качества не предписывают ясно, открыто, честно проводить различие между точкой зрения и тактикой *Либкнехта* и центра и не сваливать их в одну кучу?

Быть с *Либкнехтом*, это значит: (1) нападать на главного врага в своей собственной стране; (2) разоблачать социал-патриотов своей собственной страны (а не только *иностранных*, с вашего позволения, т. Гримм!), бороться с ними, не объединяться с ними — с вашего позволения, т. Гримм! — против левых радикалов; (3) открыто критиковать и обличать слабости не только социал-патриотов, но и социал-пацифистов и «центристов» в своей стране; (4) использовать парламентскую трибуну для того, чтобы призывать пролетариат к революционной борьбе, к тому, чтоб повернуть оружие; (5) распространять нелегальную литературу и организовывать нелегальные собрания; (6) устраивать пролетарские демонстрации вроде, например, демонстрации на Потсдамской площади в Берлине, на которой был арестован *Либкнехт*; (7) призывать к забастовкам рабочих военной промышленности, как это делала в своих нелегальных прокламациях группа «Интернационал»; (8) открыто доказывать необходимость полного «обновления» теперешних партий, ограничивающихся реформистской деятельностью, и действовать так же, как действовал *Либкнехт*; (9) безоговорочно отвергать защиту отечества в империалистской войне; (10) бороться по всей линии против реформизма и оппортунизма внутри социал-демократии; (11) столь же непримиримо выступать против профессиональных вождей, которые во всех странах, в особенности в Германии, Англии и Швейцарии, образуют авангард социал-патриотизма и оппортунизма и т. д.

Ясно, что с *этой* точки зрения многое в проекте большинства подлежит критике. Но об этом можно говорить

только в особой статье. Здесь же необходимо подчеркнуть, что большинство во всяком случае предлагает некоторые шаги в *этом* направлении, а Гримм нападает на это большинство не слева, а *справа*, не с точки зрения Либкнехта, а с точки зрения центра.

В своей статье Гримм все время смешивает два принципиально различных вопроса: во-первых, вопрос, *когда*, в какой момент должно быть осуществлено то или иное революционное действие. Стремиться решить этот вопрос заранее — бессмысленно, и вытекающие из этого упреки Гримма против большинства являются просто пусканием пыли в глаза рабочим.

Второй вопрос: *как* превратить, преобразовать партию, *неспособную* сейчас вести систематическую, упорную и при любых конкретных условиях действительно революционную борьбу, в такую партию, которая *была бы к этому способна*.

Это самый важный вопрос! Здесь *корень* всего спора, всей борьбы направлений в военном вопросе, равно как и в вопросе о защите страны! И как раз этот вопрос замалчивается, затушевывается, затемняется Гриммом. Более того: объяснения Гримма сводятся к тому, что этот вопрос *отрицается* им.

Все остается по-старому — вот красная нить, которая проходит через всю статью Гримма; в этом самое глубокое основание того утверждения, что этой статьей представлен *центр*. Все остается по-старому: *только* отклонение военных кредитов и гражданского мира! Всякий умный буржуа не может не признать, что в конце концов это *не приемлемо* и для буржуазии: это еще не угрожает господству буржуазии, не препятствует ей вести войну («мы подчиняемся» в качестве «меньшинства в государстве» — эти слова Гримма имеют очень, очень большое политическое значение, гораздо большее, чем это кажется на первый взгляд!).

И разве это не международный факт, что сама буржуазия и ее правительства в воюющих странах, прежде всего в Англии и Германии, *преследуют только* сторонников Либкнехта и *терпят* представителей центра?

Вперед, налево, даже если это связано с уходом некоторых социал-патриотических вождей! — таков, в кратких словах, политический смысл предложений большинства.

Назад от Циммервальда, вправо, к социал-пацифизму, к позиции центра, к «миру» с социал-патриотическими вождями, никаких массовых действий, никакого революционизирования движения, никакого обновления партии! — такова точка зрения Гримма.

Надо надеяться, что она откроет, наконец, глаза швейцарским левым радикалам на его центристскую позицию.

*Написано на немецком языке
в конце января 1917 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОЕННОМУ ВОПРОСУ ⁹⁹

1. Принятие обязательства представителями партии в парламенте отклонять с принципиальной мотивировкой все военные требования и кредиты. Требование демобилизации.

2. Никакого гражданского мира; обострение принципиальной борьбы против всех буржуазных партий, а также против националистически-грюнлианских идей в рабочем движении и партии.

3. Систематическая революционная пропаганда в армии.

4. Поддержка всех революционных движений и борьбы против войны и собственных правительств во всех воюющих странах.

5. Содействие всякой революционной массовой борьбе в самой Швейцарии, стачкам, демонстрациям и превращение их в открытую вооруженную борьбу.

6. Целью революционной массовой борьбы, признанной уже партейтагом в Аарау 1915 г., партия объявляет социалистическое преобразование Швейцарии. Этот переворот является единственным и действительнейшим средством освобождения рабочего класса от ужасов дороговизны и голода, он необходим для полного устранения милитаризма и войны.

*Написано между 27 и 29 января
(9 и 11 февраля) 1917 г.*

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по машинописной копии
Перевод с немецкого*

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКОГО ПЕРИОДА В ЖИЗНИ ОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

7. I. 1917. Заседание правления социалистической партии Швейцарии. Вождь «центра» Р. Гримм объединяется с социал-патриотическими лидерами и откладывает на неопределенное время партейтаг (на котором должен был обсуждаться военный вопрос и который был назначен на 11. II. 1917 г.).

Против этого протестуют и голосуют Нобс, Платтен, Нэн и др.

Величайшее возмущение против этой отсрочки в кругах сознательных рабочих.

9. I. 1917. Опубликование резолюций большинства и меньшинства. В проекте большинства совершенно отсутствует ясное заявление *против* защиты отечества (Аффольтер и Шмид были против этого), но в § 3 все же содержится требование: «Обязательство партийных представителей в парламенте отклонять с принципиальной мотивировкой все военные требования и кредиты». Это следует хорошенько запомнить.

23. I. 1917. Цюрихский «Volksrecht»* печатает мотивировку референдума¹⁰⁰. В этой мотивировке отсрочка резко, но совершенно правильно, характеризуется, как победа грютлианцев над социализмом.

Буря негодования лидеров против этого референдума. Гримм в «Bernener Tagwacht»**, Жак Шмид (Ольтен) в «Neue Freie Zeitung», Ф. Шнейдер в «Basler Vorwärts»¹⁰¹,

* — «Народное Право». Ред.

** — «Бернский Часовой». Ред.

затем, кроме этих «центровиков», социал-патриот *Губер* в с.-галленском «*Volksstimme*»*, — все они осыпают инициаторов референдума бранью и угрозами.

Р. Гримм стоит во главе этого позорного похода, в особенности он старается запугать «организацию молодежи» и обещает выступить против нее на ближайшем партийтаге.

Сотни и сотни рабочих в немецкой и французской Швейцарии ревностно покрывают подписные листы референдума. Нэн телеграфирует Мюнценбергу, что кантональный секретариат, по всей вероятности, будет стоять за поддержку референдума.

22. I. 1917. «*Berner Tagwacht*» и «*Volksrecht*» печатают заявление члена Национального совета *Густава Мюллера*. Мюллер ставит партии формальный ультиматум, заявляя от имени своей группы (он пишет «наша группа»), что он откажется от своего мандата члена Национального совета, так как для него *неприемлемо* «принципиальное отклонение военных кредитов».

26. I. 1917 *Грейлих* в своей четвертой статье в «*Volksrecht*» ставит партии тот же ультиматум, заявляя, что «само собой разумеется», он сложит свои полномочия, если партийтаг примет *параграф 3 резолюции большинства*.

27. I. 1917 Э. Нобс заявляет в редакционной заметке («К референдуму»), что он *ни в коем случае* не разделяет обоснования референдума.

Платтен молчит.

31. I. 1917 секретариат решает созвать партийтаг на 2 и 3 июня 1917 г. (не следует забывать, что секретариат уже однажды постановил назначить партийтаг на 11. II. 1917 г., но это решение было отменено правлением партии!).

1. II. 1917 в Ольтене собирается в неполном составе Циммервальдская конференция. В ней принимают участие представители организаций, приглашенных на конференцию социалистов Антанты (в марте 1917 г.).

Радек, Зиновьев, Мюнценберг, один член «Интернационала» (группа «Спартак» в Германии, членом которой был К. Либкнехт) публично блчуют Р. Гримма и объявляют,

* — «Народный Голос». Ред.

что его союз с социал-патриотами *против* социалистических рабочих Швейцарии делает его «политическим мертвецом».

Пресса упорно замалчивает эту конференцию.

1. II. 1917 Платтен печатает свою первую статью по военному вопросу. При этом надо обратить особое внимание на два заявления.

Во-первых, Платтен пишет буквально следующее: «Конечно, в комиссии чувствовалось отсутствие ясной головы и бесстрашного и последовательного циммервальдского борца, который стоял за то, чтобы военный вопрос *был положен под сукно* до окончания войны».

Не трудно угадать, против кого направлен удар без указания имени.

Во-вторых, Платтен высказывается в той же статье принципиально:

«Военный вопрос — не только борьба мнений вокруг *этого* вопроса, но и определенное направление в дальнейшем развитии партии, это борьба против оппортунизма в партии, выступление против реформистов и за революционную классовую борьбу».

3. II. 1917 происходит частное совещание центристов (Гримм, Шнейдер, Риматэ и др.), в котором участвуют также Нобс и Платтен. Мюнценберг и д-р Бронский были также приглашены, но отказываются от участия в нем.

Принято постановление «изменить» резолюцию большинства так, что она существенно *ухудшается* и становится «центристской резолюцией», в особенности благодаря тому, что *параграф 3* исчезает и заменяется совершенно неопределенным, расплывчатым выражением речи.

6. II. 1917 происходит общее собрание членов с.-д. партии в Цюрихе. Важнейший пункт: выборы комитета.

Народу собралось мало, в особенности рабочих.

Платтен вносит предложение отложить заседание. Социал-патриоты и Нобс — против. Предложение отвергается.

Начинаются выборы. Когда становится известным, что избран д-р Бронский, социал-патриот *Бауман* заявляет от имени четырех членов комитета, что он отказывается работать с д-ром Бронским.

Платтен вносит предложение этот ультиматум принять (подчиниться этому), поскольку он объявляет (совершенно

недемократично и противозаконно) все выборы не состоявшимися. Это предложение принимается!!!

9. II. 1917. Опубликование «новой» резолюции большинства. Подписи: «центристы» Гримм, Риматэ, Шнейдер, Жак Шмид и т. д., затем Нобс и Платтен. Резолюция сильно ухудшилась, и *параграф три*, как уже было сказано, исчезает.

В резолюции *никакого намека* на борьбу против оппортунизма и реформизма, на твердое решение следовать тактике Карла Либкнехта!

Это типичная центристская резолюция, где преобладают «общие», якобы «теоретические» разглагольствования, а практические требования преднамеренно так слабо и расплывчато сформулированы, что можно надеяться, что не только Гримм и Г. Мюллер, но даже Бауман = Цюрих, пожалуй, соблаговолит взять обратно свой ультиматум и... амнистировать партию.

Итог: Циммервальдизм торжественно похоронен в «болоте» лидерами швейцарской партии.

Добавление.

С.-галленский «*Volksstimme*» (где очень часто Губер = Роршах пишет) 25. I. 1917 г.:

«Этому бесстыдству (т. е. мотивировке референдума) достаточно противопоставить тот факт, что предложение об отсрочке (7. I.) было внесено тов. Гриммом и энергично защищалось, между прочим, гг. Манцем, Грейлихом, Мюллером, Аффельтером и Шмидом».

«*Basler Vorwärts*» от 16. I. 1917 г. сообщает, что предложение об отсрочке (7. I.) внесли следующие товарищи:

«Гримм, Риматэ, Штудер, Мюнх, Ланг = Цюрих, Шнейдер = Базель, Кеель = С.-Галлен и Шнурренбергер» (так!?! Должно быть опечатка? вместо: Шнеебергер?).

Рабочие имеют все основания быть благодарными обеим газетам за приведение этих имен!..

Написано на немецком языке
в конце февраля 1917 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

НАБРОСОК ТЕЗИСОВ 4 (17) МАРТА 1917 ГОДА¹⁰²

Сведения, имеющиеся в данный момент, 17. III. 1917, в Цюрихе из России так скудны, и события так быстро развиваются теперь в нашей стране, что судить о положении дела можно лишь с большой осторожностью.

Вчера телеграммы изображали дело так, что царь уже отрекся и новое октябристско-кадетское правительство¹⁰³ уже заключило соглашение с другими представителями династии Романовых. Сегодня есть известие из Англии, что царь еще не отрекся и что он неизвестно где находится! Значит, царь делает попытки оказать сопротивление, организовать партию и может быть войско для реставрации; возможно, что для обмана народа царь, если ему удастся бежать из России или получить часть военных сил на свою сторону, выступит с манифестом о немедленном сепаратном мире, подписанном им с Германией!

При таком положении дела задача пролетариата довольно сложная. Нет сомнения, что он должен организоваться возможно лучше, собрать свои силы, вооружиться, укрепить и развить свой союз со всеми слоями трудящейся массы в городе и деревне, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию.

С другой стороны, новое правительство, захватившее власть в Петербурге или вернее вырвавшее ее из рук победившего в героической кровавой борьбе пролетариата, состоит из либеральных буржуа и помещиков, на поводу которых идет представитель демократического крестьянства и, возможно, части увлеченных на бур-

жуазный путь, забывших интернационализм рабочих, Керенский. Новое правительство состоит из заведомых сторонников и защитников империалистской войны с Германией, т. е. войны в союзе с империалистскими правительствами Англии и Франции, войны ради грабежа и завоевания чужих стран, Армении, Галиции, Константинополя и т. д.

Новое правительство не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира ни хлеба ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс.

Новое правительство не может дать мира как потому, что оно является представителем капиталистов и помещиков, так и потому, что оно связано договорами и денскими обязательствами с капиталистами Англии и Франции. Социал-демократия России, оставаясь верна интернационализму, должна поэтому прежде всего и в первую голову разъяснить массам народа, ждущим мира, невозможность добиться его при данном правительстве. В первом своем обращении к народу (17. III.) правительство это ни слова не сказало о главном и основном вопросе данного момента, о мире. Оно сохраняет в тайне грабительские договоры, заключенные царизмом с Англией, Францией, Италией, Японией и т. д. Оно хочет скрыть от народа правду о своей военной программе, о том, что оно за войну, за победу над Германией. Оно не в состоянии сделать то, что теперь необходимо народам: немедленно и открыто предложить всем воюющим странам осуществить перемирие тотчас, а затем заключить мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и неполноправных наций. Для осуществления этого нужно рабочее правительство в союзе, во-1-х, с беднейшей массой деревенского населения; во-2-х, с революционными рабочими всех воюющих стран.

Новое правительство не может дать народу хлеба. А никакая свобода не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов, от дурного распределения их, а главное от захвата их помещиками и капиталистами. Чтобы дать народам хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов,

а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство.

Новое правительство, наконец, не в состоянии дать народу и полной свободы, хотя в своем манифесте от 17. III. 1917 оно исключительно говорит о политической свободе, умалчивая об остальных, не менее важных вопросах. Новое правительство уже сделало попытку вступить в соглашение с династией Романовых, ибо оно предлагало признать ее, не считаясь с волей народа, на основе отречения Николая II и назначения регентом к его сыну одного из семьи Романовых. Новое правительство сулит в своем манифесте всяческие свободы, но не исполняет своего прямого и безусловного долга немедленно осуществить свободы, провести выбор офицеров и т. д. солдатами, назначить выборы в городскую думу Петербурга, Москвы и пр. на основе действительно всеобщего, а не только мужского, голосования, открыть все казенные и общественные здания под народные собрания, назначить выборы во все местные учреждения и земства на основе такого же действительно всеобщего голосования, отменить все стеснения прав местного самоуправления, отменить всех чиновников, назначаемых сверху для надзора за местным самоуправлением, осуществить не только свободу вероисповедания, но и свободу от религии, отделить тотчас школу от церкви и освободить ее от чиновничьей опеки и т. д.

Весь манифест нового правительства от 17. III. внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас.

Новое правительство не говорит в своей программе ни слова ни о 8-ми часовом рабочем дне и других экономических улучшениях положения рабочих, ни о земле для крестьян, о передаче крестьянам без выкупа всех помещичьих земель, обнаруживая молчанием об этих насущных вопросах свою капиталистическую и помещичью природу.

Дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-1-х, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-2-х, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран.

Революционный пролетариат не может поэтому рассматривать революции 1 (14). III. иначе как своей первой, далеко еще не полной, победы на своем великом пути, не может не ставить себе задачи продолжить борьбу за завоевание демократической республики и социализма.

Для выполнения этой задачи пролетариат и РСДРП должны в первую голову использовать ту относительную и неполную свободу, которую вводит новое правительство и которую обеспечить и расширить в состоянии лишь более настойчивая и упорная дальнейшая революционная борьба.

Необходимо, чтобы все трудящиеся массы деревни и города, а также войско, узнали правду о теперешнем правительстве и его действительном отношении к насущным вопросам. Необходима организация Советов рабочих депутатов и вооружение рабочих; необходимо перенесение пролетарских организаций на войско (которому новое правительство также обещает политические права) и на деревню; необходима в особенности отдельная классовая организация сельскохозяйственных наемных рабочих.

Только при осведомлении самых широких масс населения и организации их обеспечена полная победа следующего этапа революции и завоевание власти рабочим правительством.

Для выполнения этой задачи, которая в революционное время и под влиянием тяжелых уроков войны может быть усвоена народом в неизмеримо более короткое время, чем при обычных условиях, необходима идейная и организационная самостоятельность партии революционного пролетариата, оставшейся верной интернационализму и не поддавшейся лжи буржуазных фраз, обманывающих народ речами о «защите отечества» в теперешней империалистской, грабительской войне.

Не только данное правительство, но и демократически-буржуазное республиканское правительство, если бы оно состояло только из Керенского и других народнических и «марксистских» социал-патриотов, не в состоянии избавить народ от империалистской войны и гарантировать мир.

Поэтому мы не можем идти ни в какие ни блоки ни союзы ни даже соглашения с рабочими-оборонцами, ни с

направлением Гвоздева-Потресова-Чхенкели-Керенского и т. п. ни с людьми, занимающими подобно Чхеидзе и т. д. колеблющееся и неопределенное положение по этому основному вопросу. Подобные соглашения не только внесли бы ложь в сознание масс и сделали их зависимыми от империалистской буржуазии России, но и ослабили и подорвали бы руководящую роль пролетариата в деле избавления народов от империалистских войн и гарантирования действительно прочного мира между рабочими правительствами всех стран.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в Ленинском сборнике II*

Печатается по рукописи

ТЕЛЕГРАММА БОЛЬШЕВИКАМ, ОТЪЕЗЖАЮЩИМ В РОССИЮ¹⁰⁴

Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству, Керенского особенно подозреваем, вооружение пролетариата — единственная гарантия, немедленные выборы в Петроградскую думу, никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград.

Ульянов

Написано 6 (19) марта 1917 г.

*Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XIII*

*Печатается по рукописной копии
Перевод с французского*

ЗАЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТУ «VOLKSRECHT»¹⁰⁵

Различные немецкие газеты опубликовали в *искаженном виде* телеграмму, посланную мною в понедельник, 19-го марта, в Скандинавию отдельным членам нашей партии, отправлявшимся в Россию и просившим моего совета относительно тактики, которой должна придерживаться социал-демократия.

Я телеграфировал следующее:

«Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству, Керенского особенно подозреваем, вооружение пролетариата — единственная гарантия, немедленные выборы в Петроградскую думу (городской совет), никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград».

Я послал эту телеграмму от имени *заграничных* членов Центрального Комитета, а не самого Центрального Комитета. Я говорил не об Учредительном собрании, а о выборах в *муниципальные* органы. Выборы в Учредительное собрание являются пока лишь пустым обещанием. Выборы в Петроградскую городскую думу можно и должно было бы провести *немедленно*, если правительство действительно способно провести в жизнь обещанные свободы. Эти выборы могли бы оказать пролетариату помощь при организации и укреплении его революционной позиции.

Н. Ленин

Написано после 6 (19) марта 1917 г.

*Напечатано 29 марта 1917 г. в газете
«Volksrecht» № 75*

На русском языке печатается впервые

*Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого*

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА¹⁰⁶

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО I

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней.

Первый этап этой первой революции, именно *русской* революции 1 марта 1917 года, судя по скудным данным в Швейцарии, закончился. Этот первый этап, наверное, не будет последним этапом нашей революции.

Как могло случиться такое «чудо», что всего в 8 дней, — срок, указанный г. Милюковым в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей, — развалилась монархия, державшаяся веками и в течение 3 лет величайших, всенародных классовых битв 1905—1907 годов, удерживавшаяся несмотря ни на что?

Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни

и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности».

Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая, великая революция 1905-го года, осужденная как «великий мятеж» господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к «блестящей», «славной» революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют «славной», ибо она (пока) дала им власть, — то необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории

нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться сразу.

Этим всемогущим «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война.

Теперь уже бесспорно, что она — всемирная, ибо С. Штаты и Китай наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра.

Теперь уже бесспорно, что она империалистская с *обеих* сторон. Только капиталисты и их прихвостни, социал-патриоты и социал-шовинисты, — или, говоря вместе общих критических определений знакомыми политическими именами в России, — только Гучковы и Львовы, Милюковы и Шингаревы, с одной стороны, только Гвоздевы, Потресовы, Чхенкели, Керенские и Чхендзе с другой, могут отрицать или затушевывать этот факт. Войну ведет и германская и англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом рабочих депутатов*, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой.

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичьи-октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия (главные представители ее Керенский и Чхендзе); 3) Совет рабочих

депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения, — эти три основные политические силы с полнейшей ясностью обнаружили себя даже в 8 дней «первого этапа», даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Но прежде чем подробнее говорить об этом, я должен вернуться к той части своего письма, которая посвящена фактору первой силы — всемирной империалистической войне.

Война связала воюющие державы, воюющие группы капиталистов, «хозяев» капиталистического строя, рабовладельцев капиталистического рабства, железными цепями друг с другом. *Один кровавый комок* — вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого нами исторического момента.

Социалисты, перешедшие на сторону буржуазии в начале войны, все эти Давиды и Шейдеманы в Германии, Плехановы-Потресовы-Гвоздевы и К^о в России, кричали долго и во все горло против «иллюзий» революционеров, против «иллюзий» Базельского манифеста, против «грезофарса» превращения империалистской войны в гражданскую. Они воспевали на все лады обнаруженную будто бы капитализмом силу, живучесть, приспособляемость, — они, помогавшие капиталистам «приспособлять», приручать, одурачивать, разъединять рабочие классы разных стран.

Но «хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним». Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. Он растет с неудержимой силой во всех странах, начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного недавно посетившего ее наблюдателя, «гениально организованный голод», кончая Англией и Францией, где голод надвигается *тоже* и где организация гораздо менее «гениальна».

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»), — революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нане-

сены России и ее союзникам. Поражения распатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против «пораженчества», поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злобно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно некоторым «окистам» или «меньшевикам», колеблющимся между гвоздевщиной-потресовщиной и интернационализмом,

слишком часто сбивающимся на мелкобуржуазный пацифизм, — восневать «соглашение» рабочей партии с кадетами, «поддержку» первую вторых и т. д. Эти люди, в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения «главного вояки» Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — так радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирией... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу*.

Было бы просто глупо говорить о «поддержке» революционным пролетариатом России кадетско-октябристского, английскими деньжками «сметанного», столь же омерзительного, как и царский, империализма. Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К^о *за смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его *данной, сегодняшней, оригинальности*,

но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубоких соотношений интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это новое правительство, в котором октябристы и «мирнообновленцы», вчерашние пособники Столыпина-Вешатели, Львов и Гучков, занимают действительно важные посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а «трудовик» Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное собрание лиц.

Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно правит нашей страной экономически и которая как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, так наконец, — и притом с особенной быстротой, — за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя непременного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле как будто бы сразу) догнали Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистической бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство.

Рядом с этим правительством, — в сущности простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения *данной* войны, — возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — *Совет рабочих депутатов* в Питере, ищущий связей с солдатами и крестьянами, а также с сельскохозяйственными рабочими и с ними конечно в особенности, в первую голову, больше чем с крестьянами.

Таково *действительное* политическое положение, которое мы прежде всего должны стараться установить с наибольшей возможной объективной точностью, чтобы основать марксистскую тактику на единственно прочном фундаменте, на котором она должна основываться, на фундаменте *фактов*.

Царская монархия разбита, но еще не добита.

Октябристско-кадетское, буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынужденное обещать* народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню.

Совет рабочих депутатов, организация рабочих, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т. е. $\frac{9}{10}$ населения, добывающийся *мира, хлеба, свободы*.

Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходом* от первого ко второму этапу революции.

Между первой и второй силой противоречие *не* глубокое, временное, вызванное *только* конъюнктурой момента, крутым поворотом событий в империалистской войне. *Все* новое правительство — монархисты, ибо *словесный* республиканизм Керенского просто не серьезен, не достоин политика, является, *объективно*, политиканством. Новое правительство не успело добить царской монархии, как уже *начало вступать в сделки* с династией помещиков Романовых. Буржуазии октябристско-кадетского типа *нужна* монархия, как глава бюрократии и армии для охраны привилегий капитала против трудящихся.

Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма (а это говорят повидимому Потресовы, Гвоздевы, Чхеидзе, а также несмотря на всю *уклончивость* и Чхеидзе), тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство *уже* связано по рукам и ногам империалистским капиталом, империалистской *военной*, грабительской политикой, *уже* начало сделки (не спросясь народа!) с династией, *уже* работает над *реставрацией* царской монархии, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова, уже заботится об укреплении его трона, о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держащейся подтасованным народным голосованием).

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснабаев Милюкова и Керенского, *не* рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Все остальное — фраза и ложь, самообман политика-нов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу — и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена.

Иначе Гучковы и Милюковы восстановят монархию и не выполнят *ничего*, ровнехонько ничего из обещанных ими «свобод». Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политики во *всех* буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, — *поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят Потресовы, Гвоздевы, Чхеидзе, как вчера говорил Плеханов.

Наша революция буржуазная, — говорим мы, марксисты, — *поэтому* рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить

словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение.

Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, *не может*, — даже если бы оно искренно хотело этого (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), — *не может* дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы.

Мира — потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство грабежа, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Курляндию, Литовский край и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название: «Англия и Франция».

Хлеба — потому, что это правительство буржуазное. В лучшем случае оно даст народу, как дала Германия, «генерально организованный голод». Но народ не пожелает терпеть голода. Народ узнает, и вероятно скоро узнает, что хлеб есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, *не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения*.

Свободы — потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа и уже начавшее сделки с романовской династией.

О тактических задачах нашего ближайшего поведения по отношению к этому правительству мы поговорим в другой статье. Там мы покажем, в чем своеобразие текущего момента — *перехода* от первого к второму этапу революции, почему лозунгом, «задачей дня» в этот момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*.

Ограничиваясь теперь анализом классовой борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы союзники пролетариата в данной революции?

У него два союзника: во-1-х, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью

мелкокрестьянского населения в России. Этой массе *необходим* мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут *тем более* жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К^о, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждая ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь относительной свободой нового порядка и Советами рабочих депутатов, стараться *просветить* и *организовать* прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, Советы сельскохозяйственных рабочих — вот одна из серьезнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельскохозяйственные рабочие выделили свои особые Советы, но и чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовались *отдельно* от зажиточных крестьян. Об особых задачах и особых формах насущно-необходимой теперь организации в следующем письме.

Во-2-х, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистической войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат может пойти и пойдет, *используя особенности* теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьян над помещиками вместо гучковско-милюковской полумонархии, а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу.

Н. Ленин

Написано 7 (20) марта 1917 г.

Напечатано 21 и 22 марта 1917 г.
в газете «Правда» № № 14 и 15

Печатается по машинописной
копии, сверенной с текстом
газеты «Правда»

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО 2

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРОЛЕТАРИАТ

Главный документ, которым я располагаю по сегодняшнее число (8/21 марта), это — номер английской консервативнейшей и буржуазнейшей газеты «Times» (Таймс)¹⁰⁷ от 16/3 со сводкой сообщений о революции в России. Ясно, что источника, более благоприятно — выражаясь мягко — настроенного к правительству Гучкова и Милюкова, найти нелегко.

Корреспондент этой газеты сообщает из Петербурга от среды 1 (14) марта, когда существовало еще только *первое* временное правительство, т. е. думский Исполнительный комитет из 13 человек, с Родзянкой во главе и с двумя, по выражению газеты, «социалистами» Керенским и Чхеидзе в числе членов, — следующее:

«Группа из 22 выборных членов Государственного совета, Гучков, Стахович, Трубецкой, профессор Васильев, Grimm, Вернадский и др., отправила вчера телеграмму царю», умоляя его для спасения «династии» и пр. и пр. созвать Думу и назначить главу правительства, пользующегося «доверием нации». «Каково будет решение императора, который сегодня должен приехать, еще неизвестно в данный момент, — пишет корреспондент — но одна вещь совершенно несомненна. Если его величество не удовлетворит немедленно желаний самых умеренных элементов среди его лояльных подданных, то влияние, которым пользуется теперь Временный комитет Государственной думы, всецело перейдет в руки социалистов, которые хотят учреждения республики, но которые не в состоянии установить какого бы то ни было упорядоченного прави-

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Письма из далека. Письмо 2. Новое правительство
и пролетариат». — 22 (9) марта 1917 г.

Письма из далека.

1

Письмо 2.

Новое правительство и пролетариат.

Главный документ, которому я располагаю по сегодняшнему числу (8/21 марта), это — номер антиминской консервативнейшей и буржуазнейшей газеты „Times“ (Таймс) от 16/3 со сводкой сообщений о революции в России. Ясно, что перогляжка, бытие благоприязно — выражает ильгко — настроенного к правительству Гучкова и Миллюкова, кайти келетко.

Корреспондент этой газеты сообщает из Петербурга от среды 1(14)марта, когда существовало еще только первое временное правительство т.е. Думский Исполнительный Комитет из 13 членов, с Родзянкой во главе и с двумя, по выражению газеты, „социалистами“ Керенским и Шульце в числе членов, — след. дуроче:

„Группа из 22 влиятельных членов Гос. Совета, Гучков, Станович, Трубенкой, проф. Васильев, Зоткин, Вернадский“ и др., отправила вчера телеграмму царю, умоляя его для спасения „династии“ и пр. и пр. создать Думу и наказать главу правительства, поощряющего „доброе имя“.
„Каково будет решение Императора, которая сегодня думает прибавить, еще неизвестно в данный момент, — пишет корреспондент — но одна вещь совершенно несомнительна. Если его Величество не удовлетворит немедленно требования самих внутренних элементов

тельства и неизбежно повергли бы страну в анархию внутри, в катастрофу извне»...

Не правда ли, как это государственно-мудро и как это ясно? Как хорошо понимает английский единомышленник (если не руководитель) Гучковых и Милюковых соотношение классовых сил и интересов! «Самые умеренные элементы из лояльных подданных», т. е. монархические помещики и капиталисты, желают получить власть в свои руки, превосходно сознавая, что иначе «влияние» перейдет в руки «социалистов». Почему же именно «социалистов», а не кого-либо еще другого? Потому, что английский гучковец отлично видит, что никакой другой общественной силы на политической арене *нет* и быть *не может*. Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения, он требует хлеба, мира и свободы, он требует республики, он сочувствует социализму. А горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить *сделку с падающей монархией*, поддержать, спасти ее: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа. Вот весь смысл, вся суть политики нового правительства!

А как оправдать обман народа, одурачение его, нарушение воли гигантского большинства населения?

Для этого надо оклеветать его — старый, но вечно новый прием буржуазии. И английский гучковец клеветает, бранится, плюет и брызжет: «анархия внутри, катастрофа извне», никакого «упорядоченного правительства»!!

Неправда, почтенный гучковец! Рабочие хотят республики, а республика есть гораздо более «упорядоченное» правительство, чем монархия. Чем гарантирован народ от того, что второй Романов не заведет себе второго Распутина? Катастрофу несет именно продолжение войны, т. е. именно новое правительство. Пролетарская республика, поддержанная сельскими рабочими и беднейшей частью крестьян и горожан, одна только может обеспечить мир, дать хлеб, порядок, свободу.

Крики против анархии прикрывают лишь корыстные интересы капиталистов, желающих наживаться на войне

и на военных займах, желающих восстановить монархию *против* народа.

... «Вчера — продолжает корреспондент — социал-демократическая партия выпустила воззвание самого мятежнического содержания, и воззвание это было распространено по всему городу. Они» (т. е. социал-демократическая партия) «чистые доктринеры, но их власть на совершение зла громадна во время, подобное настоящему. Г-н Керенский и г. Чхеидзе, которые понимают, что беа поддержки офицеров и более умеренных элементов народа они не могут надеяться на избежание анархии, принуждены считаться со своими менее разумными товарищами и незаметно их толкают к занятию позиции, которая усложняет задачу Временного комитета»...

О, великий английский дипломат-гучковец! Как «неразумно» проболтали вы правду!

«Социал-демократическая партия» и «менее разумные товарищи», с которыми «принуждены считаться Керенский и Чхеидзе», это, очевидно, — Центральный или Петербургский Комитет нашей, восстановленной январской конференцией 1912 года, партии, те самые «большевики», которых буржуа всегда ругают «доктринерами» за верность «доктрине», т. е. началам, принципам, учению, целям *социализма*. Мятежническим и доктринерским ругает английский гучковец, явное дело, воззвание и поведение нашей партии за призыв бороться за республику, за мир, за полное разрушение царской монархии, за хлеб для народа.

Хлеб для народа и мир — это мятежничество, а министерские места для Гучкова и Милюкова, это — «шорядок». Старые, знакомые речи!

Какова же тактика Керенского и Чхеидзе, по характеристике английского гучковца?

Колеблющаяся: с одной стороны, гучковец хвалит их, они-де «понимают» (пай-мальчики! умницы!), что без «поддержки» офицеров и более умеренных элементов нельзя избежать анархии (а мы-то думали до сих пор и продолжаем думать, согласно нашей доктрине, нашему учению социализма, что именно капиталисты вносят в человеческое общество анархию и войны, что только переход *всей* политической власти к пролетариату и беднейшему народу способен избавить нас от войн, от анархии, от голода!). — — — С другой стороны, они-де

«принуждены считаться» «с своими менее разумными товарищами», т. е. с большевиками, с Российской социал-демократической рабочей партией, восстановленной и объединенной Центральным Комитетом.

Какая же сила «принуждает» Керенского и Чхеидзе «считаться» с большевистской партией, к которой они *никогда* не принадлежали, которую они сами или их литературные представители («социалисты-революционеры», «народные социалисты»¹⁰⁸, «меньшевики-окисты» и т. п.) всегда бранили, осуждали, объявляли ничтожным подпольным кружком, сектой доктринеров и т. п.? Где же и когда это видано, чтобы в революционное время, во время действия *масс* по преимуществу, политики, не сошедшие с ума, «считались» с «доктринерами»??

Запутался бедный наш английский гучковец, не свел концов с концами, не сумел ни целиком налгать, ни целиком сказать правды, и только выдал себя.

Считаться с социал-демократической партией Центрального Комитета принудило Керенского и Чхеидзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою пелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма.

«Факты — упрямые вещи», говорит английская пословица. Позвольте вам напомнить ее, почтеннейший английский гучковец! Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии *должен* был признать «сам» английский гучковец. Факт колебаний Керенского и Чхеидзе *между* буржуазией и пролетариатом он должен был признать равным образом. Гвоздевы, «оборонцы», т. е. социал-шовинисты, т. е. защитники империалистской, грабительской войны, вполне пдут теперь за буржуазией, Керенский, войдя в министерство, т. е. во второе Временное правительство, тоже вполне ушел к ней; Чхеидзе не пошел, он остался *колеблющимся* между Временным правительством буржуазии, Гучковыми и Милюковыми, и «временным правительством» пролетариата и беднейших масс народа, Советом рабочих

депутатов и Росийской социал-демократической рабочей партией, объединенной Центральным Комитетом.

Революция подтвердила, следовательно, то, на чем мы особенно настаивали, призывая рабочих к отчетливому уяснению классовой разницы между главными партиями и главными течениями в рабочем движении и в мелкой буржуазии, — то, что мы писали, напр., в женевском «Социал-Демократе», № 47, почти полтора года тому назад, 13 октября 1915 г.:

«Участие социал-демократов во временном революционном правительстве мы считаем попрежнему допустимым вместе с демократической мелкой буржуазией, но только не с революционерами-шовинистами. Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешают ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики¹⁰⁹, социалисты-революционеры, «Наша Заря» (ныне «Дело»)¹¹⁰, фракция Чхеидзе, ОК, г. Плеханов и т. под. Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны *из* «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против* них и *за* союз международного пролетариата для социалистической революции»*.

Но вернемся к английскому гучковцу.

...«Временный комитет Государственной думы — продолжает он — оценивая опасности, стоящие перед ним, умышленно воздержался от осуществления своего первоначального плана арестовать министров, хотя это можно бы было сделать вчера с наименьшими трудностями. Дверь была таким образом открыта для переговоров,

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 367—368. Ред.

благодаря чему мы» («мы» = английский финансовый капитал и империализм) «можем получить все выгоды нового режима, не проходя через ужасное испытание Коммуны и анархию гражданской войны»...

Гучковцы были *за* гражданскую войну в их пользу, они *против* гражданской войны в пользу народа, т. е. действительного большинства трудящихся.

...«Отношения между Временным думским комитетом, который представляет всю нацию» (это комитет-то четвертой Думы, помещичьей и капиталистической!) «и Советом рабочих депутатов, который представляет чисто классовые интересы» (язык дипломата, слышавшего одним ухом ученые слова и желающего скрыть, что Совет рабочих депутатов представляет пролетариат и бедноту, т. е. $\frac{9}{10}$ населения), «но во время кризиса, подобного настоящему, имеет огромную власть, вызвали не мало опасений среди рассудительных людей, предвидящих возможность столкновения между тем и другим, — столкновения, результаты коего могли бы быть слишком ужасны».

К счастью эта опасность была устранена, — по крайней мере для настоящего времени» (заметьте это «по крайней мере»!), «благодаря влиянию г. Керенского, молодого адвоката с большими ораторскими способностями, который ясно понимает» (в отличие от Чхеидзе, который тоже «понимал», но по мнению гучковца, должно быть, менее ясно?) «необходимость действовать вместе с Комитетом в интересах его избирателей из рабочего класса» (т. е. чтобы иметь голоса рабочих, заигрывать с ними). «Удовлетворительное соглашение¹¹¹ было заключено сегодня (среда, 1/14 марта), благодаря чему всякие излишние трения будут избегнуты».

Какое это было соглашение, между *всеми* ли Советом рабочих депутатов, каковы его условия, мы не знаем. О *главном* английский гучковец на этот раз промолчал совсем. Еще бы! Буржуазии не выгодно, чтобы эти условия были ясны, точны, всем известны, — ибо тогда труднее будет для нее нарушить их!

Предыдущие строки были уже написаны, когда я прочел два, очень важные, сообщения. Во-1-х, в парижской консервативнейшей и буржуазнейшей газете «Le Temps» («Время») ¹¹² от 20/3 текст воззвания Совета

рабочих депутатов о «поддержке» нового правительства, во-2-х, выдержки из речи Скобелева в Государственной думе 1 (14) марта, переданные одной цюрихской газетой («Neue Zürcher Zeitung»¹¹³, 1 Mit.-bl., 21/3) со слов одной берлинской газеты («National-Zeitung»¹¹⁴).

Воззвание Совета рабочих депутатов, если текст его не искажен французскими империалистами, является замечательнейшим документом, показывающим, что петербургский пролетариат, по крайней мере в момент выпуска этого воззвания, находился под преобладающим влиянием мелкобуржуазных политиков. Напомню, что к политикам этого рода я отношу, как отмечено уже выше, людей типа Керенского и Чхеидзе.

В воззвании находим две политические идеи и соответственно этому два лозунга:

Во-первых. Воззвание говорит, что правительство (новое) состоит из «умеренных элементов». Характеристика странная, совсем не полная, чисто либерального, не марксистского характера. Я тоже готов согласиться, что в известном смысле — я покажу в следующем письме, в каком именно, — всякое правительство должно быть теперь, после завершения первого этапа революции, «умеренным». Но абсолютно недопустимо скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистской войны, что оно — агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов.

Воззвание заявляет, что все демократы должны «поддерживать» новое правительство и что Совет рабочих депутатов просит и уполномочивает Керенского принять участие во Временном правительстве. Условия — проведение обещанных реформ еще во время войны, гарантия «свободы культурного» (только??) развития национальностей (чисто кадетская, либерально-убогая программа) и образование особого комитета для надзора за действиями Временного правительства, комитета, состоящего из членов Совета рабочих депутатов и из «военных»¹¹⁵.

Об этом Комитете надзора, относящемся к идеям и лозунгам второго порядка, речь пойдет особо ниже.

Назначение же русского Луи Блана, Керенского, и призыв к поддержке нового правительства является, можно сказать, классическим образцом измены делу революции

и делу пролетариата, измены именно такого рода, которые и погубили целый ряд революций XIX века, независимо от того, насколько искренни и преданы социализму руководители и сторонники подобной политики.

Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен. Для борьбы с реакцией, для отпора возможным и вероятным попыткам Романовых и их друзей восстановить монархию и собрать контрреволюционное войско, необходима совсем не поддержка Гучкова и К^о, а *организация*, расширение, укрепление *пролетарской* милиции, вооружение народа под руководством рабочих. Без этой главной, основной, коренной меры не может быть и речи ни о том, чтобы оказать серьезное сопротивление восстановлению монархии и попыткам отнять или урезать обещанные свободы, ни о том, чтобы твердо встать на путь, ведущий к получению хлеба, *мира*, свободы.

Если Чхеидзе, который вместе с Керенским был членом первого Временного правительства (думского комитета из 13 лиц), не пошел во второе Временное правительство действительно по принципиальным соображениям вышеуказанного или подобного характера, тогда это делает ему честь. Это надо сказать прямо. К сожалению, такое толкование противоречит другим фактам и прежде всего речи Скобелева, который всегда шел рука об руку с Чхеидзе.

Скобелев говорил, если верить вышеназванному источнику, что «социальная (? очевидно, социал-демократическая) группа и рабочие имеют лишь легкое соприкосновение (легкий контакт) с целями Временного правительства», что рабочие требуют мира и что, если продолжать войну, то весной все равно будет катастрофа, что «рабочие заключили с обществом (либеральным обществом) временное соглашение (eine vorläufige Waffenfreundschaft), хотя их политические цели, как небо от земли, далеки от целей общества», что «либералы должны отказаться от бессмысленных (unsinnige) целей войны» и т. п.

Эта речь — образец того, что мы назвали выше, в цитате из «Социал-Демократа» «колебанием» между буржуазией и пролетариатом. Либералы, оставаясь либералами, *не могут* «отказаться» от «бессмысленных» целей войны, которые определяются, кстати сказать, не ими одними, а англо-французским финансовым капиталом

всемирно могучей, сотнями миллиардов измеряемой силы. Не либералов надо «уговаривать», а рабочим *разъяснить*, почему либералы попали в тупик, почему *они* связаны по рукам и по ногам, почему они *скрывают* и договоры царизма с Англией и проч. и сделки русского капитала с англо-французским и проч. и т. д.

Если Скобелев говорит, что рабочие заключили с либеральным обществом какое-ни-на-есть соглашение, не протестуя против него, не разъясняя его вреда для рабочих с думской трибуны, то он тем самым *одобряет* соглашение. А этого делать никак не следовало.

Прямое или косвенное, ясно выраженное или молчаливое одобрение Скобелевым соглашения Совета рабочих депутатов с Временным правительством есть колебание Скобелева в сторону буржуазии. Заявление Скобелева, что рабочие требуют мира, что их цели, как небо от земли, далеки от целей либералов, есть колебание Скобелева в сторону пролетариата.

Чисто-пролетарской, истинно-революционной и глубоко-правильной по замыслу является вторая политическая идея изучаемого нами воззвания Совета рабочих депутатов, именно идея создания «Комитета надзора» (я не знаю, так ли он именно называется по-русски; я перевожу вольно с французского), именно пролетарски-солдатского надзора за Временным правительством.

Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это — *реальный шаг* по пути *реальных гарантий* и против царизма и против монархии и против монархистов Гучкова — Львова с К^о! Вот это — признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом в 1848 г., «уполномочивавшим» Луи Блана! Вот это — доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием «министра по уполномочию рабочих» и тому подобной мишурой, а ищет опоры *только* там, где она есть, в *вооруженных* народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими.

Это — шаг по верному пути, но *только* первый шаг.

Если этот «Комитет надзора» останется учреждением чисто-парламентского, только политического типа, т. е.

комиссией, которая будет «задавать вопросы» Временному правительству и получать от него ответы, тогда это все же останется игрушкой, тогда это — ничто.

Если же это ведет к созданию, немедленно и во что бы то ни стало, действительно всенародной, действительно всех мужчин и всех женщин охватывающей *рабочей милиции* или *рабочего ополчения*, которое бы не только заменило перебитую и устраненную полицию, не только сделало невозможным восстановление ее *никаким* ни монархически-конституционным ни демократически-республиканским правительством *ни* в Питере *ни* где бы то ни было в России, — тогда передовые рабочие России действительно становятся на путь новых и великих побед, на путь, ведущий к победе над войной, к осуществлению на деле того лозунга, который, как говорят газеты, красовался на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших в Питере на площади перед Государственной думой:

«Да здравствуют социалистические республики всех стран!»

Свои мысли по поводу этого рабочего ополчения я изложу в следующем письме.

Я постараюсь показать там, с одной стороны, что именно создание всенародного, рабочими руководимого ополчения есть правильный лозунг дня, отвечающий тактическим задачам своеобразного переходного момента, который переживает русская революция (и всемирная революция), а с другой стороны, что для успеха этого рабочего ополчения оно должно быть, во-первых, всенародным, массовым *до всеобщности*, охватить действительно *все* способное к труду население обоюго пола; во-вторых, оно должно переходить к соединению не только чисто-полицейских, но общегосударственных функций с функциями военными и с контролем за общественным производством и распределением продуктов.

Н. Ленин

Цюрих, 22 (9) марта 1917 г.

P. S. * Я забыл поместить предыдущее письмо 20 (7) марта.

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО 3

О ПРОЛЕТАРСКОЙ МИЛИЦИИ

Тот вывод, который я сделал вчера относительно колеблющейся тактики Чхеидзе, вполне подтвердился сегодня, 10 (23) марта, двумя документами. Первый — сообщенное по телеграфу из Стокгольма во «Франкфуртскую Газету»¹¹⁶ извлечение из манифеста ЦК нашей партии, Росс. с.-д. раб. партии, в Питере. В этом документе нет ни слова ни о поддержке гучковского правительства ни о свержении его; рабочие и солдаты призываются к организации вокруг Совета рабочих депутатов, к выбору представителей в него для борьбы против паризма за республику, 8-мичасовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель и хлебных запасов, а главное — за прекращение грабительской войны. При этом особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран*.

Ждать мира от переговоров и сношений между буржуазными правительствами было бы самообманом и обманом народа.

Второй документ — сообщенное тоже по телеграфу из Стокгольма в другую немецкую газету («Фоссову Газету»¹¹⁷) известие о совещании думской фракции Чхеидзе с трудовой группой (? Arbeiterfraction) и с представителями 15 рабочих союзов 2 (15) марта и о воззвании, опубликованном на другой день. Из 11 пунктов этого воззвания телеграф ~~в~~злагает только три: 1-ый, требование республики, 7-ой, требование мира и немедленного начала переговоров о мире, и 3-ий, требующий «достаточного участия представителей русского рабочего класса в правительстве».

Если этот пункт изложен верно, то я понимаю, за что буржуазия хвалит Чхеидзе. Я понимаю, почему к приведенной мной выше похвале английских гучковцев в «Times» (Таймзе)* прибавилась похвала французских гучковцев в «Le Temps»**. Эта газета французских миллионеров и империалистов пишет 22/3: «Вожди рабочих партий, особенно г. Чхеидзе, употребляют все свое влияние, чтобы умерить желания рабочих классов».

В самом деле, требовать «участия» рабочих в гучковско-милюковском правительстве есть теоретически и политически нелепость: участвовать в меньшинстве аначило бы быть пешкой; участвовать «спорвну» невозможно, ибо нельзя помирить требование продолжать войну с требованием заключить перемирие и открыть мирные переговоры; чтобы «участвовать» в большинстве, надо иметь силу свергнуть гучковско-милюковское правительство. На практике требование «участия» есть наихудшая лублановщина, т. е. забвение классовой борьбы и ее реальной обстановки, увлечение пустейшей звонкой фразой, распространение иллюзий среди рабочих, потеря на переговоры с Милюковым или Керенским драгоценного времени, которое надо употребить на создание действительной классовой и революционной силы, пролетарской милиции, способной внушить доверие в с е м беднейшим слоям населения, составляющим огромное большинство его, помочь им организоваться, помочь и м бороться за хлеб, за мир, за свободу.

Эта ошибка воззвания Чхеидзе и его группы (я не говорю о партии ОК, Организационного комитета, ибо в тех источниках, которые мне доступны, нет ни звука об ОК) — эта ошибка тем более странная, что на совещании 2 (15) марта ближайший единомышленник Чхеидзе, Скобелев, как передают газеты, сказал следующее: «Россия накануне второй, настоящей (wirklich, буквально: действительной) революции».

Вот это — правда, из которой забыли сделать практические выводы Скобелев и Чхеидзе. Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция. Скобелеву там, на месте, виднее. Я не ставлю поэтому себе вопросов, для решения которых

* — «Времена». Ред.

** — «Время». Ред.

у меня нет и не может быть конкретных данных. Я подчеркиваю лишь подтверждение «сторонним свидетелем», т. е. не принадлежащим к нашей партии Скобелевым, того *фактического* вывода, к которому я пришел в первом письме, именно: февральско-мартовская революция была лишь *первым этапом* революции. Россия переживает своеобразный исторический момент *перехода* к следующему этапу революции или, по выражению Скобелева, ко «второй революции».

Если мы хотим быть марксистами и учиться из опыта революций всего мира, мы должны постараться понять, в чем именно *своеобразие* этого *переходного* момента и какая тактика вытекает из его объективных особенностей.

Своеобразие положения в том, что гучковско-милюковское правительство одержало первую победу необыкновенно легко в силу трех следующих главнейших обстоятельств: 1) помощь англо-французского финансового капитала и его агентов; 2) помощь части верхних слоев армии; 3) готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях, Государственной думе, военно-промышленных комитетах и проч.

Гучковское правительство находится в тисках: связанное интересами капитала, оно вынуждено стремиться к продолжению грабительской, разбойничьей войны, к охране чудовищных прибылей капитала и помещиков, к восстановлению монархии. Связанное революционным своим происхождением и необходимостью крутого перехода от царизма к демократии, находясь под давлением голодных и требующих мира масс, правительство вынуждено лгать, вертеться, выгадывать время, как можно больше «провозглашать» и обещать (обещания — единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны), как можно меньше исполнять, одной рукой давать уступки, другой отбирать их.

При известных обстоятельствах, в наилучшем для него случае, новое правительство может несколько оттянуть крах, опираясь на все организаторские способности всей русской буржуазии и буржуазной интеллигенции. Но даже в этом случае оно *не в силах* избежать краха, ибо *нельзя* вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистской войны и голода, не покидая почвы буржуазных отноше-

ний, не переходя к революционным мерам, не апеллируя к величайшему историческому героизму и русского и всемирного пролетариата.

Отсюда вывод: мы не сможем одним ударом свергнуть новое правительство или, если мы сможем сделать это (в революционные времена пределы возможного тысячекратно расширяются), то мы не сможем удержать власти, *не противопоставляя* великолепной организации всей русской буржуазии и всей буржуазной интеллигенции столь же великолепной *организации пролетариата*, руководящего всей необъятной массой городской и деревенской бедноты, полупролетариата и мелких хозяйчиков.

Все равно, вспыхнула ли уже «вторая революция» в Питере (я сказал, что была бы совершенно нелепа мысль учесть из-за границы конкретный темп ее назревания), или она отсрочена на некоторое время, или она началась уже в некоторых отдельных местностях России (на это имеются, повидимому, некоторые указания), — во *всяком* случае лозунгом момента и накануне новой революции, и во время нее, и на другой день после нее должна быть *пролетарская организация*.

Товарищи-рабочие! Вы проявили чудеса пролетарского героизма вчера, свергая царскую монархию. Вам неизбежно придется в более или менее близком будущем (может быть даже приходится теперь, когда я пишу эти строки) снова проявить чудеса такого же героизма для свержения власти помещиков и капиталистов, ведущих империалистскую войну. Вы не сможете *прочной* победить в этой следующей, «настоящей» революции, если вы не проявите *чудес пролетарской организованности!*

Лозунг момента — организация. Но ограничиться этим значило бы еще ничего не сказать, ибо, с одной стороны, организация нужна *всегда*, значит, одно указание на необходимость «организации масс» ровнехонько еще ничего не разъясняет, а с другой стороны, кто ограничился бы этим, тот только оказался бы подголоском либералов, ибо *либералы и именно* желают для укрепления своего господства, чтобы рабочие *не шли дальше обычных, «легальных»* (с точки зрения «нормального» буржуазного общества) организаций, т. е. чтобы рабочие *только* записывались в свою партию, в свой профессиональный союз, в свой кооператив и т. д. и т. п.

Рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна совсем иная, *не только* обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905-го года и Парижской Коммуны 1871-го года, они создали *Совет рабочих депутатов*, они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты.

Создание подобных организаций во всех без исключения местностях России, для всех без исключения профессий и слоев пролетарского и полупролетарского населения, т. е. всех трудящихся и эксплуатируемых, если употребить менее экономически точно, но более популярное выражение, — такова задача первой, неотложнейшей важности. Забегая вперед, отмечу, что для всей крестьянской массы наша партия (об ее *особой* роли в пролетарских организациях нового типа я надеюсь побеседовать в одном из следующих писем) должна особенно рекомендовать *отдельные* советы наемных рабочих и затем мелких, не продающих хлеба, земледельцев *от* зажиточных крестьян: без этого условия нельзя ни вести истинно-пролетарской политики, вообще говоря*, ни правильно подойти к важнейшему практическому вопросу жизни и смерти миллионов людей: к правильной разверстке *хлеба*, к увеличению его производства и т. д.

Но, спрашивается, что должны делать Советы рабочих депутатов? Они «должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти», писали мы в № 47 женевского «Социал-Демократа», 13 октября 1915 года**.

Это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 г. и русской революции 1905 года, должно быть пояснено и конкретнее развито на основе практических указаний именно данного этапа именно данной революции в России.

* В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство. Помещики, опираясь на зажиточных крестьян, будут вести его к подчинению буржуазии. Мы должны вести его, опираясь на сельских *наемных* рабочих и бедноту, к теснейшему союзу с городским пролетариатом.

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 367. Ред.

Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты — *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загвивать, социалистических партий, искаживших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом*.

Нам нужно государство, но *не* такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен *«разбить»*, выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, *сливая* полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти.

* В одном из следующих писем или в особой статье я подробно останавлиюсь на этом анализе, данном в частности в «Гражданской войне во Франции» Маркса, в предисловии Энгельса к 3-му изданию этого сочинения, в письмах: Маркса от 12. IV. 1871 и Энгельса от 18—28. III. 1875, а также на полном искажении марксизма Каутским в его полемике 1912 года против Панискума по вопросу о так называемом «разрушении государства»¹¹⁸.

И рабочие России уже во время первого этапа первой революции, в феврале — марте 1917 года, *вступили* на этот путь. Вся задача теперь в том, чтобы ясно понять, каков этот новый путь, — в том, чтобы смело, твердо и упорно идти по нему дальше.

Англо-французские и русские капиталисты хотели «только» сместить или даже «попугать» Николая II, оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество.

Рабочие пошли дальше и разбили ее. И теперь не только англо-французские, но и немецкие капиталисты *воют* от злости и ужаса, видя, напр., как русские солдаты расстреливали своих офицеров, хотя бы сторонника Гучкова и Милюкова, адмирала Непенина.

Я сказал, что рабочие разбили ее, старую государственную машину. Точнее: *начали* разбивать ее.

Возьмем конкретный пример.

Полиция частью перебита, частью смещена в Питере и многих других местах. Гучковско-милюковское правительство *не может* ни восстановить монархии ни вообще удержаться у власти, *не восстановив* полиции, как особой, отделенной от народа и противопоставленной ему, организации вооруженных людей, находящихся под командой буржуазии. Это ясно, как ясен ясный божий день.

С другой стороны, новое правительство должно считаться с революционным народом, кормить его полууступками и посулами, оттягивать время. Поэтому оно идет на полумеру: оно учреждает «народную милицию» с выборными властями (это звучит ужасно благовидно! ужасно демократически, революционно и красиво!) — *но... но*, во-1-х, ставит ее под контроль, под начало земских и городских самоуправлений, т. е. под начало помещиков и капиталистов, выбранных по законам Николая Кровавого и Столыпина-Вешателя!! Во-2-х, называя милицию «народной», чтобы пустить «народу» пыль в глаза, оно *на деле* не призывает народа *поголовно* к участию в этой милиции и *не обязывает* хозяев и капиталистов *платить* служащим и рабочим обычную плату за те часы и дни, которые они посвящают общественной службе, т. е. милиции.

Вот где зарыта собака. Вот каким путем достигает помещичье и капиталистическое правительство Гучковых и Милюковых того, что «народная милиция» остается на бу-

маге, а на деле восстанавливается помаленьку, потихоньку *буржуазная*, противонародная милиция, сначала из «8 000 студентов и профессоров» (так описывают заграничные газеты теперешнюю питерскую милицию) — это явная игрушка! — потом постепенно из старой и новой *полиции*.

Не дать восстановить полиции! Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию! — вот задача дня, вот лозунг момента, одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революционного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека, который не может не ненавидеть полиции, стражников, урядников, команды помещиков и капиталистов над вооруженными людьми, получающими власть над народом.

Какая полиция нужна *им*, Гучковым и Милюковым, помещикам и капиталистам? Такая же, какая была при царской монархии. *Все* буржуазные и буржуазно-демократические республики в мире завели у себя или восстановили у себя, после самых коротких революционных периодов, *именно такую* полицию, особую организацию отделенных от народа и противопоставленных ему вооруженных людей, подчиненных, так или иначе, буржуазии.

Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно *народная*, т. е., во-первых, состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан *обоего* пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления.

Чтобы сделать эти положения более наглядными, возьму чисто схематический пример. Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики. Я не предлагаю «плана», я хочу только иллюстрировать свою мысль.

В Питере около 2 миллионов населения. Из них более половины имеет от 15 до 65 лет. Возьмем половину —

1 миллион. Откинем даже целую четверть на больных и т. п., не участвующих в данный момент в общественной службе по уважительным причинам. Остается 750 000 человек, которые, работая в милиции, допустим, 1 день из 15 (и продолжая получать за это время плату от хозяев), составили бы армию в 50 000 человек.

Вот *какого типа* «государство» нам нужно!

Вот такая милиция была бы на деле, а не на словах только, «народной милицией».

Вот каким путем должны мы идти к тому, чтобы *нельзя было* восстановить ни особой полиция, ни особой, отдельной от народа, армии.

Такая милиция, на 95 частей из 100, состояла бы из рабочих и крестьян, выражала бы *действительно* разум и волю, силу и власть огромного большинства народа. Такая милиция действительно бы вооружала и обучала военному делу поголовно весь народ, обеспечивая *не* погучковски, *не* по-милюковски от всяких попыток восстановления реакции, от всяких происков царских агентов. Такая милиция была бы исполнительным органом «Советов рабочих и солдатских депутатов», она пользовалась бы *абсолютным* уважением и доверием населения, ибо она сама была бы организацией поголовно всего населения. Такая милиция превратила бы демократию из красивой вывески, прикрывающей порабощение народа капиталистами и издевательство капиталистов над народом, в настоящее *воспитание масс* для участия во *всех* государственных делах. Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*. Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме.

Такая милиция была бы пролетарской милицией, потому что промышленные и городские рабочие так же естественно и неизбежно получили бы в ней руководящее влияние на массу бедноты, как естественно и неизбежно

заняли они руководящее место во всей революционной борьбе народа и в 1905—1907 гг. и в 1917 году.

Такая милиция обеспечила бы абсолютный порядок и беззаветно осуществляемую товарищескую дисциплину. А в то же время она, в переживаемый всеми воюющими странами тяжелый кризис, дала бы возможность действительно демократически бороться с этим кризисом, осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы», и без которой *нельзя* — *оказалось, что нельзя*, — лечить раны, нанесенные и наносимые разбойнической и ужасной войной.

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тотчас* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим? Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непрерывным участием женщин наравне с мужчинами?

Такие меры *еще не* социализм. Они касаются разверстки потребления, а не реорганизации производства. Они не были бы еще «диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». Не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*.

Найдется ли в массе русских рабочих столько сознательности, выдержки, героизма, чтобы проявить «чудеса пролетарской организации» после того, как они проявили в прямой революционной борьбе чудеса смелости,

инициативы, самопожертвования? Этого мы не знаем, и гадать об этом было бы праздным делом, ибо ответы на такие вопросы даются *только* практикой.

Что мы твердо знаем и что мы должны, как партия, разъяснить массам, это — с одной стороны, что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель — война, которую капиталисты *обоих* воюющих лагерей ведут с разбойничьими целями. Этот «двигатель» придвинул целый ряд богатейших, свободнейших и просвещеннейших наций на край пропасти. Он *заставляет* народы напрягать до последней степени все силы, он ставит их в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь «теорий» (об этом нет и речи, и от этой иллюзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних, практически возможных мер, ибо *без* крайних мер — гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода.

Что революционный энтузиазм передового класса при условиях, когда объективное положение *требует* крайних мер от всего народа, *много* может, это нечего и доказывать. *Эта* сторона дела воочию наблюдается и *ощущается* всеми в России.

Важно понять, что в революционные времена объективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны *суметь приспособлять* свою тактику и свои ближайшие задачи к *особенностям* каждой данной ситуации. До февраля 1917 года на очереди стояла смелая революционно-интернационалистская пропаганда, призыв масс к борьбе, пробуждение их. В февральско-мартовские дни требовался героизм беззаветной борьбы, чтобы немедленно раздавить ближайшего врага — царизм. Теперь мы переживаем *переход* от этого первого этапа революции ко второму, от «схватки» с царизмом к «схватке» с гучковско-милюковским, помещичьим и капиталистическим империализмом. На очереди дня *организационная* задача, но никоим образом не в шаблонном смысле работы над шаблонными только организациями, а в смысле привлечения невиданно-широких масс угнетенных классов в организацию и воплощения самой этой организацией задач военных, общегосударственных и народнохозяйственных.

К этой своеобразной задаче пролетариат подошел и будет подходить разными путями. В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему почти полную власть в руки, — в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, — в третьих, он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры и т. п., пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизит час замены этого правительства «правительством» Совета рабочих депутатов.

Не забудем также, что под боком у Питера мы имеем одну из самых передовых фактически республиканских стран, Финляндию, которая с 1905 по 1917 г., под прикрытием революционных битв в России, сравнительно мирно развила демократию и завоевала *большинство* народа на сторону социализма. Российский пролетариат обеспечит Финляндской республике полную свободу, вплоть до свободы отделения (теперь едва ли хоть один социал-демократ колебнется на этот счет, когда кадет Родичев так недостойно отторговывает в Гельсингфорсе кусочки привилегий для великороссов), — и именно этим завоеует *полное* доверие и товарищескую помощь финских рабочих общероссийскому пролетарскому делу. В трудном и большом деле ошибки неизбежны, — их не избежать и нам — финские рабочие лучшие организаторы, они нам помогут в этой области, они двинут *по-своему* вперед учреждение социалистической республики.

Революционные победы в самой России, — мирные организационные успехи в Финляндии под прикрытием этих побед, — переход русских рабочих к революционно-организаторским задачам в новом масштабе — завоевание власти пролетариатом и беднейшими слоями населения — поощрение и развитие социалистической революции на Западе, — вот путь, который приведет нас к *миру* и к *социализму*.

Н. Ленин

Цюрих, 11 (24) марта 1917 г.

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО 4

КАК ДОБИТЬСЯ МИРА?

Я сейчас только (12/25 марта) прочитал в «Новой Цюрихской Гаэте» (№ 517 от 24/3) следующее сообщение, переданное по телеграфу из Берлина:

«Из Швеции сообщают, что Максим Горький послал как правительству, так и Исполнительному комитету восторженно написанное приветствие. Он приветствует победу народа над владыками реакции и призывает всех сынов России помочь постройке нового русского государственного здания. В то же время он призывает правительство увенчать его освободительное дело заключением мира. Это не должен-де быть мир во что бы то ни стало; у России в настоящее время меньше оснований, чем когда бы то ни было, стремиться к миру во что бы то ни стало. Это должен быть такой мир, который бы дал возможность России с честью существовать перед другими народами земли. Довольно уже истекало человечество кровью; новое правительство снискало бы величайшую заслугу не только перед Россией, но и перед всем человечеством, если бы ему, новому правительству, удалось быстро заключить мир».

Так передают письмо М. Горького.

Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками. Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: «Я знаю, что я плохой марксист.

И потом, все мы, художники, немного неменяемые люди». Нелегко спорить против этого.

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Но зачем же Горькому братья за политику?

На мой взгляд, письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих. Все силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками.

Царское правительство начало и вело данную, настоящую, войну как *империалистскую*, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душить слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать *именно такую самую* войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели.

Объясним нашу мысль.

Что такое империализм?

В своей брошюре: «Империализм, как высшая стадия капитализма», которая была доставлена издательству «Парус» еще до революции, принята им и объявлена в журнале «Летопись»¹¹⁹, я отвечал на этот вопрос так:

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (гл. VII названной брошюры, объявленной в «Летописи», когда еще была цензура, под заглавием: В. Ильин. «Новейший капитализм»)*.

Дело сводится к тому, что капитал вырос до громадных размеров. Союзы небольшого числа крупнейших капиталистов (картели, синдикаты, тресты) ворочают

* См. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 253. Ред.

миллиардами и делят меж собой весь мир. Земля вся поделена. Война вызвана столкновением двух могущественнейших групп миллиардеров, англо-французской и немецкой, за *передел* мира.

Англо-французская группа капиталистов хочет в первую голову ограбить Германию, отняв ее колонии (почти все уже отняты), а затем Турцию.

Германская группа капиталистов хочет отнять Турцию *себе* и вознаградить себя за потерю колоний захватом соседних мелких государств (Бельгии, Сербии, Румынии).

Вот — настоящая правда, прикрытая всяческой буржуазной ложью пасчет «освободительной», «национальной» войны, «войны за право и справедливость» и тому подобными побрякушками, которыми капиталисты всегда одурачивают простой народ.

Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть *участник* англо-французского. Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию.

Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры, — не случайные люди. Они — представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они *связаны* интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы.

Во-вторых, Гучков-Милюков с К^о *связаны* англо-французским капиталом. Они на чужие деньги вели и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить *ежегодно* процентов *сотни миллионов* и выколачивать эту *дань* с русских рабочих и русских крестьян.

В-третьих, Гучков-Милюков с К^о *связаны* прямыми *договорами* о разбойнических целях этой войны с Англией, Францией, Италией, Японией и другими группами капиталистов-разбойников. Эти договоры заключил еще *царь Николай II*. Гучков-Милюков с К^о воспользовались борьбой рабочих против царской монархии, чтобы захватить власть, а *договоры*, заключенные царем, они *подтвердили*.

Это сделало все гучковско-милюковское правительство в своем манифесте, который «Петербургское телеграфное агентство» по телеграфу сообщило за границу 7 (20) марта: «правительство» (Гучкова и Милюкова) «верно соблюдает

все договоры, соединяющие нас с другими державами» — говорится в этом манифесте. Новый министр иностранных дел Милюков заявил *то же самое* в своей телеграмме всем представителям России за границей от 5 (18) марта 1917 г.

Эти договоры все *тайные*, и Милюков с К^о *не хотят* огласить их по двум причинам: 1) они боятся народа, который не хочет грабительской войны; 2) они связаны англо-французским капиталом, требующим тайны договоров. Но всякий, читающий газеты и изучающий дело, знает, что в этих договорах говорится о грабеже Японией Китая, Россией — Персии, Армении, Турции (Константинополь особенно), Галиции, Италией — Албанией, Францией и Англией — Турцией и германских колоний и т. д.

Таково положение дела.

Поэтому обращение к гучковско-милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божецки», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой. Помещики и купцы слушают проповедь, продолжают утеснять и грабить народ и восторгаются тем, как хорошо умеет «батюшка» утешать и успокаивать «мужичков».

Совершенно такую же роль — независимо от того, сознают они это или нет — играют все те, кто с добренькими речами о мире обращается к буржуазным правительствам во время настоящей, империалистской войны. Буржуазные правительства иногда вовсе отказываются выслушивать такие речи и даже запрещают их, иногда позволяют говорить их, раздавая направо-налево обещания, что они-то ведь и воюют ради быстрейшего заключения «самого справедливого» мира и что виноват только их неприятель. Разговоры о мире, обращенные к буржуазным правительствам, оказываются на деле *обманом народа*.

Группы капиталистов, залившие землю кровью из-за дележа земель, рынков, концессий, *не могут* заключить «почетного» мира. Они могут заключить только *позорный мир*, мир о дележе награбленной добычи, о дележе Турции и колоний.

А гучковско-милюковское правительство, кроме того, вообще не согласно на мир в данный момент, ибо *теперь* оно получило бы из «добычи» *только»* Армению и часть Галиции, а оно хочет ограбить *еще* Константинополь *да еще* отвоевать назад у немцев Польшу, которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм. Далее, гучковско-милюковское правительство есть, в сущности, лишь приказчик англо-французского капитала, который хочет удержать награбленные у Германии колонии и *сверх того* заставить Германию отдать назад Бельгию и часть Франции. Англо-французский капитал помогал Гучковым и Милюковым сместить Николая II, чтобы они помогли ему «победить» Германию.

Как же быть?

Чтобы добиться мира (п тем более, чтобы добиться действительно демократического, действительно почетного мира), надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а *рабочим и беднейшим крестьянам*. Помещики и капиталисты — ничтожное меньшинство населения; капиталисты, как всем известно, наживают бешеные деньги на войне.

Рабочие и беднейшие крестьяне — *огромное* большинство населения. Они не наживают на войне, а разоряются и голодают. Они не связаны ни капиталом ни договорами между разбойничьими группами капиталистов; они *могут* и искренне хотят прекратить войну.

Если бы государственная власть в России принадлежала *Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*, эти Советы и выбранный ими *Всероссийский Совет* могли бы и, наверное, согласились бы осуществить программу мира, которую наша партия (Российская социал-демократическая рабочая партия) намечала еще 13 октября 1915 года в № 47 Центрального Органа этой партии «Социал-Демократе»* (издававшимся тогда, в силу гнета царской цензуры, в Женеве).

Эта программа мира была бы, наверное, такова:

1) Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (или заменяющий его временно Петербургский Совет) заявил бы тотчас, что *никакими* договорами *ни* царской монархии *ни* буржуазных правительств он не связан.

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 366—368. Ред.

2) Он опубликовал бы тотчас *все* эти договоры, чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и *всех* без исключения буржуазных правительств.

3) Он немедленно и открыто предложил бы *всем* воюющим державам *тотчас* заключить *перемирие*.

4) Он немедленно опубликовал бы во всенародное сведение наши, рабочие и крестьянские, *условия мира*:

освобождение *всех* колоний;

освобождение *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов.

5) Он заявил бы, что не ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть их и передать всю власть в государстве Советам рабочих депутатов.

6) Он заявил бы, что миллиардные долги, заключенные буржуазными правительствами на ведение этой преступной, разбойничьей войны, могут уплачивать *сами* господа капиталисты, а рабочие и крестьяне этих долгов *не признают*. Платить проценты по этим займам значит платить долгие годы *дань* капиталистам за то, что они милостиво разрешили рабочим убивать друг друга из-за дележа капиталистической добычи.

Рабочие и крестьяне! — сказал бы Совет рабочих депутатов — согласны ли вы платить *сотни миллионов* рублей *ежегодно* господам капиталистам в награду за войну, которая велась из-за дележа африканских колоний, Турции и т. д.?

Вот за *эти* условия мира Совет рабочих депутатов, по моему мнению, согласился бы *вести войну* против *любого* буржуазного правительства и против *всех* буржуазных правительств мира, потому что это была бы действительно справедливая война, потому что *все* рабочие и трудящиеся *всех* стран *помогли бы* ее успеху.

Немецкий рабочий видит теперь, что воинственная монархия в России заменяется *воинственной* республикой, республикой капиталистов, желающих продолжать империалистскую войну, подтверждающих разбойничьи договоры царской монархии.

Судите сами, может ли доверять немецкий рабочий *такой* республике?

Судите сами, удержится ли война, удержится ли господство капиталистов на земле, если русский народ, которому помогли и помогают живые воспоминания великой революции «пятого года», завоюет полную свободу и передаст всю государственную власть в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов?

Н. Ленин

Цюрих, 12 (25) марта 1917.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Коммунистический
Интернационал» № 3—4*

Печатается по рукописи

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО 5

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

В предыдущих письмах задачи революционного пролетариата в России в настоящий момент были намечены следующим образом: (1) суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции или ко второй революции, которая (2) должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов. (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян. (3) Это последнее правительство должно организоваться по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно (4) оно должно разбить, совершенно устранить старую и обычную во *всех* буржуазных государствах государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество), заменив эту машину (5) не только массовой, но и поголовно-всеобщей организацией вооруженного народа. (6) *Только* такое правительство, «такое» по свдему классовому составу («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») и по своим органам управления («пролетарская милиция») *в состоянии* успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно-неотложную, *главнейшую* задачу момента, именно: добиться *мира*, притом не империалистского мира, не сделки между империалистскими державами о дележе награбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достигим без пролетарской революции в ряде стран. (7) В России победа пролетариата осуществима в самом близком

будущем *лишь* при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа «104-х»¹²⁰ осталась по сути своей аграрной программой *крестьянства*). (8) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с *беднейшей* частью крестьянства, шаги, направленные к *контролю* производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму*, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер. (9) Задача немедленной и особой организации *в деревнях* Советов рабочих депутатов, т. е. советов сельскохозяйственных *наемных* рабочих, *отдельно* от советов остальных крестьянских депутатов, выдвигается при этом с крайней настоятельностью.

Такова, вкратце, намеченная нами программа, основанная на учете классовых сил русской и всемирной революции, а также на опыте 1871 и 1905 гг.

Попытаемся теперь бросить общий взгляд на эту программу в целом, останавливаясь попутно на том, как подошел к этой теме К. Каутский, крупнейший теоретик «2-го» (1889—1914) Интернационала и виднейший представитель наблюдаемого во всех странах течения «центра», «болота», колеблющегося между социалшовинистами и революционными интернационалистами. Каутский подошел к этой теме в своем журнале «Новое Время» (*Die Neue Zeit*, № от 6 апреля 1917 г. по нов. стилю), в статье: «Перспективы русской революции».

«Прежде всего — пишет Каутский — мы должны выяснить себе задачи, стоящие перед революционным пролетарским режимом» (государственным устройством).

«Две вещи — продолжает автор — настоятельно необходимы пролетариату: демократия и социализм».

Это, совершенно бесспорное, положение Каутский представляет, к сожалению, в непомерно общей форме, так что оно ничего, в сущности, не дает и ничего не выясняет. Милюков и Керенский, члены буржуазного и империалистского правительства, охотно подписали бы это общее положение, один — в первой, другой — во второй его части...*

Написано 26 марта (8 апреля) 1917 г.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Большевик» № 3—4*

Печатается по рукописи

* На этом рукописи обрывается. Ред.

ТОВАРИЩАМ, ТОМЯЩИМСЯ В ПЛЕНУ ¹²¹

Товарищи! В России произошла революция.

Рабочие Петрограда и Москвы снова выступили застрельщиками великого освободительного движения. Они объявили политическую забастовку. Они вышли на улицу с красными знаменами. Они дрались, как львы, с царской полицией, жандармерией и той небольшой частью войск, которая не сразу перешла на сторону народа. Убитых и раненых в одном Петрограде насчитывают более 2 000 человек. Своею кровью русские рабочие купили свободу нашей стране.

Требования рабочих были: *хлеба, свободы, мира.*

Хлеба — потому что народ в России голодает, как и во всех почти странах, участвующих в нынешней грабительской войне.

Свободы — потому что царское правительство, пользуясь войной, окончательно превратило всю Россию в одну сплошную тюрьму.

Мира — потому, что рабочие России, как и более сознательные рабочие других стран, не хотят больше умирать за интересы кучки богачей, не хотят более вести преступную войну, начатую коронованными и некоронованными разбойниками.

Большинство солдат петербургского и московского гарнизонов перешли на сторону восставших рабочих. Рабочие и крестьяне в солдатских мундирах братски подали руку рабочим и крестьянам без мундиров. Лучшая часть офицерства примкнула к революции. Офицеров, пожелавших идти против народа, солдаты расстреляли.

ТОВАРИЩАМЪ, ТОМЯЩИМСЯ ВЪ ПЛѢНУ.

Товарищи! Въ Россіи произошла революція. Рабочіе Петрограда и Москвы снова выступили застрѣльщиками великаго освободительнаго движенія. Они обильною политическимъ и боевымъ. Они вышли на улицу съ красными знаменами. Они зрѣлись, какъ лавы, съ царской полиціей, жандармеріей и той небольшою частью войскъ, которая не сразу перешла на сторону народа. Убитыми и ранеными въ дни Петрограда насчитываютъ болѣе 2000 человекъ. Сюда кривымъ русскимъ рабочимъ нудимъ свободу нашей странѣ.

Требованія рабочихъ были: *дѣла, свободн. мира, дѣла* — потому что народъ въ Россіи голодаетъ, какъ и во всѣхъ почти странахъ, участвующихъ въ империалистической войнѣ.

Свободы — потому что царское правительство, пользуясь войной, вымечтало превратить всю Россію въ одну сплошную тюрьму. Мира — потому, что рабочіе Россіи, какъ и болѣе сознательные рабочіе другихъ странъ, не хотятъ болѣе умирать за интересы мучки богатѣй, не хотятъ болѣе вести преступную войну, начатую неравными и не-коричневанными разбойниками.

Большинство солдатъ петербургскаго и московскаго гарнизона въ содѣланныхъ мундирѣхъ братски подали руку рабочимъ и крестьянамъ въ борьбу жандармовъ. Лучшие частіи офицеровъ приняли на себѣ революцію. Офицеровъ, дождавшихся иди прогавъ народа, солдаты расстрѣляли.

Революцію сдѣлали рабочіе и солдаты. Но власть, какъ ио бывало и въ другихъ революціяхъ, не перешла сразу захватили буржуазія. Государственная Дума, въ которой огромное большинство принадлежатъ помѣщикамъ и капиталистамъ, всеми силами старалась помириться съ царемъ Николаемъ II. Еще въ послѣднее время войны не уличая Петрограда уже являлся гражданская война, Государственная Дума послала царю телеграмму за телеграммой, умоляя его пойти на маленькія уступки и тѣмъ сохранить свою морю. Не Государственная Дума — Дума помѣщановъ и богатѣй — а *востальные рабочіе и солдаты истребили царя*. Ни новое временное правительство назначено Государственной Думой.

Это временное правительство состоитъ изъ представителей либеральныхъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Главные посты въ немъ принадлежатъ князю Львову (крупный помещикъ и укрѣпленный либералъ), А. Гучкову (буржуазный Социалистъ въ свое время одобрявшій военныя суды противъ революціонеровъ), Терещенко (крупнѣйшій савароаводчикъ-миллионеръ), Миллюнову (всегда защищавшій и авишавшій теперь грабительскую войну, въ которую нашу страну втянулъ царь Николай съ его шайкой). Демонстративно приглашаютъ въ новое правительство только для юга, чтобы создать видимость «народнаго» правительства, чтобы имѣть «демократическаго» краснаго, который говорилъ бы народу громкія но пустыя слова, въ то время, какъ Гучковъ и Львовъ будутъ дѣлать антинародное дѣло.

Новое правительство хочетъ продолженія разбойничьей войны. Оно является примазаннымъ русскимъ, англійскимъ и французскимъ капиталистамъ, которые — какъ и империалисты — хотятъ непрерывно «додрагивать» и выторговать себѣ лучше куски добычи. Оно не хочетъ и не можетъ дать Россіи мира.

Новое правительство не хочетъ отнять у помѣщиковъ ихъ земли въ пользу народа, оно не хочетъ возмездно имѣть войну на богатѣй. Оно не можетъ поэтому дать народу дѣла. Рабочіе и солдаты истребили вообще выжуждени въ немъ иному государю.

Новое правительство состоитъ изъ капиталистовъ и помѣщиковъ. Оно не хочетъ дать Россіи полной свободы. Подъ давлениемъ востановившихъ рабочихъ и солдатъ оно обѣщало созвать Учредительное Собраніе, которое рѣшило бы какъ устроить Россію. Но оно оттягиваетъ назначеніе выборовъ въ Учредительное Собраніе, желая выиграть время и потомъ обмануть народъ, имѣя эту не разъ въ исторіи дѣлала подобныя правительства. Оно не хочетъ созданія въ Россіи демократической республики. Оно хочетъ только, вместе со всѣми царями Имперіи, посадить на престолѣ вновь «королева» царя Михаила. Оно хочетъ, чтобы власть въ Россіи имѣла не самъ народъ, а новый царь имѣлъ съ буржуазіей.

Таково новое правительство. Но въ Петроградѣ рядомъ съ этимъ правительствомъ постепенно организуется другое правительство. Рабочіе и солдаты образовали Советъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Каждый имѣющій рабочимъ или солдатомъ выбираетъ одного депутата. Этотъ советъ займетъ теперь въ Гаванинскомъ дворцѣ въ имѣніи болѣе чѣмъ 1000 помѣщичьихъ. И въ недалекомъ будущемъ дѣятельно народнымъ представительствомъ.

Церная страница листовки:
 «Товарищамъ, томящимся в плену». — 1917 г.

Уменьшено

Революцию сделали рабочие и солдаты. Но власть, как это бывало и в других революциях, на первых порах захватила буржуазия. Государственная дума, в которой огромное большинство принадлежит помещикам и капиталистам, всеми силами старалась помириться с царем Николаем II. Еще в последнюю минуту, когда на улицах Петрограда уже кипела гражданская война, Государственная дума посылала царю телеграмму за телеграммой, умоляя его пойти на маленькие уступки и тем сохранить свою корону. Не Государственная дума — Дума помещиков и богачей, — *а восставшие рабочие и солдаты низвергли царя*. Но новое Временное правительство назначено Государственной думой.

Это Временное правительство состоит из представителей либеральных капиталистов и крупных земельных собственников. Главные посты в нем принадлежат: князю Львову (крупный помещик и умереннейший либерал), А. Гучкову (соратник Столыпина, в свое время одобрявший военные суды против революционеров), Терещенко (крупнейший сахарозаводчик-миллионер), Милюкову (всегда защищал и защищает теперь грабительскую войну, в которую нашу страну втравили царь Николай с его шайкой). «Демократ» Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость «народного» правительства, чтобы иметь «демократического» краснобая, который говорил бы народу громкие, но пустые слова, в то время, как Гучковы и Львовы будут делать антинародное дело.

Новое правительство хочет продолжения разбойничьей войны. Оно является приказчиком русских, английских и французских капиталистов, которые — как и немецкие капиталисты — хотят непременно «додраться» и выторговать себе лучшие куски добычи. Оно не хочет и не может дать России мира.

Новое правительство не хочет отнять у помещиков их земли в пользу народа, оно не хочет возложить тягот войны на богачей. Оно не может поэтому дать народу хлеба. Рабочие и бедное население вообще вынуждены попрежнему голодать.

Новое правительство состоит из капиталистов и помещиков. Оно не хочет дать России полной свободы. Под давлением восставших рабочих и солдат оно обещало

созвать Учредительное собрание, которое решило бы, как устроить Россию. Но оно оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, желая выиграть время и потом обмануть народ, как это не раз в истории делали подобные правительства. Оно не хочет создания в России демократической республики. Оно хочет только вместо плохого царя Николая II посадить на престол якобы «хорошего» царя Михаила. Оно хочет, чтоб власть в России имел не сам народ, а новый царь вместе с буржуазией.

Таково новое правительство.

Но в Петрограде рядом с этим правительством постепенно организуется другое правительство. Рабочие и солдаты образовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Каждая тысяча рабочих или солдат выбирает одного депутата. Этот Совет заседает теперь в Таврическом дворце в числе более чем 1 000 уполномоченных. И он является действительно народным представительством.

Совет этот может на первых порах сделать те или иные ошибки. Но он неминуемо приходит к тому, что требует громко и властно: мира, хлеба, демократической республики.

Совет рабочих и солдатских депутатов добивается *немедленного* созыва Учредительного собрания, участия солдат в выборах и в решении вопроса войны или мира. Совет добивается передачи царских и помещичьих земель в руки крестьянства. Совет добивается республики и не хочет и слышать о назначении нового «доброего» царя. Совет требует права всеобщего и равного голосования для всех мужчин и для всех женщин. Совет добился ареста царя и царицы. Совет хочет создать наблюдательный комитет, который проверял бы каждый шаг нового правительства и который на деле сам стал бы правительством. Совет добивается союза с рабочими всех других стран, чтобы дружно ударить против капиталистов. Рабочие-революционеры в большом количестве отправились на фронт, чтобы, пользуясь свободой, сговориться с солдатами, как действовать сообща, как кончить войну, как обеспечить права народа, как укрепить свободу в России. В Петрограде вновь выходит социал-демократическая газета «Правда»¹²², которая помогает рабочим выполнить все эти великие задачи.

Таково положение вещей сейчас, товарищи.

Вы, томящиеся в плену, не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы к тому, что и на вашу долю, быть может, уже скоро выпадет важная задача.

Враги российской свободы иногда рассчитывают на вас. Они говорят: в плену находится около 2 миллионов солдат; если они, вернувшись на родину, перейдут на сторону царя, мы можем еще опять посадить на трон Николая или его «возлюбленного» братца. В истории бывало и так, что вчерашний неприятель, помирившись с низвергнутым царем, отдает ему его пленных солдат, чтобы они помогли ему бороться против собственного народа...

Товарищи! Всюду, где у вас есть к тому возможность, обсуждайте великие события, происходящие на нашей родине. Заявите громко, что вы, вместе со всей лучшей частью русских солдат, не хотите царя, что вы требуете свободной республики, безвозмездной передачи помещичьих земель крестьянам, 8-часового рабочего дня, немедленного созыва Учредительного собрания. Заявите, что вы стоите на стороне Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что, вернувшись в Россию, вы встанете не за царя, а против царя, не за помещиков и богачей, а против них.

Всюду, где есть к тому возможность, организуйтесь, постановляйте приговоры в этом смысле, разъясняйте отсталым товарищам, какое великое событие произошло в нашей стране.

Достаточно горя натерпелись вы до войны и во время войны и в плену. Теперь мы идем навстречу лучшим дням. Заря свободы занялась.

Вернитесь в Россию, как армия революции, как армия народа, а не как армия царя. И в 1905 году пленные, вернувшиеся из Японии, стали лучшими борцами за свободу.

Вернувшись на родину, вы рассыплетесь по всей стране. Несите же в каждый отдаленный уголок, в каждую русскую деревню, страдавшую от голода, поборов и поруганий, — весть о свободе. Просвещайте братьев-крестьян: изгоняйте тьму из деревни, зовите крестьянскую бедноту поддержать городских и сельских рабочих в их славной борьбе.

Завоевав республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все

человечество к социализму, к такому порядку, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда кучка богачей не сможет миллионы людей превращать в своих наемных рабов.

Товарищи! Как только нам удастся, мы поспешим уехать в Россию, чтобы там присоединиться к борьбе наших братьев рабочих и солдат. Но и там мы не забудем о вас. Мы постараемся присылать вам из свободной России книги, газеты и вести о том, что происходит в нашей стране. Мы потребуем, чтобы вам посылались деньги и хлеб в достаточном количестве. И мы скажем восставшим рабочим и солдатам: на ваших братьев, томящихся сейчас в плену, вы можете положиться. Они сыны народа, и они пойдут вместе с нами в бой за свободу, в бой за республику, против царя.

Редакция «Социал-Демократа»

Написано в середине марта 1917 г.

*Напечатано в 1917 г. отдельной
листочкой*

Печатается по тексту листочки

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧИХ ВСЕХ СТРАН

Товарищи-рабочие!

Предвидение тех социалистов, которые остались верны социализму и не поддались угару дикого, зверского военного настроения, оправдалось. Первая революция, порожденная всемирной разбойничьей войной между капиталистами разных стран, разразилась. Империалистская война, то есть война из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов, *начала* превращаться в гражданскую войну, то есть войну рабочих против капиталистов, войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войн, от нищеты масс, от угнетения человека человеком!

Русским рабочим выпала на долю честь и счастье *первым* начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей.

Петербургские рабочие победили царскую монархию. В героической борьбе против полиции и царских войск, начав безоружными восстание против пулеметов, рабочие привлекли на свою сторону большую часть солдат петербургского гарнизона. То же произошло в Москве и других городах. Покинутый своими войсками, царь должен был сдаться: он подписал отречение от престола и за себя и за своего сына. Он предложил передать престол своему брату Михаилу.

Благодаря громадной быстроте переворота, благодаря прямой помощи англо-французских капиталистов, благодаря недостаточной сознательности *всей* рабочей и народной

массы в Петербурге, благодаря организованности и подготовленности русских помещиков и капиталистов, они захватили государственную власть в свои руки. В новом русском правительстве, «Временном правительстве», важнейшие места, председательство, министерство внутренних дел и военное, достались Львову и Гучкову, октябристам, которые всеми своими силами помогали Николаю Кроровому и Столыпину-Вешателю душить революцию 1905-го года, расстреливать и вешать рабочих и крестьян, борющихся за землю и волю. Менее важные министерства достались кадетам: иностранных дел — Милюкову, народного просвещения — Мануилову, земледелия — Шингареву. А одно совсем неважное местечко, министерство юстиции, дали трудовику Керенскому, краснобаю, который нужен капиталистам, чтобы успокаивать народ пустыми обещаниями, одурачивать его звонкими фразами, «примирять» его с помещичьим и капиталистическим правительством, желающим продолжать разбойничью войну в союзе с капиталистами Англии и Франции, войну за захват Армении, Константинополя, Галиции, войну за то, чтобы англо-французские капиталисты *удержали* в своих руках ту добычу, которую они отняли у капиталистов немецких (все колонии немцев в Африке), и в то же время *отняли* у немецких капиталистов добычу, захваченную *этими* разбойниками (часть Франции, Бельгию, Сербию, Румынию и проч.).

Разумеется, рабочие не могли доверять такому правительству. Рабочие свергали царскую монархию, борясь за мир, за хлеб и за свободу. Рабочие сразу почувствовали, почему Гучкову, Милюкову и К^о удалось отнять победу у рабочего народа? Потому, что русские помещики и капиталисты были хорошо подготовлены и организованы; потому что на их стороне сила капитала, *богатство* и русских капиталистов и самых богатых во всем мире капиталистов: английских и французских. Рабочие сразу поняли, что для борьбы за мир, за хлеб и за свободу трудящиеся классы, рабочие, солдаты и крестьяне, должны *организоваться*, сплотиться, объединиться *отдельно* от капиталистов и *против* них.

И петербургские рабочие, победив царскую монархию, тотчас создали *свою* организацию, *Совет рабочих депутатов*, тотчас принялись укреплять и расширять

ее, создавать *самостоятельные* Советы солдатских и крестьянских депутатов. Через несколько уже дней после революции Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов насчитывал *свыше 1 500* депутатов от рабочих и от крестьян, одетых в солдатские мундиры. Этот Совет пользовался таким доверием железнодорожных служащих и всей массы трудящегося населения, что он стал превращаться в настоящее *народное правительство*.

И даже самые верные друзья и покровители Гучкова-Милюкова, самые верные сторожевые псы англо-французского разбойничьего капитала, Роберт Вильсон, сотрудник богатейшей газеты английских капиталистов «Таймс» («The Times» *), и Шарль Ривз, сотрудник богатейшей газеты французских капиталистов «Тан» («Le Temps» **), даже они, осыпая бшеной бранью Совет рабочих депутатов, все-таки вынуждены были признать, что *в России два правительства*. Одно — «всеми» признанное (то есть на деле всеми богатыми людьми признанное) правительство помещиков и капиталистов, Гучковых и Милюковых. Другое — «никем» (из богатых классов) *не признанное*, правительство рабочих и крестьян: Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов, стремящийся *во всей России* учредить Советы рабочих и Советы крестьянских депутатов.

Посмотрим же, что говорят и что делают оба эти правительства.

1. *Что делает правительство помещиков и капиталистов, правительство Львова-Гучкова-Милюкова?*

Это правительство раздает самые пышные обещания направо и налево. Оно сулит русскому народу самую полную свободу. Оно обещает созвать всенародное Учредительное собрание, которое установило бы форму правления в России. Керенский и кадетские вожди объявляют себя сторонниками демократической республики. По части театральной революционности Гучковы-Милюковы недосягаемы. Реклама работает во-всю. А каковы *дела* их?

Обещая свободы, новое правительство на деле повело переговоры с царской семьей, с династией, о восстановлении монархии. Оно предложило Михаилу Романову стать

* — «Времена». Ред.

** — «Время». Ред.

регентом, т. е. временным царем. Монархия была бы уже восстановлена в России, если бы Гучковым и Милюковым не помешали рабочие, которые устраивали шествия в Питере и писали на знаменах: «Земли и воли! Смерть тиранам!» — которые вместе с кавалерийскими войсками собирались на площади перед Думой и развешивали знамена с надписью: «Да здравствует социалистическая республика во всех странах!». Союзник Гучковых-Милюковых, Михаил Романов, догадался, что при таком положении дела благоразумнее отказаться, пока его не выберет на трон Учредительное собрание, и Россия осталась — временно — республикой.

Правительство оставило бывшего царя на свободе. Рабочие заставили арестовать его. Правительство хотело отдать все командование армией Николаю Николаевичу Романову. Рабочие заставили сместить его. Ясно, что помещики Львовы-Гучковы завтра же спелись бы с Романовым или с другим помещиком, не будь Совета рабочих и солдатских депутатов.

Правительство объявило и в своем манифесте к народу и в телеграмме Милюкова всем представителям России за границей, что оно *остается верно всем* международным договорам, заключенным Россией. Эти договоры заключены свергнутым царем. Эти договоры правительство не смеет опубликовать, во-1-х, потому, что оно связано по рукам и ногам капиталом русским, английским, французским; во-2-х, потому, что оно боится народа, который растерзал бы Гучковых и Милюковых, если бы узнал, что еще 5, еще 10 миллионов русских рабочих и крестьян капиталисты хотят дать перебить на войне ради завоевания Константинополя, ради удушения Галиции и т. п.

Чего же стоят посулы свободы, если народ не может узнать правды о том, из-за каких договоров помещика-царя капиталисты хотят проливать еще и еще кровь солдат?

Чего стоят обещания всяких вольностей и даже демократической республики для народа, которому грозит голод и которого хотят с завязанными глазами вести на бойню ради того, чтобы капиталисты русские, английские и французские ограбили капиталистов немецких?

А в то же время правительство Гучковых и Милюковых прямым насилием подавляет всякие попытки русских ра-

бочих столкнуться с своими братьями, рабочими других стран: ни газету «Правду», которая опять стала выходить в Петербурге после революции, ни изданного в Питере Манифеста Центрального Комитета нашей партии, Российской социал-демократической рабочей партии, ни воззваний депутата Чхеидзе и его группы правительство *не выпускает из России!*

Рабочие и крестьяне! Вы можете быть спокойны: вам обещали свободу — свободу для мертвых, погибших от голода и перебитых на войне!

Ни о земле для крестьян ни о повышении платы для рабочих новое правительство в своих программах не сказало *ни слова*. Никакого срока для созыва Учредительного собрания до сих пор не установлено. Никаких выборов в Петербургскую городскую думу не назначено. Народную милицию ставят под начало земств и городских самоуправлений, выбранных по столыпинскому закону только капиталистами и богатейшими помещиками. Губернаторов назначают из помещиков — вот вам и «свобода»!

2. *Что делает и что должно делать правительство рабочее и крестьянское? ...**

Написано 12 (25) марта 1917 г.

Впервые напечатано в 1924 г.
в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

* На этом рукопись обрывается. Ред.

О ЗАДАЧАХ РСДРП В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ¹²³

АВТОРЕФЕРАТ

Реферат Ленина, продолжавшийся $2\frac{1}{2}$ часа, состоял из двух частей. В первой части Ленин дал очерк тех исторических условий, которые могли и должны были породить такое «чудо», как падение царской монархии в 8 дней. Главное место среди этих условий занимает «великий мятеж» 1905—1907 годов, столь поносимый теперешними господами положения, Гучковыми и Милюковыми, которые в восторге от «славной революции» 1917 года. Но если бы действительно глубокая революция 1905 года не «взрыла почвы», не показала друг другу в действии все классы и партии, не обнажила царской шайки во всей ее дикости и зверстве, то быстрая победа 1917 г. не была бы возможна.

Совершенно исключительное сочетание условий позволило в 1917 г. объединить удары против царизма, направляемые самыми разнородными общественными силами. Во-1-х, англо-французский финансовый капитал, больше всего господствующий над всем миром и грабящий весь мир, в 1905 г. был против революции и помог царизму (заем 1906 года) задуть ее. Теперь он участвовал непосредственно в революции самым активным образом, организуя прямой заговор гг. Гучковых, Милюковых, части верхнего командного состава армии для смещения Николая II или принуждения его пойти на уступки. С точки зрения мировой политики и всемирного финансового капитала, правительство Гучкова-Милюкова просто приказчики банковской фирмы: «Англия и Франция», орудия продолжения империалистской бойни народов. Во-2-х, поражения царской монархии смели старый командный состав армии и

заменяли его новым, молодым, буржуазным. В-3-х, вся русская буржуазия, которая усиленно организовалась с 1905 по 1914 г. и еще быстрее с 1914 по 1917, объединилась с помещиками в борьбе против сгнившей царской монархии, желая обогатиться грабежом Армении, Константинополя, Галиции и пр. В-4-х, к этим силам *империалистского* характера прибавилось глубокое и могучее пролетарское движение. Пролетариат делал революцию, требуя *мира, хлеба и свободы*, не имея ничего общего с империалистской буржуазией, и он повел за собой *большинство* армии, состоящее из рабочих и крестьян. Превращение империалистской войны в войну гражданскую *началось*.

Отсюда основное противоречие данной революции, делающее из нее лишь *первый* этап первой революции, рожденной войною. Гучковско-милюковское, помещичье и капиталистическое правительство не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы. Это — правительство продолжения разбойничьей войны, объявившее прямо, что оно верно международным договорам царизма, а договоры эти — сплошь грабительские. Это правительство сможет в лучшем для него случае *оттянуть* кризис, но избавить страну от голода *не* сможет. Оно не может дать и свободы, как бы много «обещаний» (обещания дешевы) оно ни давало, ибо оно связано интересами помещичьего землевладения и капитала, оно сразу начало *сделки* с династией для восстановления монархии.

Всего глупее поэтому тактика «поддержки» нового правительства в интересах будто бы «борьбы с реакцией». Для такой борьбы нужно *вооружение пролетариата* — единственная серьезная, реальная гарантия и против царизма и против стремления Гучковых и Милюковых восстановить монархию.

Прав поэтому депутат Скобелев, сказавший, что Россия «накануне второй, настоящей (*wirklich*), революции».

И народная организация для этой революции есть и растет. Это — Совет рабочих и солдатских депутатов, который недаром поносят агенты англо-французского капитала, корреспонденты «Times»* и «Le Temps»**.

Изучая имеющиеся в газетах сведения о Совете рабочих депутатов, Ленин пришел к выводу, что в нем есть

* — «Времена». Ред.

** — «Время». Ред.

три течения. Первое — ближе всего к социал-патриотам. Оно выражает доверие Керенскому, герою фразы, пешке в руках Гучкова и Милюкова, худшему представителю «люблановщины», который кормит рабочих пустыми обещаниями, говорит звонкие фразы в духе европейских социал-патриотов и социал-пацифистов à la* Каутский и К^о, а на деле «примпляет» рабочих с продолжением разбойничьей войны. Устами Керенского империалистская буржуазия России говорит рабочим: мы дадим тебе республику, 8-мичасовой рабочий день (он *уже* введен в Петербурге), обещаем свободы — все ради того, чтобы ты помог нам ограбить Турцию, Австрию, отнять у немецкого империализма *его* добычу, удержать добычу англо-французского империализма.

Второе направление — ЦК нашей Российской социал-демократической рабочей партии. В газетах напечатано извлечение (Auszug) из «Манифеста» нашего Центрального Комитета. Манифест вышел в СПб. 18/3. Он провозглашает требования демократической республики, 8-мичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, конфискации хлебных запасов, немедленного начала переговоров о мире *не* правительством Гучкова и Милюкова, а Советом рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет, для Манифеста, *есть* настоящее революционное правительство. (Ленин добавил, что и корреспондент «Times» говорит о *двух* правительствах в России.) Переговоры о немедленном мире должны вестись *не* с буржуазными правительствами, а с *пролетариями* всех воюющих стран. Манифест зовет всех рабочих, крестьян и солдат выбирать делегатов в Совет рабочих депутатов.

Такова единственная действительно социалистическая, действительно революционная тактика.

Третье направление — Чхеидзе и его друзей. Они *колеблются*, что явно отражается в отзывах «Times» и «Le Temps», то хвалящих, то бранящих Чхеидзе. Когда Чхеидзе отказался войти во 2-ое Временное правительство, когда он объявил войну империалистской с *обеих* сторон и т. п., он вел пролетарскую политику. Когда Чхеидзе входил в 1-ое Временное правительство («Думский

* — вроде. Ред.

комитет»), когда он в § 3 своего воззвания требовал «ausreichende Teilnahme der Vertreter der russischen Arbeiterschaft an der Regierung» (участие интернационалистов в правительстве империалистской войны!), когда он (и Скобелев) это *империалистское* правительство звал к началу переговоров о мире (вместо разъяснения рабочим той истины, что *буржуазия* связана по рукам и ногам интересами финансового капитала, не могущего избавиться от империализма), когда друзья Чхеидзе, Туляков и Скобелев, по поручению правительства Гучкова и Миллюкова ездят «успокаивать» солдат, восстающих против либеральных генералов (убийство Непенина (Admiral Nerenin), *оплачиваемое* даже немецкими империалистами!) — тогда Чхеидзе и его друзья впадают в худшую «люблановщину», ведут политику *буржуазии*, вредят делу революции.

Ленин напал также на социал-пацифистское воззвание Горького и выразил сожаление, что великий художник берется за политику, повторяя предрассудки мелкой буржуазии.

Во 2-ой части Ленин поставил своей задачей показать, какова должна быть тактика пролетариата. Он обрисовал своеобразие исторической ситуации *данного* момента, как момента *перехода* от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистской войны или к Конвенту, коим может сделаться Учредительное собрание, *если* правительство исполнит свое «обещание» созвать его.

Специальная задача момента, соответствующая этому *переходному* состоянию, есть *организация пролетариата*. Но не шаблонная организация, которой довольствуются изменники социализма, социал-патриоты и оппортунисты всех стран, а также каутскианцы, а *революционная организация*. Эта организация должна быть, во-1-х, всенародной; во-2-х, соединять *военные и государственные функции*.

Оппортунисты, господствовавшие во II Интернационале, исказили учение Маркса и Энгельса о государстве революционного периода. Каутский в своей полемике с Паннекуком (1912) тоже покинул точку зрения Маркса. Маркс учил, учась из опыта Коммуны 1871 г., что рабочий класс «die Arbeiterklasse nicht die fertige Staatsmaschine einfach in Besitz nehmen und sie für ihre eigenen Zwecke

in Bewegung setzen kann». Das Proletariat soll (muss?) diese Maschine (Armee, Polizei, Bureaucratie) *zerbrechen*¹²⁴. Das ist, was die Opportunisten (Sozialpatrioten) und Kautskianer (Sozialpazifisten) entweder bestreiten oder vertuschen. Das ist die *wichtigste* praktische Lehre der Pariser Kommune und der russischen Revolution von 1905.

Wir unterscheiden uns von den Anarchisten dadurch, dass wir die Notwendigkeit des *Staates* für die revolutionäre Umwälzung anerkennen. Wir unterscheiden uns aber von den Opportunisten und Kautskianer dadurch, dass wir sagen: wir brauchen nicht die «fertige» Staatsmaschinerie, wie sie in den demokratischsten bürgerlichen Republiken existiert, sondern *unmittelbare Macht bewaffneter und organisierter Arbeiter*. Das ist der Staat, den *wir* brauchen. Das sind, ihrem Wesen nach, die Kommune von 1871, und die *Arbeiterdelegiertenräte* von 1905 und 1917. Auf diesem Fundament müssen wir weiter bauen*. *Не дать* восстановить полицию! Создать из народной милиции действительно *всенародную*, руководимую пролетариатом, *милицию*, «наше государство», с тем, чтобы капиталисты платили рабочим за дни, посвящаемые службе в милиции. *Дополнить «чудеса пролетарского героизма*», которые пролетариат проявил *вчера* в борьбе с царизмом и проявит *завтра* в борьбе с Гучковыми-Милюковыми, «чудесами пролетарской организованности». Вот лозунг момента! Вот залог успеха!

На этот путь толкают рабочих *объективные* условия: голод, необходимость распределять хлеб, неизбежность «Zivildienstpflicht»**, необходимость добиться мира. Наши условия мира — говорил Ленин — такие: 1) Совет рабочих

* — «Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить его собственным целям». Пролетариат должен *разбить* эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это — то, что оппортунисты (социал-патриоты) и kautскианцы (социал-пацифисты) оспаривают или затушевывают. Это *важнейший* практический урок Парижской Коммуны и русской революции 1905 года.

Мы отличаемся от анархистов тем, что признаем необходимость *государства* для совершения революционного переворота. Но мы отличаемся от оппортунистов и kautскианцев тем, что говорим: нам требуется не «готовая» государственная машина, как она существует в самых демократических буржуазных республиках, а *непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих*. Это то государство, какое *нам* требуется. Таким государством по существу была Коммуна 1871 г. и *Советы рабочих депутатов* 1905 и 1917 годов. На этом фундаменте мы должны строить дальше. *Ред.*

** — «обязанности гражданской службы». *Ред.*

депутатов, как революционное правительство, заявил бы тотчас, что *никакими* договорами ни царизма ни буржуазии он *не* связан; 2) он опубликовал бы тотчас эти подлые, грабительские договоры; 3) он открыто предложил бы *всем* воюющим перемирие тотчас; 4) он предложил бы мир на условии освобождения *всех* колоний и *всех* неполноправных народов; 5) он заявил бы, что не доверяет буржуазным правительствам и зовет рабочих всех стран свергнуть их; 6) он заявил бы, что долги на войну заключала буржуазия и пусть *капиталисты* платят их.

Вот та политика, которая привлекла бы на сторону Совета рабочих депутатов большинство и рабочих и беднейших крестьян. Конфискация помещичьих земель была бы обеспечена. *Это не был бы еще социализм.* Это была бы победа рабочих и беднейших крестьян, обеспечивающая мир, свободу, хлеб. За *такие* условия мира и мы согласны вести *революционную* войну! Ленин напомнил, что в «Социал-Демократе» № 47 (от 13. X. 1915) было уже заявлено, что от революционной войны такого рода *не зарекается* социал-демократия*. Помощь социалистического пролетариата всех стран была бы обеспечена. Подлые призывы социал-патриотов (вроде позорного письма Геда: «Сначала победа, потом республика») разлетелись бы, как дым.

Да здравствует русская революция! — закончил референт. — Да здравствует *начавшаяся* всемирная рабочая революция!

Написано 15—16 (28—29) марта
1917 г.

Напечатано 31 марта и 2 апреля
1917 г. в газете «Volksrecht» № № 77
и 78

Печатается по рукописи

На русском языке впервые напечатано
в 1929 г. в журнале «Пролетарская
Революция» № 10 (93)

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 366—368. Ред.

ПРОДЕЛКИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ШОВИНИСТОВ

30/III 1917.

Я только что прочитал в сегодняшней «Новой Цюрихской Газете», 30/III, № 557, в первом утреннем выпуске, следующее:

«Милан, 29 марта. С.-Петербургский корреспондент сообщает об аресте некоего *Черномазова*, редактора начавшей выходить во время революции социалистической газеты «Правда». При старом режиме Черномазов был агентом тайной полиции и получал ежемесячно по 200 рублей. Руководимая им газета, требовавшая социалистической республики, резко нападала на Временное правительство с явной целью служить реакции. Вообще агитация безответственных кругов против правительства вызывает подозрение в сообщничестве со старым режимом и с врагом. Даже Совет рабочих и солдатских депутатов, который, по сравнению с Временным правительством, стоит на определенно радикальной точке зрения, отвернулся от этих кругов».

Это сообщение есть пересказ телеграммы, помещенной в шовинистской итальянской газете «Вечерний Курьер» («*Corriere della Sera*») ¹²⁵, Милан, 29/3, и посланной туда из Петербурга 26/3 в 10 ч. 30 м. вечера. Чтобы разъяснить читателям, в чем состоит на этот раз обычная вообще у шовинистов «подтасовка», я должен начать несколько издалека.

«При старом режиме», именно с апреля 1912 г. по июль 1914, выходила в Петербурге ежедневная социал-демократическая газета «Правда». Фактически эта газета была органом *Центрального Комитета* нашей партии, Российской социал-демократической рабочей партии. Я писал в эту газету почти ежедневно из Кракова, где я в это время жил в качестве политического эмигранта. Социал-демократические депутаты Думы, принадлежавшие к нашей партии и сосланные царем в Сибирь за агитацию против империалистической войны, Бадаев, Муранов, Петровский, Шагов,

Самойлов (до лета 1914 г. к этой группе принадлежал и Малиновский), постоянно приезжали в Краков, и мы советовались, как направлять газету.

Само собой разумеется, что царское правительство не только всеми силами окружало «Правду», имевшую до 60 тыс. тиража, шпионами, но и старалось провести в число ее служащих провокаторов. В числе провокаторов был и Черномазов, имевший в партийных кругах кличку «Мирон». Он втерся в доверие и стал в 1913 году секретарем «Правды».

Наблюдая вместе с группой депутатов деятельность Черномазова, мы, во-1-х, пришли к выводу, что он в своих статьях компрометирует наше направление, а во-2-х, является подозрительным в смысле политической честности.

Но найти заместителя было нелегко, тем более, что сношения группы депутатов с Краковом шли либо нелегально, либо через поездки депутатов, а эти поездки не могли делаться очень часто. Наконец, весной 1914 года нам удалось перевезти в Петербург Розенфельда (Каменев), который тоже был сослан царем в Сибирь в конце 1914 года вместе с нашими депутатами.

Розенфельд (Каменев) имел поручение *отстранить* Черномазова и *отстранил* его от дел совершенно. Черномазов был уволен. Наш ЦК назначил *следствие* по поводу подозрений против Черномазова, но собрать точных данных не удалось, так что *объявить* его провокатором петербургские товарищи не решились. Пришлось ограничиться *отстранением* Черномазова от «Правды».

Что Черномазов и, разумеется, другие провокаторы помогали царю сослать в Сибирь наших депутатов, это не подлежит сомнению.

От 13 ноября 1916 г. мы получили от петербургского «Бюро Центрального Комитета» нашей партии сообщение о том, что Черномазов снова делает попытки проникнуть в нелегальную организацию и что «Бюро» отстранило от организации «Мирона» и одно лицо, связанное с ним, и «поступит так со всяким, кто будет продолжать иметь с ним дело».

Мы ответили, разумеется, что участие Черномазова в партии недопустимо, ибо он отстранен решением Центрального Комитета при участии депутатов, названных выше.

Такова история *старой* «Правды», вышедшей *при старом*, царском режиме и задуманной царем перед войной, в июле 1914 г.

Возникает вопрос, не был ли также Черномазов, прямо или косвенно, участником *новой* «Правды», начавшей выходить в Питере *после* революции? Об этом я ничего не знаю, ибо со времени революции правительство Гучкова-Милюкова не пропускает ни моих телеграмм в «Правду», ни, разумеется, телеграмм из «Правды» ко мне¹²⁶. Я не знаю даже, уцелело ли Бюро ЦК, приехали ли в Петербург Каменев и депутаты, которые знают Мирона и устранили бы его немедленно, если бы он воспользовался переменной лиц и втерся снова.

Французская социал-шовинистская газета «L'Humanité»* от 28/III приводит телеграмму, полученную будто бы из Петербурга газетой «Petit Parisien»¹²⁷. В этой телеграмме Черномазов назван *бывшим* редактором экстремистской социал-демократической газеты «Правда».

Читатель, надеюсь, поймет теперь вероломство и низость приемов борьбы правительства Гучкова-Милюкова и их друзей, которые хотят набросить тень на нашу партию, которая якобы состоит в сообщничестве с старым режимом и врагом. Это правительство и его друзья ненавидят нашу партию и клеветают на нее, потому что мы еще 13. X. 1915 г. в 47 номере нашей газеты «Социал-Демократ» (Женева) заявили, мы будем *безусловно* против империалистической войны даже в том случае, когда *эта* война будет вестись не царским правительством, а *шовинистски-революционным, шовинистски-республиканским* русским правительством**.

Правительство Гучкова-Милюкова именно *такое* правительство, потому что оно подтвердило *разбойничьи* договоры царизма с англо-французским империализмом и преследует в этой войне *разбойничьи* цели (завоевание Армении, Галиции, Константинополя и т. д.).

(Посылаю завтра в «Volksrecht»*** и в «Avanti!»****.)

Напечатано 5 апреля 1917 г.

в газете «Volksrecht» № 81

Подпись: N. Lenin

Печатается по рукописной копии

На русском языке впервые напечатано
в 1924 г. в Ленинском сборнике 11

* — «Человечество». Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 366—368. Ред.

*** — «Народное Право». Ред.

**** — «Вперед!». Ред.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ КОЛЛЕГИИ ЦК РСДРП

Заграничная Коллегия Центрального Комитета РСДРП постановляет принять предложение, сделанное тов. Робертом Гриммом относительно возвращения в Россию через Германию эмигрантов, желающих вернуться на родину¹²³.

Загр. Коллегия ЦК констатирует:

(1) что переговоры велись тов. Р. Гриммом с одним членом правительства нейтральной страны, министром Гофманом, который не признал возможным официальное вмешательство Швейцарии только потому, что английское правительство, несомненно, усмотрело бы в этом нарушение нейтралитета, так как Англия не хочет пропустить интернационалистов;

(2) что предложение Р. Гримма вполне приемлемо, так как гарантирована свобода проезда независимо от политических направлений, от отношения к вопросу о «защите отечества», о продолжении войны Россией или заключении ею мира и т. д.;

(3) что предложение это основано на плане обмена русских эмигрантов на интернированных в России немцев, причем эмигрантам нет никаких оснований отказаться от агитации за такой обмен в России;

(4) что тов. Р. Гримм передал это предложение представителям всех направлений политической эмиграции, заявив с своей стороны, что при данном положении вещей это — единственный путь и что он вполне приемлем при теперешних условиях;

(5) что с нашей стороны сделано все возможное, чтобы убедить представителей различных направлений в необходимости принять это предложение и в абсолютной недопустимости оттяжек;

(6) что представители некоторых направлений, к сожалению, высказываются за дальнейшие оттяжки, — решение, которое мы не можем не признать в величайшей степени ошибочным и приносящим глубочайший вред революционному движению в России.

На основании этих соображений Заграничная Коллегия ЦК постановляет известить всех членов нашей партии о принятии нами предложения и о немедленном отъезде, пригласить их принимать записи от всех желающих ехать и сообщить копию настоящего постановления представителям других направлений.

Цюрих, 31 марта 1917 г.

Первые напечатано в 1923 г.

Печатается по рукописи

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от *другой* партии, носящей *то же самое* название, но объединенной Организационным комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские «грютлманцы», перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, — если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику, — то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны, выступая по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые, в числе едва ли большем, чем 10—15 человек, были членами швейцарской социалистической партии,

считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Жак Шмид и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft»* в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсей Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхендзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend»¹²⁹, которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, — которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Töss** резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу¹³⁰, — которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников империалистского правительства Гучкова-Милюкова и К^о, непримиримых противников продолжения Россиию империалистской войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальян-

* — «Трудовое сотрудничество». *Ред.*

** — Тёсс. *Ред.*

янским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободы.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в Центральном Органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 года. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется *республиканское* правительство, желающее продолжать *империалистскую* войну, войну в союзе с империалистской буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем *против* «защиты отечества» в *такой* войне*.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат *монархистам* Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть русских рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма» (правильно! но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и пр. своих королей, а русские своих монархистов, Львова и Гучкова??). Это правительство пытается посредством такого лозунга и *не* публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр., и *которые подтверждены правительством Гучкова-Милюкова-Керенского*, — выдать за «оборонительную» (т. е. справедливую, законную даже с точки зрения пролетариата) свою *империалистскую* войну с Германией, — выдать за «защиту» русской республики (которой в России *еще* нет и которую Львовы и Гучковы даже и *не пообещали* еще учредить!) защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде гг. Плеханова, Засулич,

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 366—368. Ред.

Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной», — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы *и раньше* всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова-Милюкова! Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство *вело уже* переговоры о восстановлении монархии в России. *Только* вооружение и организация пролетариата способны *помешать* Гучковым и К^о *восстановить* монархию в России. *Только* остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России *и всей Европы* способен избавить человечество от ужасов империалистской войны!

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистским авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В номере 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти *тотчас*? Мы ответили: (1) мы немедленно предложили бы мир *всем* воюющим народам; (2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных или неполноправных народов; (3) мы немедленно начали и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; (4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, *и не* только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную войну против немецкой и не одной только немецкой буржуазии. *Мы повели бы ее*. Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капитали-

стами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми в интересах социализма.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 «Социал-Демократ», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть во *всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России *менее* организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а *лишь* особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, может быть очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 года и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи будем мы бороться и впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса *может* довести

неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда, и его выставляли теперь в Петербурге и Центральный Комитет нашей партии и газета нашей партии *«Правда»*. За *этот* лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими с примыкающими к ним беднейшими крестьянами и *зажиточными крестьянами*, которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная «реформа». Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата и в первой (1906) и во второй (1907) Думе выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот, сам по себе, не был бы еще отнюдь социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позиции социалистического пролетариата в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как «Советы рабочих депутатов», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести — под давлением невыносимо-тяжелой империалистской войны и ее последствий — ряд революционных мер для *контроля* за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно *завершить* социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата.

Пусть малoverы предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как

Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о в Германии, Самба, Гед, Рендель и К^о во Франции, фабианцы и «лабуристы»¹³¹ в Англии. Мы твердо убеждены, что эту *грязную пену* на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871—1914 годов. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о и не такие колеблющиеся, бесхарактерные, придавленные рутинной «мирного» периода политики, как гг. Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало «группу Спартакуса», которое вело пропаганду в бременской «Arbeiterpolitik»¹³².

Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг: «превращение империалистской войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократов «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, господин Плеханов назвал его «гресофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители центра отделялись молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение

империалистской войны в войну гражданскую становится фактом.

Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей, членов Росс. с.-д. раб. партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля (нов. стиля) 1917 года.

Н. Ленин

Написано 26 марта (8 апреля) 1917 г.

Напечатано 1 мая 1917 г.
в газете «Jugend-Internationale» № 8

Печатается по рукописи

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду брошюра «Кто совершит политическую революцию?», напечатанная в сборнике «Пролетарская борьба» № 1, изданном «Уральской социал-демократической группой» в 1899 году и переизданная Киевским комитетом в том же году. Автор брошюры А. А. Санин, стоявший на позициях «экономизма», отрицал необходимость создания самостоятельной политической партии рабочего класса и считал, что политическую революцию в России можно совершить путем всеобщей стачки, без вооруженного восстания. — 1.
- ² Ленин имеет в виду конференцию заграничных секций РСДРП, происходившую 27 февраля — 4 марта (н. ст.) 1915 года в Берне (Швейцария). На конференции в докладе «Война и задачи партии» Ленин осветил важнейшие вопросы стратегии и тактики большевистской партии в период империалистической войны. На конференции выступил с тезисами Бухарин, отстаивавший антимарксистские, антипартийные взгляды. Ленин характеризовал эти взгляды как наивысшее «империалистическое экономизма».
- Конференция приняла резолюции, написанные В. И. Лениным: о характере войны, о лозунге «защиты отечества», лозунги революционной социал-демократии, отношение к другим партиям и группам, и другие (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 137—142). — 1.
- ³ Имеются в виду Пятаков и Бош. — 1.
- ⁴ Имеется в виду «Проект программы революционно-социалистического союза и социал-демократической рабочей партии Голландии», напечатанный в № 3 бюллетеня Интернациональной социалистической комиссии 29 февраля 1916 года.
- «*Internationale Sozialistische Kommission zu Bern. Bulletin*» («Интернациональная Социалистическая Комиссия в Берне. Бюллетень») являлся органом ИСК, образованной на первой социалистической конференции интернационалистов, состоявшейся в Циммервальде 5—8 сентября (н. ст.) 1915 года. Бюллетень издавался на немецком, французском и английском

языках в Берне с сентября 1915 года по январь 1917 года. Вышло шесть номеров. — 2.

- 5 «Социал-Демократ» — Центральный Орган РСДРП, нелегальная газета; издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 года. Вышло 58 номеров. Первый номер вышел в России, в дальнейшем издание было перепесено за границу, сначала в Париж, затем — в Жевеу. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов.

В газете «Социал-Демократ» напечатано более восьмидесяти статей и заметок В. И. Ленина. Внутри редакции В. И. Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции, меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в своей фракционной газете «Голос Социал-Демократа». Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным.

В газете «Социал-Демократ» напечатан ряд статей И. В. Сталина: «Письма с Кавказа», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Выборы в Петербурге» и другие (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 174—196, 250—252, 271—284).

В начале мировой империалистической войны (1914—1918), после годичного перерыва, Ленину удалось возобновить издание газеты. 1 ноября (п. ст.) 1914 года вышел в свет № 33 «Социал-Демократа» с Манифестом ЦК РСДРП, написанным Лениным. Статьи Ленина, печатавшиеся в «Социал-Демократе» в годы войны, сыграли выдающуюся роль в борьбе за осуществление стратегии и тактики большевистской партии по вопросам войны, мира и революции, в разоблачении открытых и скрытых социал-шовинистов, в сплочении интернационалистических элементов в международном рабочем движении.

В 1916 году редакцией «Социал-Демократа» были изданы два номера «Сборника Социал-Демократа», в которых напечатаны работы Ленина: «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы)», «Итоги дискуссии о самоопределении», «О ловушке «разоружения» и другие. — 2.

- 6 «Vorboten» («Предвестник») — журнал, теоретический орган Циммервальдской левой; издавался на немецком языке в Берне в 1916 году. Вышло два номера: № 1 — в январе и № 2 — в апреле 1916 года. В журнале были напечатаны работы В. И. Ленина: «Оппортунизм и крах II Интернационала», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы)» (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 96—108, 132—145). — 2.

⁷ Циммервальдская левая группа была образована Лениным на первой Международной социалистической конференции, состоявшейся 5—8 сентября (н. ст.) 1915 года в Циммервальде (Швейцария). Эту конференцию Ленин называл «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны. Большевики во главе с Лениным занимали в Циммервальдской левой группе единственно правильную, до конца последовательную позицию. В этой группе были и непосредственные интернационалисты. Критику их ошибок см. в статьях В. И. Ленина: «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении» (Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 291—305, 306—344) и в письме И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). — 2.

⁸ «Просвещение» — ежемесячный большевистский общественно-политический и литературный журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 года. Журнал был создан по указанию Ленина вместо закрытого царским правительством большевистского журнала «Мысль», выходившего в Москве. Ленин из-за границы руководил «Просвещением»; в журнале были опубликованы его работы: «Три источника и три составных части марксизма», «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Итоги выборов», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и другие.

Во время своего пребывания в Петербурге в 1912 и 1913 годах в работе журнала принимал ближайшее участие И. В. Сталин. В «Просвещении» опубликована работа И. В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия», издавшая в 1914 году отдельной брошюрой под названием «Национальный вопрос и марксизм» (см. И. В. Сталин. «Марксизм и национальный вопрос». Сочинения, том 2, 1946, стр. 290—367). Постоянным сотрудником «Просвещения» был В. М. Молотов. Художественно-литературный отдел редактировал А. М. Горький. В редакционной коллегии работали: М. А. Савельев, М. С. Ольминский, А. И. Елизарова и другие. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров.

Журнал был закрыт царским правительством накануне первой мировой войны — в июне 1914 года. Издание «Просвещения» было возобновлено осенью 1917 года; вышел только один (двойной) номер журнала, в котором были напечатаны работы Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы». — 4.

⁹ Ленин имеет в виду программу французской рабочей партии 1880 года и программы германской социал-демократии — Готскую 1875 года и Эрфуртскую 1891 года. — 4.

¹⁰ Речь идет о брошюре «Социализм и война» (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 267—307). — 7.

- 11 Имеется в виду заявление делегации польских социал-демократов на первой Международной социалистической конференции в Циммервальде (1915). В этом заявлении содержался протест против того, что немецкое и австрийское правительства рассматривают польские области как свою завоеванную колонию и лишают польский народ возможности самому решить свою судьбу. — 9.
- 12 Статья была написана в ответ на статью П. Киевского (Ю. Пятакова) о праве наций на самоопределение. На рукописи статьи имеется надпись Ленина: «Статья Киевского о самоопределении и ответ на нее Ленина». Несколько позже этому же вопросу Ленин посвятил большую статью «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (см. настоящий том, стр. 16—64). Рукопись заголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 10.
- 13 Ленин имеет в виду: выступление голландской социал-демократки Роланд-Гольст в журнале швейцарской социал-демократической партии «Neues Leben» («Новая Жизнь») за октябрь — ноябрь и декабрь 1915 года; редакционную статью в органе «молодых» — Международного союза социалистических организаций молодежи — «Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») № 3 за март 1916 года и высказывавший скандинавских левых.
- Критику лозунга «разоружения» см. в статьях В. И. Ленина «Военная программа пролетарской революции» и «О лозунге «разоружения»» (настоящий том, стр. 65—76 и 83—93). — 11.
- 14 Речь идет о статье П. Киевского (Ю. Пятакова) о праве наций на самоопределение, которую Ленин предполагал напечатать в № 3 «Сборника Социал-Демократа». В этом же номере сборника должна была пойти статья Ленина «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме», разоблачавшая оппортунистическую позицию Пятакова. Издание № 3 «Сборника Социал-Демократа» не осуществилось. — 17.
- 15 «Die Neue Zeit» («Новое Время») — журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в «Die Neue Zeit» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступление от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов. — 23.
- 16 Группа «Интернационал», называвшаяся позже союзом «Спартак», — образована германскими левыми социал-демократами К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин и

др. в начале войны. В январе 1916 года, на общегерманской конференции левых социал-демократов, группа приняла тезисы о задачах международной социал-демократии, составленные и предложенные Р. Люксембург. Группа «Интернационал» вела революционную пропаганду в массах против империалистической войны, разоблачала захватническую политику германского империализма и предательство вождей социал-демократии. Но она не освободилась от полуменьшевистских ошибок в важнейших вопросах теории и политики: развивала полуменьшевистскую теорию империализма, отвергала принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (т. е. вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отрицала возможность национально-освободительных войн в эпоху империализма, недооценивала роль революционной партии, преклонялась перед стихийностью движения. Критика ошибок германских левых дана в произведениях В. И. Ленина: «О брошюре Юниуса» (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 291—305), «Военная программа пролетарской революции» (см. настоящий том, стр. 65—76) и др. и в письме И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (см. И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). В 1917 году группа «Интернационал» вошла в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. После ноябрьской революции 1918 года в Германии она порвала с «независимцами» и в декабре того же года основала Коммунистическую партию Германии. — 25.

17 «Сборник Социал-Демократа» издавался редакцией Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-Демократ», под непосредственным руководством Ленина. Вышло два номера: № 1 в октябре 1916 года и № 2 в декабре 1916 года. — 25.

18 В. Ильин — В. И. Ленин. — 27.

19 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 304. — 35.

20 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1948, стр. 40. — 43.

21 «Фраками» называли «правицу» — правое крыло Польской социалистической партии (ППС), оформившееся в 1906 году, после раскола ППС, как самостоятельная организация.

«Правица», возглавлявшаяся Пилсудским, проводила политику национал-шовинизма; впоследствии из нее вновь возникла ППС. С образованием польского буржуазного государства в 1918 году ППС, став правительственной партией, проводила антисоветскую политику и поддерживала поражение народов Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших в состав Польши.

Во время второй мировой войны ППС раскололась на две группы. Реакционно-шовинистическая часть ППС, выступавшая под названием ВРН («Wolność, równość i niepodległość» — «Свобода, равенство и независимость»), встала на путь сотрудничества с фашистами. Другая часть, называвшаяся «Рабочей партией польских социалистов», вместе с Польской рабочей партией (коммунистов) и беспартийными польскими патриотами вела борьбу за освобождение Польши от фашистского порабощения и за установление дружественных связей с СССР. В декабре 1948 года ППС и ППР объединились и образовали Польскую объединенную рабочую партию (ПЗПР). — 45.

22 Речь идет о письме Энгельса Каутскому от 12 сентября 1882 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 356—357). Ленин цитирует это письмо в своей статье «Итоги дискуссии о самоопределении» (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 336—337), впервые опубликованной в № 1 «Сборника Социал-Демократа» за октябрь 1916 года. — 47.

23 Юнус — Роза Люксембург. — 50.

24 «Голос» — ежедневная меньшевистско-троцкистская газета, выходила в Париже с сентября 1914 года по январь 1915 года. Газета занимала центристскую позицию. — 61.

25 ОК (Организацйонный комитет) — руководящий центр меньшевиков; образовался в 1912 году на августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов и всех антипартийных групп и течений. — 61.

26 Статья «Военная программа пролетарской революции» была написана на немецком языке в сентябре 1916 года для прессы скандинавских левых социал-демократов, которые в период мировой империалистической войны (1914—1918) выступили против пункта с.-д. программы — «вооружение народа» — и выдвинули ошибочный лозунг «разоружения».

В декабре 1916 года статья в переработанном виде была напечатана в «Сборнике Социал-Демократа» № 2 под заглавием «О лозунге «разоружения»» (см. настоящий том, стр. 83—93).

В апреле (н. ст.) 1917 года, незадолго до отъезда в Россию, Ленин передал текст статьи на немецком языке редакции газеты «Jugend-Internationale». Статья была напечатана в №№ 9 и 10 этой газеты в 1917 году.

«Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 года по май 1918 года в Цюрихе. Оценку «Jugend-Internationale» см. в заметке «Интернационал Молодежи» (настоящий том, стр. 153—156). — 65.

- 27 Имеются в виду тезисы по военному вопросу, составленные Р. Гриммом (одним из лидеров швейцарской с.-д. партии) летом 1916 года в связи с подготовкой к чрезвычайному съезду швейцарской социал-демократической партии. Съезд этот предполагалось созвать в феврале 1917 года для решения вопроса об отношении швейцарских социалистов к войне. — 65.
- 28 «*Neues Leben*» («Новая Жизнь») — ежемесячный журнал, орган швейцарской социал-демократической партии; издавался в Берне с января 1915 по декабрь 1917 года. Журнал проводил взгляды правых циммервальдистов; с начала 1917 года занял социал-шовинистическую позицию. — 65.
- 29 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 356—357. — 67.
- 30 Имеются в виду международные социалистические конференции интернационалистов, происходившие в Циммервальде и Кинтале (Швейцария).

Первая Международная социалистическая конференция происходила в Циммервальде 5—8 сентября (н. ст.) 1915 года. На конференции развернулась борьба между революционными интернационалистами, во главе с Лениным, и каутскианским большинством. Ленин образовал из левых интернационалистов Циммервальдскую левую группу, в которой единственно правильную и до конца последовательную интернационалистическую позицию против войны занимала только партия большевиков.

Конференция приняла манифест, признавший мировую войну империалистической; осудила поведение «социалистов», которые голосовали за военные кредиты и принимали участие в буржуазных правительствах; призвала рабочих Европы развернуть борьбу против войны за мир без аннексий и контрибуций.

Конференция приняла также резолюцию симпатии жертвам войны и избрала Интернациональную социалистическую комиссию (I.S.K.).

О значении циммервальдской конференции см. статьи Ленина «Первый шаг» и «Революционные марксисты на Международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 350—355 и 356—359).

Вторая Международная социалистическая конференция происходила в Кинтале 24—30 апреля (н. ст.) 1916 года. На этой конференции левое крыло было сплоченнее и сильнее, чем на конференции в Циммервальде. Ленин добился принятия резолюции, содержащей критику социал-пацифизма и оппортунистической деятельности Международного социалистического бюро. Манифест и резолюции, принятые в Кинтале, были дальнейшим шагом вперед в развитии интернационального движения против войны.

Циммервальдская и Кинтальская конференции способствовали выделению и сплочению интернационалистических элементов, но они не заняли позиций последовательного интернационализма, не приняли основных положений политики большевиков: превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражение в войне своих империалистических правительств, организация III Интернационала. — 72.

- 31 *«Социал-демократическая трудовая группа»* («Arbeitsgemeinschaft») («Трудовое содружество») — организация германских центристов; образована в марте 1916 года депутатами рейхстага, отколовшимися от с.-д. фракции рейхстага. Эта группа составила основное ядро образовавшейся в 1917 году центристской Независимой социал-демократической партии Германии, оправдывавшей открытые социал-шовинистов и выступавшей за сохранение единства с ними. — 72.
- 32 *Независимая рабочая партия* (I.L.P. — Independent Labour Party) основана в 1893 году. Во главе партии стояли Джемс Кейр-Гарди, Р. Макдональд и др. Претендуя на политическую независимость от буржуазных партий, Независимая рабочая партия на самом деле была «независимой от социализма, но зависимой от либерализма» (*Ленин*). В период мировой империалистической войны (1914—1918) Независимая рабочая партия вначале выступила с манифестом против войны (13 августа (н. ст.) 1914 года). Затем, в феврале 1915 года, на Лондонской конференции социалистов стран Антанты, независимцы присоединились к принятой на конференции социал-шовинистической резолюции. С этого времени лидеры независимцев, прикрываясь пацифистскими фразами, занимали социал-шовинистическую позицию. После основания Коминтерна, в 1919 году, под давлением полевевших партийных масс, лидеры Независимой рабочей партии приняли решение о выходе из II Интернационала. В 1921 году независимцы вступили в так называемый 2^{1/2} Интернационал, а в 1923 году вновь присоединились ко II Интернационалу. — 72.
- 33 *Военно-промышленные комитеты* были созданы в России в 1915 году крупной империалистической буржуазией. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия придумала организацию «рабочих групп» при этих комитетах. Буржуазии было выгодно привлечь в эти группы представителей рабочих, которые агитировали бы среди рабочих масс за повышение производительности труда на военных заводах. Большевики приняли активное участие в этом лжепатриотическом деле, затеянном буржуазией. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и успешно его провели при поддержке большинства рабочих (см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 164—165). — 72.

34 *Базельский манифест* — манифест о войне, принятый единогласно чрезвычайным конгрессом II Интернационала, происходившим в Базеле (Швейцария) 24—25 ноября (н. ст.) 1912 года. Манифест отмечал грабительские цели подготовлявшейся империалистами войны и призывал рабочих всех стран повести решительную борьбу против войны. В случае возникновения империалистической войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызываемый войной, для борьбы за социалистическую революцию. (О манифесте см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 184—193 и 278—279.)

Вожди II Интернационала Каутский, Вандервельде и др. на конгрессе голосовали за принятие этого манифеста. Но в 1914 году, с началом мировой империалистической войны, они предали забвению Базельский манифест и встали на сторону своих империалистических правительств. — 73.

35 *«La Sentinelle»* («Часовой») — газета, орган швейцарской социал-демократической организации кантона Невшатель (французская Швейцария); основана в Шо-де-Фоне в 1884 году. В первые годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала интернационалистическую позицию. 13 ноября 1914 года в № 265 газеты был напечатан в сокращенном виде манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 9—18). Газета выходит в настоящее время.

«Volksrecht» («Народное Право») — ежедневная газета, орган швейцарской социал-демократической партии и с.-д. организации кантона Цюриха; издается в Цюрихе с 1898 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета помещала статьи левых циммервальдистов. В ней были напечатаны также статьи Ленина: «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества», «О задачах РСДРП в русской революции», «Проделки республиканских шовинистов» и др. Газета продолжает выходить до настоящего времени; занимает антикоммунистическую и антидемократическую позицию.

«Bernser Tagwacht» («Бернский Часовой») — газета, орган швейцарской социал-демократической партии; основана в 1893 году в Берне. В начале мировой империалистической войны (1914—1918) в газете публиковались статьи К. Либкнехта, Ф. Меринга и других левых социал-демократов. С 1917 года газета стала открыто поддерживать социал-шовинистов; выходит в настоящее время и занимает антикоммунистическую и антидемократическую позицию. — 76.

36 Имеется в виду съезд швейцарской социал-демократической партии в Аарау, происходивший 20—21 ноября (н. ст.) 1915 года. Центральным пунктом порядка дня съезда был вопрос об отношении швейцарской социал-демократии к циммервальдскому объединению интернационалистов. Вокруг этого

вопроса развернулась борьба трех направлений в швейцарской социал-демократии: 1) антициммервальдистов (Грейлих, Пфлюгер и др.), 2) сторонников циммервальдской правой (Гримм и др.) и 3) сторонников Циммервальдской левой (Платтен и др.).

Р. Гриммом была внесена резолюция, в которой швейцарской с.-д. партии предлагалось присоединиться к циммервальдскому объединению и одобрить политическую линию правых циммервальдистов. Швейцарские левые социал-демократы внесли поправку к резолюции Гримма. В поправке предлагалось признать необходимость развертывания массовой революционной борьбы против войны и заявлялось, что только победоносная революция пролетариата может положить конец империалистической войне.

Большинством голосов съезд принял поправку левых. — 76.

37 *«Бюллетень Заграничного Комитета Бунда»* издавался в Женеве в 1916 году; стоял на позиции социал-шовинизма. Вышло два номера бюллетеня. — 77.

38 *Итальянская социалистическая партия* была основана в 1892 году как «Партия итальянских рабочих»; в 1893 году на съезде в Реджио-Эмилия она приняла название «Итальянской социалистической партии». В первую половину мировой империалистической войны (1914—1918) Итальянская социалистическая партия занимала непоследовательную интернационалистическую позицию. Она принимала участие в международных социалистических конференциях в Циммервальде (сентябрь 1915) и Киктале (апрель 1916), примыкала к центристскому большинству. В конце 1916 года Итальянская социалистическая партия, под влиянием реформистского крыла, вступила на путь социал-пацифизма.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России в рядах Итальянской социалистической партии усилилось левое крыло. Партийный съезд в Болонье (октябрь 1919 года) высказался за включение в программу пункта о борьбе за диктатуру пролетариата и за присоединение к Коммунистическому Интернационалу, но сохранил в рядах партии оппортунистов.

В январе 1921 года на съезде партии в Ливорно левые порвали с социалистической партией, организовали свой съезд и основали Коммунистическую партию Италии. Итальянская социалистическая партия в 1921 году на III конгрессе Коминтерна была исключена из рядов Коммунистического Интернационала.

В период фашистской диктатуры в партии вновь образовалось влиятельное левое крыло. В 1934 году Итальянская социалистическая партия заключила с Коммунистической партией Италии соглашение о единстве действий. Это соглашение послужило базой сотрудничества обеих партий в период второй мировой войны и в послевоенный период. В январе 1947 года Итальянская социалистическая партия раскололась. Из ее

рядов вышла группа правых социалистов во главе с агентом американского империализма Сарагатом и образовала так называемую «Социалистическую партию итальянских трудящихся». — 79.

39 *«Avanti!»* («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии; основана в декабре 1896 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала непоследовательно-интернационалистическую позицию, не порывая связи с реформистами. Газета выходит в настоящее время. — 80.

40 *«Интернациональные социалисты Германии»* (I.S.D.) — группа левых социал-демократов (Борхардт и др.), возникшая в Германии в начале мировой империалистической войны (1914—1918). Группа I.S.D. примыкала к Циммервальдской левой и занимала более последовательную позицию по вопросам размежевания с социал-шовинистами и центристами, чем сторонники Р. Люксембург. Но группа не имела широких связей с массами и вскоре распалась. — 80.

41 *«Vorwärts»* («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; издавалась с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и других. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в «Vorwärts'e» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма. После Великой Октябрьской социалистической революции газета «Vorwärts» стала одним из центров антисоветской пропаганды; выходила в Берлине до 1933 года.

С апреля 1946 года «Vorwärts» вновь выходит в Берлине; издается берлинской организацией Социалистической единой партии Германии. — 81.

42 *Конференция Entente-Socialisten* (социалистов Антанты) созывалась по инициативе французских социал-шовинистов (Тома, Рендель, Самба). По предложению В. И. Ленина ЦК РСДРП издал декларацию, которая, вскрыв предательские цели социал-шовинистов, призывала интернационалистов ответить отказом на предложение об участии в этой конференции. Текст декларации ЦК РСДРП был напечатан в декабре 1916 года в № 2 «Сборника Социал-Демократа». События конференции были отложены. Конференция состоялась в Лондоне 28 августа (н. ст.) 1917 года. — 82.

43 Имеется в виду *Лондонская конференция социалистов* стран «тройственного согласия», происходившая 14 февраля (н. ст.) 1915 года. На ней присутствовали представители социал-

шогинистов и пацифистских групп социалистических партий Англии, Франции, Бельгии и от России — меньшевики и эсеры.

Хотя большевики и не были приглашены, но по поручению В. И. Ленина на конференцию прибыл Литвинов (Максимович) для оглашения декларации ЦК РСДРП, в основу которой был положен проект, написанный Лениным. Декларация требовала выхода социалистов из буржуазных правительств, полного разрыва с империалистами, отказа от сотрудничества с ними, решительной борьбы против своих империалистических правительств и осуждения голосования за военные кредиты. Во время оглашения декларации Литвинова прервали и лишили слова, и он, передав президиуму текст декларации, покинул конференцию.

См. статьи Ленина «О Лондонской конференции» и «По поводу Лондонской конференции» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 112—114 и 155—157). — 82.

- 44 Речь идет о статьях К. Чильбума «Шведская социал-демократия и мировая война» и А. Гансена «Некоторые моменты современного рабочего движения в Норвегии», напечатанных в «Сборнике Социал-Демократа» № 2 (декабрь 1916 года). — 83.
- 45 «*The Socialist Review*» («Социалистическое Обзорение») — ежемесячный журнал, орган Независимой рабочей партии Англии; выходил в Лондоне с 1908 года по 1934 год. — 93.
- 46 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1948, стр. 209—210. — 96.
- 47 «*Коммунист*» — журнал, организованный Лениным; издавался в Женеве редакцией газеты «Социал-Демократ» в 1915 году. Вышел один (двойной) номер, в котором были опубликованы три статьи Ленина: «Крах II Интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Империализм и социализм в Италии» (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 181—232, 316—323, 324—333).
- Внутри редакции журнала Ленин вел борьбу против антипартийной группы Бухарина — Пятакова, разоблачал ее антибольшевистские взгляды, ее попытки использовать журнал в фракционных целях. Ввиду антипартийной позиции этой группы Ленин предложил порвать с ней отношения и прекратить совместное издание журнала. С октября 1916 года редакция газеты «Социал-Демократ» стала выпускать свой «Сборник Социал-Демократа». — 96.
- 48 «*Известия Заграничного Секретариата Организационного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии*» — меньшевистская газета; издавалась в Швейцарии с февраля 1915 года по март 1917 года. Вышло 10 номеров. — 99.

- 49 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 105.— 101.
- 50 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, 1935, стр. 288, 370. — 101.
- 51 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 529—530. — 101.
- 52 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 356. — 101.
- 53 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 415—416. — 101.
- 54 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, 1940, стр. 208—209, 295, 340. — 102.
- 55 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 386—400. — 102.
- 56 *Фракция Чхеидзе* — меньшевистская фракция IV Государственной думы. — 107.
- 57 *«Наше Дело»* — ежемесячный меньшевистский журнал, главный орган ликвидаторов, социал-шовинистов в России; выходил в 1915 году в Петрограде вместо закрытого в октябре 1914 года журнала «Наша Заря».
- «Голос Труда»* — легальная меньшевистская газета; выходила в Самаре в 1916 году. — 107.
- 58 *«Комитет по восстановлению международных связей»* образован французскими интернационалистами в январе 1916 года. Комитет вел пропаганду против империалистической войны, издал ряд брошюр и листовок, разоблачавших захватнические цели империалистов и предательство социал-шовинистов. Но в то же время он отвергал необходимость решительного разрыва с оппортунистами и не давал четкой последовательной программы развертывания революционной борьбы.
- Несмотря на непоследовательность позиции Комитета, Ленин считал необходимым использовать его для сплочения левых интернационалистов Франции и усиления влияния левых циммервальдистов. По указанию Ленина в работе Комитета принимала участие Инесса Арманд.
- Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и усиления французского рабочего движения Комитет стал центром революционно-интернационалистических элементов. В 1920 году он вошел в образовавшуюся Коммунистическую партию Франции. — 111.

- 59 Имеется в виду убийство австрийского премьер-министра Штюргка Фридрихом Адлером — одним из лидеров австрийских социал-демократов. — 112.
- 60 Имеется в виду Международное социалистическое бюро — исполнительный орган II Интернационала; создано по решению Парижского конгресса 1900 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) МСБ стояло на позиции социал-шовинизма, группировало вокруг себя оппортунистические элементы социалистических партий и пыталось путем «взаимной амнистии» социалистов различных стран восстановить II Интернационал. — 123.
- 61 «Народный Голос» («Volkstimme») — газета; выходила в Хемнице с января 1890 года по февраль 1933 года; в период мировой империалистической войны (1914—1918) — орган социал-шовинистов. — 123.
- 62 Тезисы «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии» были написаны на русском и немецком языках, переведены И. Арманд на французский язык и рассылались швейцарским левым социал-демократам для обсуждения. — 126.
- 63 Этот лозунг дан в письме К. Либкнехта от 2 октября (н. ст.) 1914 года, адресованном Правлению германской социал-демократической партии. Текст этого письма Ленин цитирует в «Черновом проекте тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям» (см. настоящий том, стр. 206). — 126.
- 64 Эгли и де-Ло — швейцарские офицеры, обвинявшиеся в шпионаже во время мировой империалистической войны. Проходивший в 1916 г. судебный процесс по делу полковника Эгли, служившего в швейцарском генеральном штабе, подтвердил его участие в шпионаже. Но под давлением милитаристической буржуазии и военной клики швейцарский суд ограничился решением об отдаче обвиняемого в распоряжение военных властей для наложения на него военно-дисциплинарного взыскания. — 127.
- 65 Ольтенское решение — решение по военному вопросу, принятое чрезвычайным съездом швейцарской социал-демократической партии, происходившим в Ольтене (Швейцария) 10—11 февраля (н. ст.) 1906 года. — 133.
- 66 *Grülli-Verein* (Грютли-союз) — буржуазно-реформистская организация; основана в Швейцарии в 1838 году. В 1901 году Грютли-союз вошел в состав швейцарской социал-демократической партии, сохранив свою организационную самостоятельность; в годы мировой империалистической войны (1914—1918) он занимал социал-шовинистическую позицию.

В ноябре 1916 года цюрихский съезд швейцарской с.-д. партии отмежевался от Грютли-союза, признав его социал-шовинистическую деятельность несовместимой с пребыванием в с.-д. партии. — 135.

- 67 Настоящие тезисы были написаны Лениным для швейцарских левых социал-демократов во время подготовки к чрезвычайному съезду швейцарской социал-демократической партии; созыв съезда предполагался в феврале 1917 года для решения вопроса об отношении социалистов к войне. О съезде см. в произведениях В. И. Ленина: «Открытое письмо к Шарлю Нану, члену Международной социалистической комиссии в Берне», «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии» (настоящий том, стр. 212—220, 278—281). — 138.
- 68 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные проповедения в двух томах, т. I, 1948, стр. 507. — 143.
- 69 «*Schweizerische Metallarbeiter-Zeitung*» («Швейцарская Газета Рабочих Metallистов») — еженедельная газета; основана в Берне в 1902 году; в годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимала социал-шовинистическую позицию. — 145.
- 70 *Фабианская партия* («Общество фабианцев») — реформистская, крайне оппортунистическая организация, основанная группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Общество названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклонением от решительных боев. Фабианское общество, по выражению Ленина, представляет собой «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики». Фабианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали возможность мирного перехода от капитализма к социализму путем реформ. В период мировой империалистической войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в произведениях Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 330—331), «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 154), «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 234) и др. — 153.
- 71 *Рабочая партия* (Labour Party) основана в 1900 году как объединение рабочих организаций — тред-юнионов, социалистических партий и групп — в целях создания рабочего представительства в парламенте. Это объединение называлось «Комитетом рабочего представительства», который в 1906 году

переименовался в Рабочую (лейбористскую) партию. Лейбористская партия, являясь по своей идеологии и тактике наиболее оппортунистической организацией, «насквозь буржуазной» (Ленин), проводит политику классового сотрудничества с буржуазией. Во время мировой империалистической войны (1914—1918) лидеры лейбористской партии занимали социал-шовинистическую позицию, были, по выражению Ленина, «соучастниками империалистского бандитизма».

Лейбористская партия приходила к власти в 1924, 1929 и 1945 годах и формировала свои правительства, которые неизменно проводили политику английского империализма. Лейбористское правительство, образованное в 1945 году, осуществляет во внутренней и внешней политике реакционную программу английских империалистов. Правые лидеры лейбористов, выступая по сути дела в качестве агенты американского империализма, занимают антисоветскую позицию и ведут борьбу против сил демократии и социализма. — 153.

72 *Nota-Bene* — псевдоним Бухарина. — 155.

73 В конце 1916 — начале 1917 года Ленин работал над изучением материалов о государстве. Тогда же он составил план статьи об отношении марксизма к государству. Эту статью он предполагал напечатать в четвертом номере «Сборника Социал-Демократа». Издание сборника не осуществилось из-за отсутствия материальных средств; статья не была написана. — 156.

74 «*Наше Слово*» — ежедневная меньшевистско-троцкистская газета; выходила в Париже с января 1915 года по сентябрь 1916 года, заменив собой газету «Голос». — 157.

75 «*Инициативные группы*» создавались меньшевиками-ликвидаторами с конца 1910 года и рассматривались ими как ячейки новой широкой легальной партии, приспособляющейся к столыпинскому режиму. Ликвидаторам удалось создать «инициативные группы» в Петербурге, Москве, Екатерининославе и Константиновке (Донбасс). Это были немногочисленные интеллигентские группы, не имевшие связи с рабочими массами. Во время мировой империалистической войны инициативные группы занимали позицию социал-шовинизма. — 162.

76 *Ортодокс* — меньшевичка Л. И. Аксельрод. — 162.

77 «*Дело*» — двухнедельный меньшевистский социал-шовинистический журнал; издавался в Москве с 1916 по 1917 год. — 163.

78 «*Дискуссионный Листок*» — приложение к Центральному Органу РСДРП — газете «Социал-Демократ»; издавался по постановлению январского (1910 г.) пленума ЦК РСДРП с 6 (19) марта

1910 года по 29 апреля (12 мая) 1911 года в Париже. Вышло три номера. — 163.

- 79 *«Голос»* — меньшевистская газета социал-шовинистического направления; издавалась в Самаре в 1916 году. Вышло четыре номера. Газета являлась продолжением меньшевистских газет *«Наш Голос»* и *«Голос Труда»*, выходивших также в Самаре. — 164.
- 80 Статью *«Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»* Ленин предполагал напечатать в газете *«Новый Мир»*, издававшейся в Нью-Йорке русскими социалистами-эмигрантами. Но в этой газете статья не была напечатана. Две первые главы этой статьи, в переработанном виде, были напечатаны в последнем, 58-м, номере газеты *«Социал-Демократ»* под заглавием *«Поворот в мировой политике»* (см. настоящий том, стр. 256—264). — 165.
- 81 *Всеобщий союз профессиональных рабочих союзов* (Всеобщая конфедерация труда) — общефранцузское объединение профсоюзов, оформившееся в 1895 году. В период мировой империалистической войны (1914—1918) руководящее ядро Всеобщей конфедерации труда встало на сторону империалистов и вело пропаганду сотрудничества классов и «защиты отечества». — 177.
- 82 *Французская социалистическая партия* образовалась в 1902 году. В 1905 году по инициативе Французской социалистической партии и Социалистической партии Франции была организована единая социалистическая партия; в состав ее вошли представители всех социалистических партий и групп (гедисты, бланкисты, жоресисты и др.). Руководство во Французской социалистической партии перешло к социалистам-реформистам (во главе с Жоресом), которые составляли ее большинство. Во время мировой империалистической войны (1914—1918) партия занимала социал-шовинистическую позицию, ее парламентская фракция голосовала за военные кредиты, ее представители участвовали в буржуазном правительстве. На съезде в Туре (25—30 декабря 1920 г.) произошел раскол Французской социалистической партии: большинство образовало Коммунистическую партию Франции, право-оппортунистическое меньшинство, во главе с Леоном Блюмом, покинуло съезд и создало самостоятельную партию, принявшую старое название — Французской социалистической партии. После второй мировой войны руководство Французской социалистической партии, возглавляемое Леоном Блюмом, поддерживает союз с французской реакцией и выступает как агентура империалистических кругов США. — 177.
- 83 *«La Bataille»* («Битва») — газета, орган французских анархо-синдикалистов; начала выходить в Париже с ноября 1915 года;

- в период мировой империалистической войны (1914—1918) занимала шовинистическую позицию. — 179.
- 84 Настоящая статья написана в ответ на открытое письмо французского троцкиста Бориса Суварина, опубликованное в 1916 году под заглавием «A nos amis qui sont en Suisse» («К нашим друзьям в Швейцарии»). Ответ Ленина Суварину был задержан цензурой и напечатан год спустя после его написания в газете французских социалистов-центристов «La Vérité» («Правда») с большими сокращениями и редакционными подзаголовками. Полный текст письма сохранился в виде корректурных оттисков газеты «La Vérité». — 186.
- 85 «L'Humanité» («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии и занимала социалшовинистическую позицию. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как Центральный Орган Коммунистической партии. — 188.
- 86 «Appeal to Reason» («Призыв к Разуму») — газета американских социалистов; основана в штате Канзас (США) в 1895 году; во время мировой империалистической войны (1914—1918) занимала интернационалистическую позицию. — 192.
- 87 В январе 1912 года Пражская конференция РСДРП изгнала из партии меньшевиков и оформила самостоятельное существование большевистской партии. О конференции см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 134—139, а также «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 176—191. — 194.
- 88 «Трибуна» («De Tribune») — газета; основана левым крылом голландской социал-демократической рабочей партии в Амстердаме в 1907 году; с 1909 года газета стала органом Социал-демократической партии Голландии, с 1918 года — орган Коммунистической партии Голландии; с начала тридцатых годов по 1940 год выходила под названием «Фолксдахблад» («Народная Газета»). — 195.
- 89 «Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям» был написан в первых числах января (н. ст.) 1917 года. На рукописи под заголовком имеется надпись Ленина: «(для посылки в I.S.K. и для печати)».
- 7 января (н. ст.) 1917 года председатель Интернациональной социалистической комиссии Р. Гримм, занимавший каутскиан-

скую позицию, провел, вопреки швейцарским левым, в Правлении швейцарской социал-демократической партии решение об отсрочке созыва чрезвычайного съезда на неопределенное время. Происходившая в этот же день в Берлине конференция германской социал-демократии приняла пацифистский манифест Каутского. Эти события означали открытый переход правых циммервальдистов на сторону социал-шовинистов. В связи с этим Ленин внес в проект ряд изменений, но потом решил отложить его опубликование и сделал на нем пометку «писано до 7. I. 1917 и потому частью устарело». Позднее, на основе этого проекта, Ленин написал обращение «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств» (см. настоящий том, стр. 221—227). — 197.

90 Письмо написано Лениным в Цюрихе и направлено в Женеву В. А. Карпинскому. Оно предназначалось для обсуждения в заграничных секциях РСДРП. — 209.

91 «*Grütliener*» («Грютлианец») — газета, орган швейцарского буржуазно-реформистского Грютли-союза; основана в Цюрихе в 1851 году. В период мировой империалистической войны (1914—1918) газета стояла на позиции социал-шовинизма. Эту газету Ленин называл «газетой последовательных и откровенных слуг буржуазии среди рабочего движения». — 210.

92 «Доклад о революции 1905 года» был прочитан В. И. Лениным на немецком языке 9 (22) января 1917 года в Цюрихском народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи. — 228.

93 Тезисы написаны Лениным по поводу статей швейцарского социал-шовиниста Г. Грейлиха, напечатанных в газете «*Volksrecht*» («Народное Право») под общим заголовком «*Zur Landesverteidigung*» («К защите отечества»). — 247.

94 «*Le Populaire*» («Народная Газета») — газета, основанная французскими социалистами-центристами; издавалась с 1916 года в Лиможе, с июля 1917 года в Париже. С 1921 года газета стала органом Французской социалистической партии. В настоящее время газета находится в руках правых социалистов — агентуры реакционных кругов французской буржуазии и империалистов США. — 256.

95 Имеются в виду напечатанные в № 57 газеты «Социал-Демократ»: письмо Гучкова от 15 (28) августа 1916 года начальнику генерального штаба верховного главнокомандующего, генералу Алексееву, и выдержки из речи министра внутренних дел Германии, Гельфериха, произнесенной в рейхстаге в ответ

на запрос оппозиции о многочисленных арестах социал-демократов.

Письмо Гучкова выражало страх русской буржуазии перед нарастающей революцией и недовольство правительством, неспособным предотвратить наступление революции.

Смысл речи Гельфериха сводился к тому, что лучше предупредить наступление революции, арестовав ее вождей, чем допустить революцию. — 257.

96 Имеется в виду обращение «Ко всем примыкающим партиям и группам», принятое расширенным совещанием Интернациональной социалистической комиссии в феврале 1916 года. В обращении дана резкая критика социал-шовинистов и социал-шовинистической позиции Международного социалистического бюро. Попытки лидеров МСБ восстановить II Интернационал путем «взаимной амнистии» социалистов в обращении названы «заговором против социализма». Обращение требовало от социалстов отказа от голосования за военные кредиты и призывало их организовывать стачки, демонстрации, братание в траншеях и применять другие формы революционной борьбы против империалистической войны. Обращение I. S. K. было напечатано в № 3 «Internationale Sozialistische Kommission zu Bern. Bulletin» («Интернациональная Социалистическая Комиссия в Берне. Бюллетень») 29 февраля 1916 года и в № 52 газеты «Социал-Демократ» 25 марта 1916 года. — 260.

97 Работу «Статистика и социология» Ленин предполагал издать легально отдельной брошюрой под псевдонимом П. Пирючев. Закончить работу ему не удалось.

Подготовительные материалы и планы брошюры опубликованы в Ленинском сборнике ХХХ, 1937, стр. 280—300. — 265.

98 «Die Glocke» («Колокол») — журнал; издавался в Мюнхене, а затем в Берлине в 1915—1925 годах членом германской социал-демократической партии, социал-шовинистом Парвусом (Гельфандом) — агентом германского империализма. — 273.

99 «Предложение об изменениях в резолюции по военному вопросу» было внесено швейцарскими левыми социал-демократами при обсуждении военного вопроса на кантональном съезде цюрихской с.-д. организации, происходившем в Тёссе 11—12 февраля (н. ст.) 1917 года.

На съезде были представлены два проекта резолюции: 1) проект резолюции, составленный правыми в духе социал-шовинизма, и 2) центристский проект резолюции, получивший одобрение большинства руководящих деятелей швейцарской с.-д. партии. Большинство голосов (93 против 65) съезд принял проект резолюции большинства. Чтобы не прошла революция социал-шовинистов, левые голосовали за революцию большинства, но внесли предложение об изменениях этой резолюции в духе Циммервальдской левой. За предложение левых было подано 32 голоса.

О борьбе в швейцарской с.-д. партии см. статью Ленина «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии» (настоящий том, стр. 278—281). — 277.

- 100 Имеется в виду референдум по вопросу о созыве чрезвычайного съезда швейцарской социал-демократической партии для обсуждения вопроса об отношении к войне. Референдум был объявлен швейцарскими левыми социал-демократами в связи с постановлением Правления швейцарской социал-демократической партии об отсрочке созыва съезда на неопределенное время. — 278.
- 101 «*Neue Freie Zeitung*» («Новая Свободная Газета») — орган швейцарской социал-демократической организации Золотурнского кантона; издавалась в Ольтене с 1905 по 1920 год. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимала центристскую позицию.
- «*Basler Vorwärts*» («Базельский Вперед») — газета, орган швейцарской социал-демократической организации Базельского кантона; основана в 1898 году; в годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимала центристскую позицию. — 278.
- 102 «*Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года*» написан В. И. Лениным в Цюрихе после получения первых известий о февральской буржуазно-демократической революции и послан в Стокгольм большевикам, отъезжавшим в Россию, для руководства. — 282.
- 103 Имеется в виду буржуазное Временное правительство, сформированное 2 (15) марта 1917 года по приглашению Временного комитета Государственной думы с эсеро-меньшевистскими лидерами Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков. В его состав входили князь Львов, глава кадетов Миллюков, глава октябристов Гучков и другие представители буржуазии и помещиков. В качестве представителя «демократии» в правительство был введен эсер Керенский. — 282.
- 104 Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 287.
- 105 Заглавие документа дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 288.
- 106 «*Письма из далека*» — пять писем, написанные В. И. Лениным в Швейцарии в конце марта — начале апреля (п. ст.) 1917 года для большевистской газеты «Правда», издание которой было возобновлено в Петрограде после февральской революции.
- «Письмо 1. Первый этап первой революции» было напечатано в №№ 14 и 15 «Правды» 21 и 22 марта 1917 года с

большими сокращениями и поправками. Во втором — третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина письмо было напечатано по тексту газеты «Правда», в четвертом издании оно печатается по тексту машинописной копии, сверенному с текстом «Правды». Остальные четыре письма были опубликованы в 1924 году. — 289.

107 *«The Times»* («Времена») — газета, основанная в 1785 году в Лондоне; одна из крупных консервативных газет английской буржуазии. — 302.

108 *«Народные социалисты»* (энесы) — мелкобуржуазная партия; образовалась в 1906 году, выделившись из правого крыла эсеров; выставляла умеренно-демократические требования, не выходящие из рамок конституционной монархии. Энесы отказывались от программного эсеровского положения социализации земли, признавая отчуждение помещичьей земли на основе выкупа. В. И. Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками». Лидерами энесов были: А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и другие.

После февральской буржуазно-демократической революции партия энесов активно поддерживала буржуазное Временное правительство, перешла в лагерь контрреволюции. — 305.

109 *Трудовики*, «Трудовая группа» — группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы. Фракция трудовиков существовала во всех четырех Думах. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) трудовики занимали шовинистическую позицию. После февральской буржуазно-демократической революции трудовики, являясь выразителями интересов кулачества, вместе с народными социалистами перешли в лагерь контрреволюции. — 306.

110 *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевистско-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 годах в Петербурге. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. С января 1915 года, после закрытия «Нашей Зари», стал выходить журнал «Наше Дело». — 306.

111 Имеется в виду соглашение об образовании буржуазного Временного правительства, заключенное 1 (14) марта 1917 года Временным комитетом Государственной думы и эсеро-меньшевистскими лидерами Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков. Эсеры и меньшевики добровольно сдали власть буржуазии, предоставив право Временному комитету Государственной думы по его усмотрению сформировать Временное правительство. — 307.

- 112 *«Le Temps»* («Время») — ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1861 года по 1942 год. — 307.
- 113 *«Neue Zürcher Zeitung»* («Новая Цюрихская Газета») — швейцарская буржуазная газета; основана в Цюрихе в 1780 году; до 1821 года выходила под названием *«Zürcher Zeitung»*. Газета выходит в настоящее время. — 308.
- 114 *«National-Zeitung»* («Национальная Газета») — немецкая буржуазная газета; основана в Берлине в 1848 году. — 308.
- 115 Речь идет о «контактной комиссии», в состав которой вошли Чхеидзе, Стеклов, Суханов, Филипповский и Скобелев (позднее вошли Чернов и Церетели). «Контактная комиссия» была выделена меньшевистско-эсеровским Исполнительным Комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 8 (21) марта 1917 года для установления контакта с Временным правительством, «воздействия» на него и «контроля» за его деятельностью. На деле «контактная комиссия» помогала осуществлению буржуазной политики Временного правительства и стремилась удержать рабочие массы от активной революционной борьбы за переход всей власти к Советам. «Контактная комиссия» существовала до мая 1917 года, когда представители меньшевиков и эсеров вошли непосредственно в состав Временного правительства. — 308.
- 116 *«Франкфуртская Газета»* («Frankfurter Zeitung») — немецкая буржуазная газета; издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 года по 1943 год. — 312.
- 117 *«Фоссова Газета»* («Vossische Zeitung») — немецкая буржуазная газета; основана в Берлине в 1704 году. — 312.
- 118 См. об этом в работе В. И. Ленина «Государство и революция» (Сочинения, 4 изд., том 25). — 317.
- 119 *«Летопись»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, основанный М. Горьким в Петрограде; выходил с декабря 1915 года по август 1917 года. — 325.
- 120 *Аграрная программа «104-х»* — «Проект основных положений» земельного закона, внесенный в I Думу за подписью 104-х крестьянских депутатов 23 мая (5 июня) 1906 года. В проекте выдвигались требования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; предоставление права пользования землей только тем, кто сам ее обрабатывает. За отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты, выбранные на основе

полного демократизма. Проект «104-х» Ленин называл «революционным аграрным проектом» (см. настоящий том, стр. 362). — 332.

- 121 В 1915 году в Берне большевиками была образована комиссия помощи пленным. Комиссия провела большую работу по налаживанию связи и организации работы среди русских пленных, находившихся в немецких лагерях: была налажена широкая переписка, посылались нелегальная большевистская литература.

Настоящее позвание к пленным было написано Лениным вскоре после получения первых известий о революции в России и издано редакцией «Социал-Демократ» отдельным листком. В конце листовки имеется приписка: «Товарищи! Продолжайте сношение с комиссией помощи пленным — по адресу: Schweiz, Bern, Falkenweg 9. Товарищи постараются попрежнему присылать вам книги и пр.». — 334.

- 122 «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета; издавалась в Петербурге; была основана по указанию В. И. Ленина и по инициативе И. В. Сталина. Под руководством И. В. Сталина была выработана платформа «Правды» и подготовлен первый номер, вышедший 22 апреля (5 мая) 1912 года.

«Правда» издавалась на средства рабочих: в 1912 году рабочие провели 620 групповых сборов на большевистскую печать, в 1913 году — 2181, в январе — мае 1914 года — 2873. Передовые рабочие являлись корреспондентами «Правды». Тираж ее доходил до 40—60 тысяч экземпляров в день. Каждый экземпляр газеты читали десятки рабочих.

Большевиков тогда называли «правдистами». «Правда» 1912 года, — писал И. В. Сталин, — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году.

Ленин руководил из-за границы «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции. После побега из нарымской ссылки в сентябре 1912 года руководящее участие в «Правде» принимал И. В. Сталин. В январе — феврале 1913 года редактором «Правды» был Я. М. Свердлов. В феврале 1913 года И. В. Сталин вместе с Я. М. Свердловым провел реорганизацию редакции «Правды» по указаниям Ленина. С мая по ноябрь 1912 года секретарем и членом редакционной коллегии работал В. М. Молотов; осенью 1913 года, будучи на нелегальном положении, он руководил в «Правде» отделом профессионального движения. Постоянными сотрудниками редакции были: М. С. Ольминский, Н. Н. Батулин, К. С. Еремеев, Н. Г. Полетаев, К. Н. Самойлова, А. И. Елизарова и другие. Деятельное участие в газете принимали депутаты IV Думы — большевики. В «Правде» печатались произведения А. М. Горького.

Царское правительство закрывало «Правду» восемь раз, но газета продолжала выходить под другими названиями: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За

Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Рабочий», «Трудовая Правда».

Издание «Правды», закрытой накануне империалистической войны — 8 (21) июля 1914 года, возобновилось только после февральской революции, 5 (18) марта 1917 года; газета стала выходить как официальный орган Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП(б). 15 (28) марта на расширенном заседании Бюро ЦК в состав редакции «Правды» был введен И. В. Сталин. По возвращении в Россию в апреле 1917 года В. И. Ленин возглавил руководство «Правдой». После июльских дней, в связи с переходом В. И. Ленина на нелегальное положение, ответственным редактором Центрального Органа партии стал И. В. Сталин. В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая Временным правительством, четыре раза меняла свое название и выходила под названиями: «Листок «Правды», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь». С 27 октября (9 ноября) газета стала выходить под своим старым названием — «Правда». — 338.

- 123 Реферат «О задачах РСДРП в русской революции» был прочитан В. И. Лениным на пемещком языке 14 (27) марта 1917 года в Цюрихском народном доме на собрании швейцарских рабочих. — 346.
- 124 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1948, стр. 292 и 474. — 350.
- 125 «*Corriere della Sera*» («Вечерний Курьер») — ежедневная итальянская буржуазная газета, основанная в Милане в 1876 году; продолжает выходить до настоящего времени. — 352.
- 126 С января 1914 года Черномазов был отстранен от работы в редакции газеты «Правда» по подозрению в провокации и с тех пор не принимал никакого участия в издании газеты «Правда». — 354.
- 127 «*Petit Parisien*» («Маленький Парижанин») — ежедневная газета наиболее реакционных кругов французской буржуазии; основана в Париже в 1876 году. — 354.
- 128 По поручению Комитета по организации возвращения русских эмигрантов на родину Р. Гримм начал вести переговоры об их переезде в Россию. Ввиду того что Гримм занял двусмысленную позицию и затягивал переговоры о переезде, большевики отказались от его услуг и передали полномочия на дальнейшее ведение переговоров секретарю швейцарской социал-демократической партии Ф. Платтену. — 355.
- 129 «*Freie Jugend*» («Свободная Молодежь») — орган швейцарской социал-демократической организации молодежи; издавался в Цюрихе с 1906 по 1918 год. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) примыкал к Циммервальдской левой. — 358.

- 130 Имеется в виду «Предложение об изменениях в резолюции по военному вопросу», написанное В. И. Лениным и внесенное от имени швейцарских левых социал-демократов на кантональном съезде в Тёссе, происходившем 11—12 февраля (н. ст.) 1917 года (см. настоящий том, стр. 277). — 358.
- 131 «*Лабуристами*» Ленин называет лейбористов — членов Рабочей партии (Labour Party). — 363.
- 132 «*Arbeiterpolitik*» («Рабочая Политика») — еженедельный легальный журнал; издавался бременской группой немецких левых социал-демократов с 1916 по 1919 год. — 363.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Август 1916 года — март 1917 года)

1916

- Конец августа — начало сентября.* Ленин возвращается из местечка Флюмс в Цюрих.
- Август — сентябрь.* Ленин пишет статьи «О рождающемся направлении «империалистического экономизма» и «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)».
- Август — октябрь.* Ленин пишет статью «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».
- Сентябрь, 17 (30).* Ленин принимает участие в совещании Интернациональной социалистической комиссии в Берне.
- Сентябрь.* Ленин пишет статью «Военная программа пролетарской революции». Статья была опубликована в 1917 году в газете «Jugend-Internationale» №№ 9 и 10.
- Первая половина октября.* Ленин пишет приветствие от имени ЦК РСДРП съезду Итальянской социалистической партии. Приветствие было зачитано на съезде 2 (15) октября в Цюрихе.
- Октябрь.* Ленин пишет статьи «О лозунге «разоружения» и «Империализм и раскол социализма». Статьи были опубликованы в декабре 1916 года в «Сборнике Социал-Демократа» № 2.
- Октябрь, 21 и 22 (ноябрь, 3 и 4).* Ленин присутствует на совещаниях левых социал-демократов делегатов съезда швейцарской с.-д. партии; участвует в выработке проекта резолюции съезда по вопросу об отношении к Кинтальской конференции.
- Октябрь, 22 (ноябрь, 4).* Ленин присутствует на съезде швейцарской социал-демократии в Цюрихе; выступает с приветственной речью от имени ЦК РСДРП.
- Октябрь, 24 (ноябрь, 6).* Статьи Ленина «О сепаратном мире» и «Целый десяток «социалистических» министров» публикуются в № 56 газеты «Социал-Демократ».

- Октябрь.** Выходит «Сборник Социал-Демократа» № 1 со статьями Ленина «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса» и тезисами «Социалистическая революция и право наций на самоопределение».
- Конец октября — начало ноября.** Ленин пишет тезисы «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии»; дает указания о переводе тезисов на иностранные языки и их распространении. Тезисы были опубликованы в 1918 году отдельной брошюрой на французском языке.
- Ноябрь, 7 (20).** Ленин проводит беседу с левыми циммервальдистами о тезисах «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии».
- Ноябрь, 17 (30).** Ленин проводит вторую беседу с левыми циммервальдистами о тезисах «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии» и об отношении швейцарской с.-д. партии к войне.
- Ноябрь 1916 г. — февраль 1917 г.** В письмах Инессе Арманд Ленин отстаивает и развивает важнейшие марксистские положения об отношении к войне и о защите отечества. Ленин подвергает резкой критике оппортунистическую позицию «империалистического экономизма» Пятакова — Бухарина, изобличает наглое политическое интриганство Радека, беспринципное двурушническое поведение Троцкого и Зиновьева, вскрывает и критикует ошибки и непоследовательность левых социал-демократов.
- Начало декабря.** Ленин работает над «Тезисами об отношении швейцарской социал-демократической партии к войне».
- Декабрь, 19 (1 января 1917 года).** Ленин написал статью «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический».
- Вторая половина декабря.** Ленин пишет «Открытое письмо Борису Суварину». Письмо было опубликовано в сокращенном виде 27 января 1918 года в газете «La Vérité» № 48.
- До 25 декабря (7 января 1917 года).** Ленин пишет «Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям».
- Декабрь, 26 (8 января 1917 года).** Ленин в письме В. А. Карпинскому разоблачает социал-шовинистическую позицию Р. Гримма и намечает меры борьбы против большинства оппортунистических лидеров швейцарской с.-д. партии, перешедших на сторону социал-шовинистов.

Декабрь, 26—27 Ленин пишет «Открытое письмо к Шарлю Нану, члену Международной социалистической комиссии в Берне».
(8—9 января 1917 года).

Конец декабря. Ленин пишет обращение «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств».

Декабрь. Выходит «Сборник Социал-Демократа» № 2 со статьями Ленина «О ловушке «разоружения», «Империализм и раскол социализма», «Интернационал Молодежи», «Потуги обелить оппортунизм» и «Фракция Чхеидзе и ее роль».

Ленин пишет статьи «Принципиальные положения к вопросу о войне» и «К постановке вопроса о защите отечества».

1917

Январь, 1—2 Ленин руководит совещанием швейцарских левых социал-демократов, на котором обсуждается вопрос о выступлении против Гримма.
(14—15).

Январь, 6 (19). Ленин рассылает заграничным секциям большевиков резолюцию швейцарских левых с.-д., объявивших референдум по вопросу о созыве чрезвычайного партийного съезда, который был отложен на неопределенное время, по постановлению Правления швейцарской с.-д. партии.

Январь, 9 (22). Ленин выступает с докладом о революции 1905 года на собрании молодежи в Цюрихе.

Между 13 и 17 Ленин пишет статью «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества». Статья публикуется в №№ 26 и 27 газеты «Volksrecht».
(26 и 30) января.

Январь, 18 (31). Статья Ленина «Поворот в мировой политике» публикуется в № 58 газеты «Социал-Демократ».

Январь. Ленин пишет брошюру «Статистика и социология», тезисы «Признаки «центра», как течения в международной социал-демократии» и статью «Мнимое или действительное болото?».

Январь, 24 Ленин присутствует на общем собрании цюрихской социал-демократической организации, на котором производятся выборы комитета.
(Февраль, 6).

Между 27 и 29 Ленин пишет «Предложение об изменении в резолюции по военному вопросу» для внесения на кантональные съезды швейцарской с.-д. партии от имени левых социал-демократов.
(9 и 11 февраля).

- Январь — февраль.* Ленин работает в Цюрихской библиотеке над вопросом об отношении марксизма к государству; делает выписки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса; пишет свои замечания и выводы. Подготовленный материал Ленин озаглавил «Марксизм о государстве».
- Февраль, 4 (17).* Ленин в письме в Стокгольм А. М. Коллонтай запрашивает о возможности установления связи со шведскими левыми с.-д. и сотрудничества в их газете.
- Февраль, 20 (март, 5).* Ленин в письме в Стокгольм А. М. Коллонтай дает конкретные указания о мерах сплочения левых и намечает план для выработки тезисов к съезду молодых (шведский с.-д. союз молодежи).
- Конец февраля.* Ленин пишет статью «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии».
- Февраль — март.* Ленин принимает участие в редактировании «Листка» № 1 швейцарской группы Циммервальдской левой, организует перевод «Листка» на иностранные языки и его распространение.
- Март, 2 (15).* Ленин получает первые известия о февральской революции и принимает меры для скорейшего возвращения в Россию.
- Март, 3 и 4 (16 и 17).* В письмах в Стокгольм А. М. Коллонтай Ленин дает оценку февральской революции в России и намечает тактику большевиков.
- Март, 4 (17).* Ленин пишет «Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года» и посылает его в Стокгольм для руководства большевикам, отъезжающим в Россию.
- Март, 5 (18).* Ленин выступает в Шо-де-Фонне (Швейцария) с рефератом о Парижской Коммуне и о перспективах развития русской революции.
- Март, 6 (19).* Ленин посылает в Стокгольм телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию, в которой дает директивные указания о тактике партии в революции.
- Март, 7 (20).* Ленин пишет «Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции». Письмо публикуется в №№ 14 и 15 газеты «Правда».
- Март, 8—9 (21—22).* Ленин пишет «Письма из далека. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат».

- Март, 10 (23).* Ленин посылает заграничным секциям большевиков копии первого и второго «Писем из далека».
- Март, 10—11 (23—24).* Ленин пишет «Письма из далека. Письмо 3. О пролетарской милиции».
- Март, 12 (25).* Ленин пишет «Письма из далека. Письмо 4. Как добиться мира?» и статью «Революция в России и задачи рабочих всех стран».
- Середина марта.* Ленин пишет воззвание «Товарищам, томящимся в плену», которое издается отдельной листовкой ва подписью «Редакция «Социал-Демократа»».
- Март, 14 (27).* Ленин выступает в Цюрихе с рефератом «О задачах РСДРП в русской революции». Автореферат публикуется в №№ 77 и 78 газеты «Volksrecht».
- Март, 17 (30).* Ленин пишет статью «Проделки республиканских шовинистов». Статья публикуется в № 81 газеты «Volksrecht» и в сокращенном виде в № 99 газеты «Avanti!».
- Март, 18 (31).* Написанное Лениным постановление о порядке возвращения эмигрантов в Россию принимается Заграничной Коллегией ЦК РСДРП.
- Март, 22 (апрель, 4).* Ленин в Цюрихе участвует на совещании по вопросу об организации отъезда эмигрантов в Россию.
Ленин едет в Берн для подписания протокола о проезде из Швейцарии в Россию.
- Март, 26 (апрель, 8).* Ленин пишет «Письма из далека. Письмо 5. Задачи революционного пролетарского государственного устройства».
Ленин пишет «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Письмо принимается в Берне собранием отъезжающих в Россию членов РСДРП.
- Март, 27 (апрель, 9).* Ленин и Крупская выезжают из Швейцарии в Россию.
- Между 27 и 30 марта (9 и 12 апреля).* Ленин в пути работает над тезисами о задачах пролетариата в революции («Апрельские тезисы»).
- Март, 31 (апрель, 13).* Проездом из эмиграции в Россию Ленин останавливается на один день в Стокгольме; участвует на совещании шведских с.-д. интернационалистов; организует Заграничное Бюро ЦК РСДРП.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	VII
<i>1916 г.</i>	
О РОЖДАЮЩЕМСЯ НАПРАВЛЕНИИ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЗМА».....	1—9
ОТВЕТ П. КИЕВСКОМУ (Ю. ПЯТАКОВУ).....	10—15
О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ».....	16—64
1. Марксистское отношение к войнам и к «защите отечества».....	17
2. «Наше понимание новой эпохи».....	24
3. Что такое экономический анализ?.....	28
4. Пример Норвегии.....	36
5. О «монизме и дуализме».....	43
6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским.....	52
7. Заключение. Приемы Алексинского.....	63
ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	65—76
I.....	65
II.....	68
III.....	71
В ТРЕХ СОСНАХ ЗАБЛУДИЛИСЬ.....	77—78

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	79—82
О ЛОЗУНГЕ «РАЗОРУЖЕНИЯ».....	83—93
I.....	83
II.....	85
III.....	88
IV.....	89
ИМПЕРИАЛИЗМ И РАСКОЛ СОЦИАЛИЗМА.....	94—109
РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 4 НОЯБРЯ 1916 г.....	110—113
О СЕПАРАТНОМ МИРЕ.....	114—122
ЦЕЛЫЙ ДЕСЯТОК «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ» МИНИСТРОВ.....	123—125
ЗАДАЧИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ.....	126—137
I. Отношение к войне и к буржуазному правительству вообще.....	127
II. Дороговизна и невыносимое экономическое положение масс.....	128
III. Особо насущные демократические преобразования и использование политической борьбы и парламентаризма.....	131
IV. Очередные задачи партийной пропаганды, агитации и организации.....	132
V. Международные задачи швейцарских социал-демократов.....	135
ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВОЙНЕ.....	138—140
ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ К ВОПРОСУ О ВОЙНЕ.....	141—150
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА.....	151—152
ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ (<i>Заметка</i>).....	153—156
ПОТУГИ ОБЕЛИТЬ ОПОРТУНИЗМ.....	157—160
ФРАКЦИЯ ЧЖЕНДЖЕ И ЕЕ РОЛЬ.....	161—164

1917 г.

ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ И ПАЦИФИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ	165—185
<i>Статья (или глава) I. Поворот в мировой политике</i>	167
<i>Статья (или глава) II. Пацифизм Каутского и Турати</i>	171
<i>Статья (или глава) III. Пацифизм французских социалистов и синадикалистов</i>	177
<i>Статья (или глава) IV. Циммервальд на распутьи</i>	181
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОРИСУ СУВАРИНУ	186—196
ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И КО ВСЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ	197—208
В. А. КАРПИНСКОМУ	209—211
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ШАРЛЮ НЭНУ, ЧЛЕНУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В ВЕРНЕ ...	212—220
К РАБОЧИМ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИМ БОРЬБУ ПРОТИВ ВОЙНЫ И ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ, ПЕРЕШЕДШИХ НА СТОРОНУ СВОИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ	221—227
ДОКЛАД О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА	228—246
ДВЕНАДЦАТЬ КРАТКИХ ТЕЗИСОВ О ЗАЩИТЕ Г. ГРЕЙЛИХОМ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА	247—252
ЗАЩИТА НЕЙТРАЛИТЕТА	253—255
ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	256—264
СТАТИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ	265—271
Предисловие.....	265
Историческая обстановка национальных движений.....	265
<i>Глава I. Немного статистики</i>	267
I.....	267
II.....	270
МНИМОЕ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ БОЛОТО?	272—276
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В РЕВОЛЮЦИИ ПО ВОЕННОМУ ВОПРОСУ	277

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКОГО ПЕРИОДА В ЖИЗНИ ОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	278—281
НАБРОСОК ТЕЗИСОВ 4 (17) МАРТА 1917 ГОДА.....	282—286
ТЕЛЕГРАММА БОЛЬШЕВИКАМ, ОТЪЕЗЖАЮЩИМ В РОССИЮ	287
ЗАЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТУ «VOLKSRECHT».....	288
ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА.....	289—333
<i>Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции</i>	291
<i>Письма из далека. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат</i>	302
<i>Письма из далека. Письмо 3. О пролетарской мили- ции</i>	312
<i>Письма из далека. Письмо 4. Как добиться мира?</i>	324
<i>Письма из далека. Письмо 5. Задачи революцион- ного пролетарского государственного устройства</i>	331
ТОВАРИЩАМ, ТОМЯЩИМСЯ В ПЛЕНУ.....	334—340
РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧИХ ВСЕХ СТРАН	341—345
О ЗАДАЧАХ РСДРП В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. <i>Авторе- ферат</i>	346—351
ПРОДЕЛКИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ШОВИНИСТОВ.....	352—354
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ КОЛЛЕГИИ ЦК РСДРП...	355—356
ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ.....	357—364
<i>Примечания</i>	365—392
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	393—399

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет В. И. Ленина. — 1917 г.....	VIII—1
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Письма из далека. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат». — 22 (9) марта 1917 г.....	302—303
Первая страница листовки: «Товарищам, томящимся в плену». — 1917 г.....	335

Тираж 500 тыс. экз. (251—500 тыс.).
Подписано к печати 24/II 1949 г.
Объем 25³/₄ п. л. + 2 вклейки ¹/₄ п. л.
24,82 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 к.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.